РУССКІЕ БЫВШІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Томъ I.

12 ПОРТРЕТОВЪ

съ

БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

Изданіе А. О. Баумана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невск. просп. № 8.
1877.

Русскіе Бывшіе

Дѣятели.

СБОРНИКЪ ПОРТРЕТОВЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ
ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ,
съ
КРАТКИМИ БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

Томъ I.

ДѢЯТЕЛИ ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

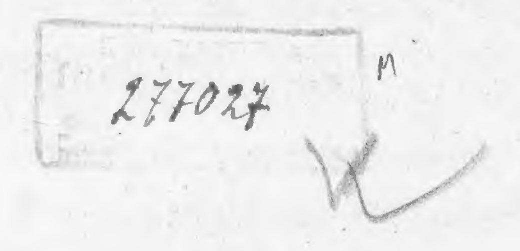
СОСТАВИЛЪ
П. Н. Петровъ.

Изданіе **А О. Баумана.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій пр. д. № 8.
1877.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 1 іюля 1877 г.

Дѣятели эпохи преобразованій.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

Конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ нашей исторіи такая именно пора, когда вѣковые порядки прошлаго, — за сильнымъ уходомъ впередъ народной жизни и настояній государственнаго развитія — требовали быстрой и неотмѣнной замѣны ихъ новыми, болѣе пригодными рычагами для движенія. Сознаніе важности значенія подобнаго перелома въ народной жизни приводитъ само собою на память дѣятелей, участниковъ переворота и важность подвига ихъ въ исторіи. Вотъ почему съ этихъ передовыхъ людей начали мы разсказы о прошлыхъ нашихъ дѣятеляхъ въ отечествѣ.

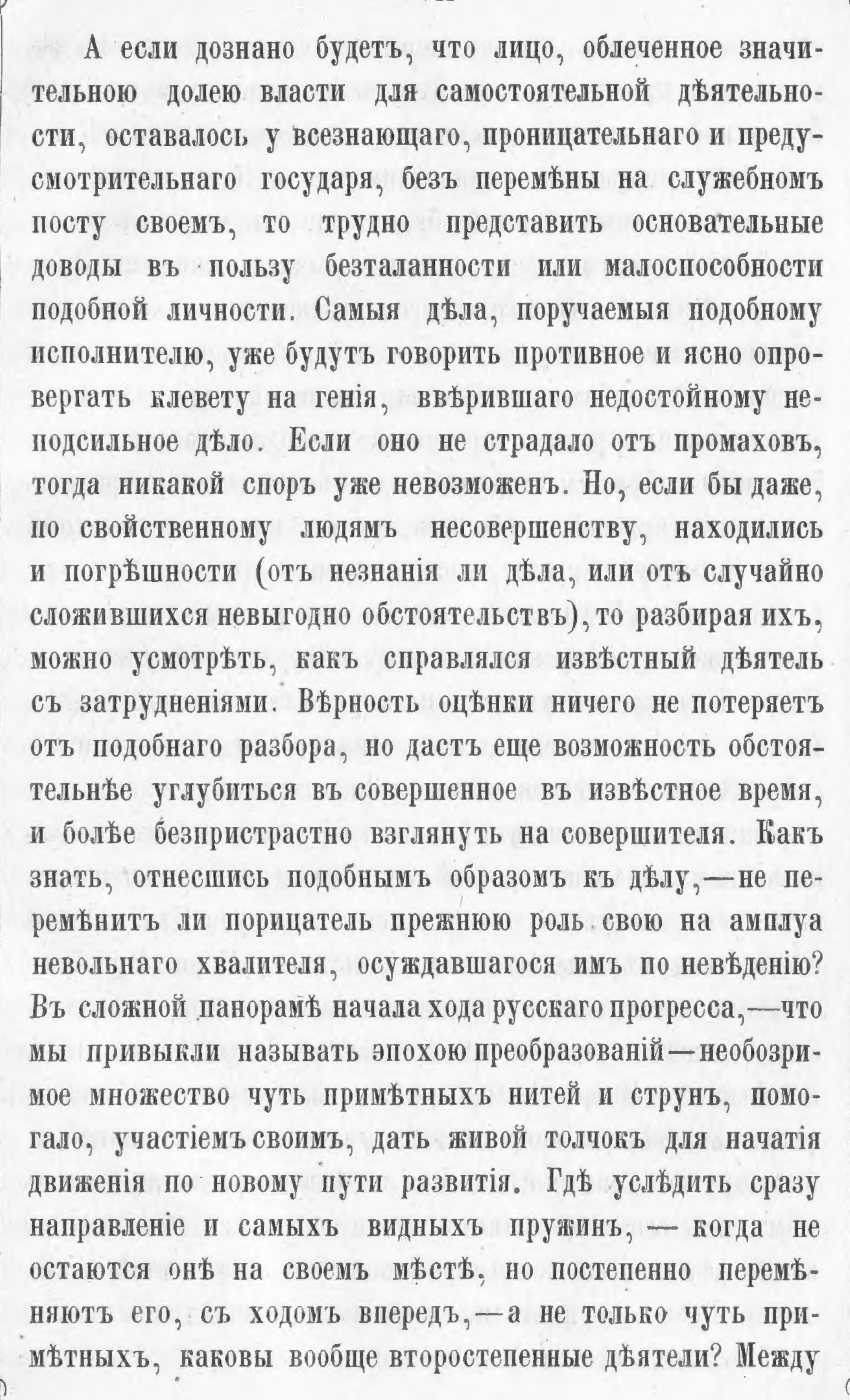
Требовались новые рычаги, потому что новыя, болѣе пригодныя для времени и обстоятельствъ, мѣры — могли быть придуманы только людьми исключительными, надѣленными особенными счастливыми способностями, чисто исполнительными, *организаторскими*. А что выше еще и важнѣе того, обладатели ихъ должны были, по складу мыслей и характера, живо чувствовать необходимость перемѣнъ и вѣрно угадывать, по крайней мѣрѣ, конечную цѣль основы стремленій своихъ.

Намъ скажутъ, чего добраго, что высказанное нами

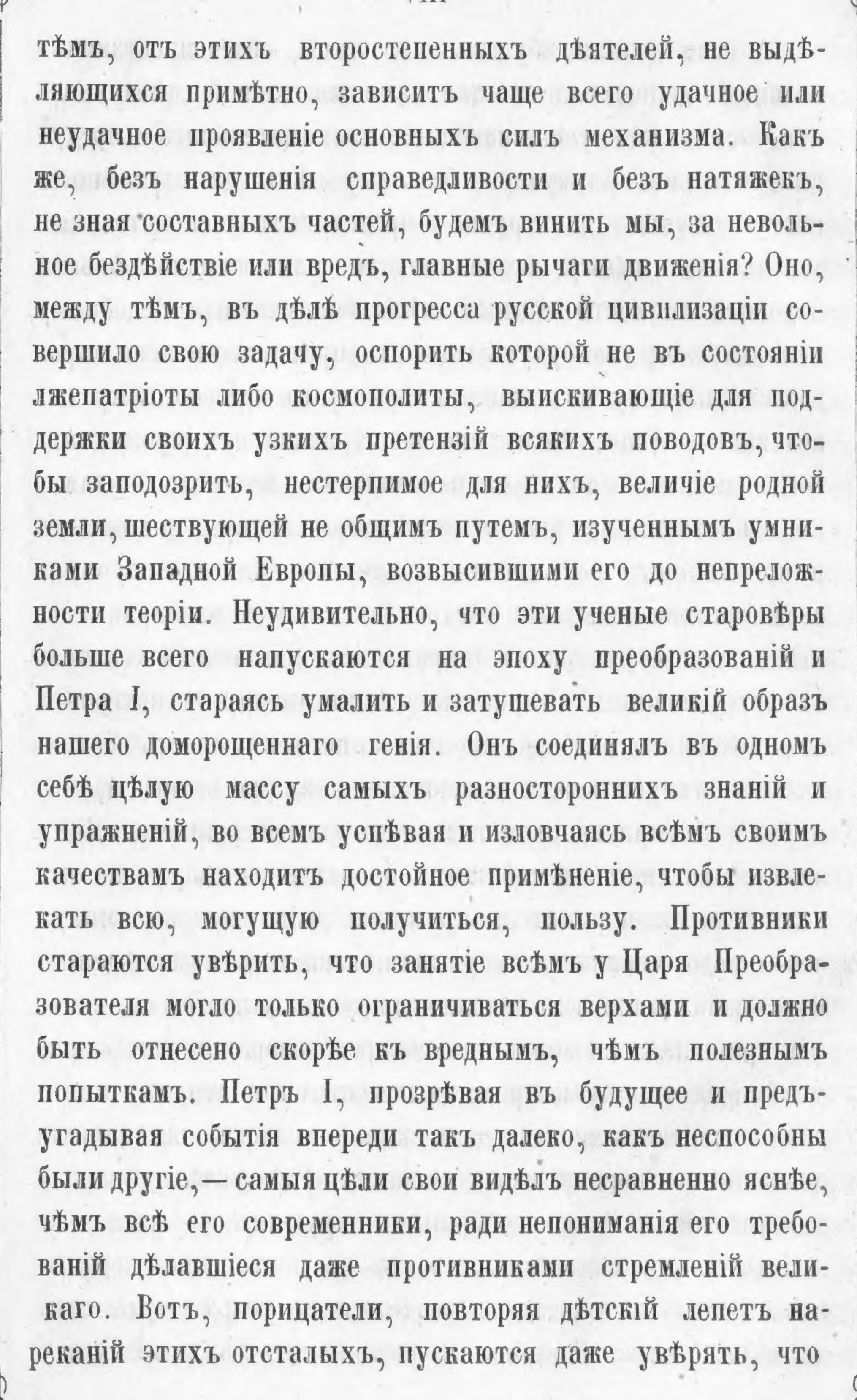
положенiе можетъ быть принято какъ желаемое, но не исполнимое, по времени, совершенство умственнаго развитiя между русскими людьми. Что, если кто можетъ подойти подъ подобныя условiя, то одинъ Петръ I, всѣми признанный мiровой генiй. Что подъ пару ему не находилось изъ русскихъ. Что даже тѣ изъ нихъ, которыхъ удостоилъ Царь Преобразователь особенной довѣренности, непонимали сами чего онъ хочетъ и на сколько это можетъ быть дѣйствительно нужно для блага государственнаго. Но, во имя его Петръ I, оставаясь государемъ, умалялся до личной работы на верфи въ качествѣ плотника и подвергалъ себя опасности быть убитымъ отъ вражеской пули въ траншеяхъ и на штурмахъ.

Судя поверхностно и мѣряя на рутинный аршинъ кѣмъ бы то ни было высказанныхъ, пристрастныхъ мнѣнiй, такъ бы выходило. Вникнувъ же въ обширность несомнѣнныхъ фактовъ, записанныхъ современниками и сохраненныхъ оффицiальными производствами, по разнымъ отраслямъ службы и выполненiю порученiй начальства,— выходитъ далеко не то. Что генiй всегда былъ выродкомъ между современниками, опережая ихъ идеи на цѣлый вѣкъ, если не больше, своими, полными ясновидѣнiя, отгадками впередъ,—никто не станетъ спорить. Не подлежитъ спору и то, что генiй въ выборѣ пособниковъ себѣ почти никогда не ошибается, останавливаясь на личностяхъ даровитыхъ и отличая ихъ, по мѣрѣ дѣйствительной заслуги ихъ и пригодности для цѣли, имъ же указанной или предположенной. Поэтому, одно нахожденiе въ числѣ отличенныхъ вниманiемъ генiальнаго человѣка, на самомъ дѣлѣ уже хорошая рекомендацiя о лицѣ, подлинно незаурядномъ и непошломъ.

А если дознано будетъ, что лицо, облеченное значительною долею власти для самостоятельной дѣятельности, оставалось у всезнающаго, проницательнаго и предусмотрительнаго государя, безъ перемѣны на служебномъ посту своемъ, то трудно представить основательные доводы въ пользу безталанности или малоспособности подобной личности. Самыя дѣла, поручаемыя подобному исполнителю, уже будутъ говорить противное и ясно опровергать клевету на генія, ввѣрившаго недостойному непосильное дѣло. Если оно не страдало отъ промаховъ, тогда никакой споръ уже невозможенъ. Но, если бы даже, по свойственному людямъ несовершенству, находились и погрѣшности (отъ незнанія ли дѣла, или отъ случайно сложившихся невыгодно обстоятельствъ), то разбирая ихъ, можно усмотрѣть, какъ справлялся извѣстный дѣятель съ затрудненіями. Вѣрность оцѣнки ничего не потеряетъ отъ подобнаго разбора, но дастъ еще возможность обстоятельнѣе углубиться въ совершенное въ извѣстное время, и болѣе безпристрастно взглянуть на совершителя. Какъ знать, отнесшись подобнымъ образомъ къ дѣлу,—не перемѣнитъ ли порицатель прежнюю роль свою на амплуа невольнаго хвалителя, осуждавшагося имъ по невѣденію? Въ сложной панорамѣ начала хода русскаго прогресса,—что мы привыкли называть эпохою преобразованій—необозримое множество чуть примѣтныхъ нитей и струнъ, помогало, участіемъ своимъ, дать живой толчокъ для начатія движенія по новому пути развитія. Гдѣ услѣдить сразу направленіе и самыхъ видныхъ пружинъ, — когда не остаются онѣ на своемъ мѣстѣ, но постепенно перемѣняютъ его, съ ходомъ впередъ,—а не только чуть примѣтныхъ, каковы вообще второстепенные дѣятели? Между

тѣмъ, отъ этихъ второстепенныхъ дѣятелей, не выдѣляющихся примѣтно, зависитъ чаще всего удачное или неудачное проявленіе основныхъ силъ механизма. Какъ же, безъ нарушенія справедливости и безъ натяжекъ, не зная составныхъ частей, будемъ винить мы, за невольное бездѣйствіе или вредъ, главные рычаги движенія? Оно, между тѣмъ, въ дѣлѣ прогресса русской цивилизаціи совершило свою задачу, оспорить которой не въ состояніи лжепатріоты либо космополиты, выискивающіе для поддержки своихъ узкихъ претензій всякихъ поводовъ, чтобы заподозрить, нестерпимое для нихъ, величіе родной земли, шествующей не общимъ путемъ, изученнымъ умниками Западной Европы, возвысившими его до непреложности теоріи. Неудивительно, что эти ученые старовѣры больше всего напускаются на эпоху преобразованій и Петра I, стараясь умалить и затушевать великій образъ нашего доморощеннаго генія. Онъ соединялъ въ одномъ себѣ цѣлую массу самыхъ разностороннихъ знаній и упражненій, во всемъ успѣвая и изловчаясь всѣмъ своимъ качествамъ находитъ достойное примѣненіе, чтобы извлекать всю, могущую получиться, пользу. Противники стараются увѣрить, что занятіе всѣмъ у Царя Преобразователя могло только ограничиваться верхами и должно быть отнесено скорѣе къ вреднымъ, чѣмъ полезнымъ попыткамъ. Петръ I, прозрѣвая въ будущее и предъугадывая событія впереди такъ далеко, какъ неспособны были другіе,— самыя цѣли свои видѣлъ несравненно яснѣе, чѣмъ всѣ его современники, ради непониманія его требованій дѣлавшіеся даже противниками стремленій великаго. Вотъ, порицатели, повторяя дѣтскій лепетъ нареканій этихъ отсталыхъ, пускаются даже увѣрять, что

страстныя и неукротимыя, влеченія преобразователя едвали могли осуществиться. Да и къ чему бы еще повели онѣ? — скептически усмѣхаясь, прибавляютъ они. Можемъ ли мы, безпристрастно судя, повторять, съ голоса враждебниковъ, хулы и порицанія генія и его времени, нами самими признаваемому великою эпохою? Если велика она,— велики должны быть и подвиги тѣхъ, чьи имена выдѣляются дѣлами изъ массы выработаннаго ходомъ жизни, не останавливавшейся же за это время, когда всѣ стороны быта пересоздавались, подъ напоромъ разнородныхъ интересовъ и побужденій? Дѣла шли своимъ чередомъ и жизнь, изо дня въ день, лилась обычною струею обихода, выбрасывая на берегъ потока, все, что мѣшало правильному его теченію. Это выброшенное—дѣлалось жертвою забвенія, какъ само себя осудившее на тлѣніе и смерть, своимъ безплоднымъ противленіемъ общему движенію. Между тѣмъ, противленіе это была сила же, съ которою пришлось бороться движенію, чтобъ превозмочь его; безплодно утрачивая до полной побѣды часть силъ своихъ. Примѣнимъ подобное положеніе къ дѣятельности двигателей новыхъ порядковъ, при существованіи всякаго рода препятствій, останавливающихъ выполненіе—и вотъ вамъ новый мотивъ для признанія за сотрудниками Петра I права на высшую норму оцѣнки ихъ дѣяній. Польза отъ нихъ была бы безъ сомнѣнія больше, если бы не мѣшали осуществленію новыхъ благодѣтельныхъ мѣръ, — противники, любители прежняго мрака, сторонники стараго порядка. Онъ открывалъ взяточничеству и всевозможнымъ поборамъ свободное поле для дѣйствій и вѣрную защиту въ крючкахъ или пролазничествѣ подъячихъ, которымъ новый порядокъ грозилъ также бѣ-

дою и потерею прямыхъ источниковъ поживы. Принимая въ расчетъ, повторимъ, препятствія при выполненіи самыхъ раціональныхъ мѣръ государственныхъ, отъ противодѣйствія, нежелающихъ осуществленія ихъ, направляемыхъ не такъ какъ слѣдуетъ,—нечего удивляться, что не все задуманное и разсчитанное привело къ цѣли? Должно ли же дѣятелей, проводившихъ мѣры, такъ судить за неуспѣхъ, какъ мы распоряжаемся въ отношеніи людей нашего времени? Съ нашей теперешней точки зрѣнія результаты могутъ оказываться слишкомъ ничтожными—если бы мы и услѣдили по чемъ нибудь ихъ,—а самыя мѣры должны все таки не умаляться въ своемъ значеніи, освѣщая и выдѣляя дѣятелей, игравшихъ неблагодарную роль. И люди были не тѣ: не такъ приготовлены къ своимъ ролямъ! Дѣла имъ, за ограниченіемъ числа годныхъ дѣятелей, было больше, чѣмъ мы можемъ даже представить себѣ; а самые успѣхи, за удаленіемъ, получаютъ другой колоритъ и несоотвѣтственную слабость. или грубость пріема. И эти особенности не должны нами забываться, когда мы хотимъ пуститься въ оцѣнку подвиговъ передовыхъ двигателей русской цивилизаціи въ эпоху преобразованій! Уже одно свидѣтельствуетъ о величіи ихъ подвига, нами неоцѣнимаго, можетъ быть и долго еще,—что, по смерти ихъ, Русь была не та, чѣмъ оставлена ихъ предшественниками. Время дѣлаетъ свое дѣло, независимо воли людей—скажутъ намъ противники; судя по ближайшему прошлому. Это до извѣстной степени такъ; мы не оспариваемъ. Но думаемъ, что придавать всю честь переворотовъ въ людскихъ обществахъ одному ходу времени, будетъ опять натяжкою, на столько же не выдерживающею критики какъ и полное отрица-

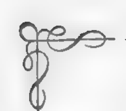
ніе доли участія въ событіяхъ: духа времени и общаго настроенія. Допуская и то и другое, должны мы за дѣятелями извѣстныхъ переворотовъ оставить все же честь почина,—перваго толчка; безъ котораго не начинается движенія. Толчекъ этотъ требуетъ большихъ усилій, чѣмъ продолженіе хода, даже и несвободнаго отъ неожиданныхъ препятствій; не вдругъ замѣтныхъ, но способныхъ тормозить. Поэтому первыхъ дѣятелей переворота, назвавъ ихъ *людьми почина движенія*, —по закону справедливости, мы должны цѣнить выше, даже счастливыхъ и находчивыхъ, продолжателей, умнѣе, чѣмъ они, направившихъ теченіе дѣла. Вотъ, по нашему мнѣнію, настоящая точка для разумной и безпристрастной, оцѣнки, дѣятелей Петровской реформы. Вотъ ихъ право на преимущество почета съ нашей стороны, передъ людьми ближайшаго къ намъ историческаго времени, въ бытѣ отечественнаго прогресса.

Смотря такъ, намъ представится и болѣе понятною картина перемѣнъ, пересоздавшихъ Московское государство въ могущественную Россійскую имперію. Намъ болѣе сознательно-разумною окажется оцѣнка трудившихся въ ту эпоху, значеніе которой для русскаго народа будетъ съ теченіемъ времени только возвышаться, по мѣрѣ знакомства нашего съ нею.

Покуда еще мы сознаемъ величіе дѣлъ самого Петра I и его подвиги неустаннаго труда на престолѣ. Но и это сознаніе, скажемъ безпристрастно,—пришло къ намъ еще недавно. Осьмнадцатый вѣкъ соорудилъ два памятника великому, одинъ достойный его по изяществу, другой—смѣшной, ради вычурности. Да, еще, въ лицѣ трудолюбиваго Голикова, сдѣлалъ попытку собрать извѣстія о нашемъ

Преобразователѣ; не пускаясь въ критику, и не принимая на себя труда отдѣлить ложь отъ истины. Въ результатѣ появилось что-то недостаточное: возможность осмѣять, оклеветать память генія и невозможность защитить его славу отъ измышленій лжи и пристрастія. Наше время только успѣло поставить на настоящее мѣсто подлинные факты. О сотрудникахъ же великаго, «птенцахъ Петровыхъ», — мы стоимъ покуда далеко не въ томъ положеніи, какъ бы слѣдовало. Мы еще споримъ о правѣ на вниманіе наше многихъ изъ нихъ. И выборъ личностей нами сдѣланный, охотно вѣримъ мы, можетъ встрѣтить не одинъ вопросъ; почему взяты эти лица, а не другія?

Отвѣчая сами за себя, мы выскажемъ прежде всего, что, имѣли въ виду,—остановившись на принятомъ числѣ біографій,—сгруппировать вокругъ Петра I его такихъ сотрудниковъ, безъ которыхъ немыслимъ никакой подборъ дѣятелей эпохи. Нами выбраны прямые участники, дѣломъ и умомъ, мѣропріятій Петровскихъ, требуемыхъ не только внутренними, но и внѣшними обстоятельствами. Реформы Петра круты, — несомнѣнно; но вызывалась эта крутость необходимостью внѣшней защиты—двадцатилѣтнею тяжелою борьбою съ Швеціею и ея сторонниками, терпя неудачи въ началѣ. Выдѣлить шведскую войну изъ Петровской эпохи- все одно, что совсѣмъ не пытаться представить ее. А не выдѣляя, нельзя не указать, прежде всего, бойцовъ, подвиги которыхъ привели къ славному Ништадтскому миру! Выдѣливъ вождей,—впрочемъ Петру помогавшихъ не въ одну пору борьбы, но и въ наступившій мирный періодъ проведенія гражданскихъ реформъ,—нельзя было, безъ нарушенія полноты,

забыть тружениковъ начала и конца славнаго царствованія—представителей дипломатики и церкви. Изъ ряда іерарховъ Петровскаго времени, Ѳеофанъ былъ безспорно первымъ проводникомъ реформъ въ мірѣ церкви, и долженъ при самомъ ограниченномъ выборѣ представителей,—непремѣнно включиться въ семью ближайшихъ къ Царю Преобразователю, орудій выполненія его замысловъ.

Мы сами лучше всѣхъ сознаемъ, что не одиннадцатью лицами слѣдовало бы обставить Петра I, желая выразить, на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, поступательный ходъ прогресса пересозданія, изъ Московскаго царства — Россіи! Мы желали бы, кромѣ теперь представляемыхъ сотрудниковъ Петра I, за его время выставить: со стороны церкви — митрополитовъ Стефана (Рязанскаго), Іова (Новгородскаго) и Димитрія (Ростовскаго); архіепископа Новгородскаго Ѳеодосія Яновскаго, епископа Гавріила Бужинскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго, вмѣстѣ съ братьями Лихудами,—какъ ученыхъ, проповѣдниковъ и администраторовъ, принесшихъ въ свое время пользу церкви и обществу. Въ ряду представителей науки, мы не забываемъ заслугъ скромныхъ дѣятелей, первыхъ нашихъ ученыхъ и наставниковъ училищныхъ: Фергюсона, Магницкаго, доктора Палладія Роговскаго, піиту-энциклопедиста Симеона Полоцкаго, типографа Тессинга, составителя грамматики Копіевскаго, переводчиковъ Виніуса и Волкова, — принужденные въ настоящемъ сборникѣ представить только Я. Брюса да Шафирова. Нельзя обойти, представляя нововведенія Петра I во всѣхъ частяхъ администраціи, — *прибыльщиковъ*, Курбатова и Ершова; *финансистовъ* Соловьева и Исаева, русскихъ, да Христофора Брандта съ Витсеномъ — гол-

ландцевъ. Нельзя забыть и семью художниковъ или приглашенныхъ Петромъ заграницею—Шхонебека, Леблона, Растрелли, Трезини; — или прямо русскихъ пенсіонеровъ Царя: Никитиныхъ, Матвѣева, Еропкина и Устинова.

Въ общей толпѣ тружениковъ,—какъ царь корабельный мастеръ, не покладывавшихъ рукъ въ его правленіе,—должны были бы занять свое мѣсто, съ расширеніемъ итога избранниковъ, и моряки, съ благодушнымъ Крюйсомъ во главѣ; и техники флотскіе, соорудители парусной армады подъ русскимъ флагомъ, впервые вышедшей въ Балтику. Въ ряду дипломатовъ, кромѣ Головина и Головкина, должны явиться и князья: Куракинъ да Долгоруковы (трое), да Толстой съ Гизеномъ и Остерманомъ.

Наконецъ, пересчитывая администраторовъ, — князь кесарь Ромадановской долженъ быть названъ первымъ *по рангу;* хотя величіе роли на него возлагаемой Петромъ, было въ самомъ дѣлѣ призрачное, сценическое, безъ подлиннаго всѣми признаваемаго значенія,—если не считать его пугаломъ въ роли предсѣдателя разыскной Преображенской канцеляріи. Выставляя по необходимости номинальнаго главу правительства, подлинныхъ дѣятелей администраціи, каковы: князь Прозоровскій, графы Мусинъ-Пушкинъ и Матвѣевъ, нельзя же обойти молчаніемъ и не показать между Петровыми слугами,—если представится возможность и попытка наша: давать портреты съ біографіями прошлыхъ дѣятелей, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ сборника — найдетъ поддержку со стороны публики.

Съ своей стороны, мы можемъ завѣрить своихъ читателей и подписчиковъ, что цѣль составителя извѣстій

о дѣятеляхъ,—очерчивать ихъ подлинными характерными чертами, при возможной экономіи мѣстомъ; а задача издателя: сообщеніе современныхъ, наиболѣе схожихъ, изображеній и fac-simile подписей.

Говоря о сходствѣ портретовъ лицъ изъ русскихъ людей, начала XVIII вѣка, мы, впрочемъ, обязаны сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Портретная живопись у насъ, до второй половины минувшаго вѣка, не возвышалась до художественности въ трудахъ доморощенныхъ Апеллесовъ, на долю которыхъ выпало списываніе современниковъ съ натуры. Не удивительно, что хорошихъ портретовъ людей Петровскаго времени у насъ нѣтъ, и, при воспроизведеніи ихъ въ гравюрѣ приходится или давать несовершенные въ художественномъ отношеніи, за то болѣе точные копіи, или отложить въ сторону сходство, гонясь за художественностью. Издатель настоящаго сборника, предпочелъ лучше подвергнуться нареканію въ послѣднемъ отношеніи, чѣмъ позволить рисовальщику, по крайнему разумѣнію, улучшать несовершенство оригинала, съ опасностью утратить подлинное сходство. Вотъ почему портреты прошлыхъ дѣятелей много теряютъ при сравненіи съ выпущеннымъ въ минувшемъ году, сборникомъ «русскіе современные дѣятели». Тамъ портреты выполнялись съ превосходныхъ фотографій живыхъ людей, а здѣсь — рабски копировались ремесленно-выполненныя, но единственно уцѣлѣвшія черты лица, доказывающія слабость техники принявшихся за воспроизведеніе ихъ, можетъ быть и малоталантливыхъ на самомъ дѣлѣ, неизвѣстныхъ живописцевъ.

Слѣдующіе выпуски съ біографіями и портретами лицъ, позднѣе жившихъ,—чьи изображенія и въ оригиналахъ лучше исполнены,—вознаградятъ малую художествен-

ность теперь издаваемыхъ портретовъ. Что же касается разсказовъ о жизни дѣятелей, то слѣдующій сборникъ «поражателей турокъ», будетъ представлять рядъ очерковъ, нѣсколько большаго объема, давшихъ возможность свободнѣе и полнѣе распорядиться автору матеріаломъ своимъ, не стѣсняясь ограниченностью рамокъ настоящей программы.

Такъ дѣйствуя, надѣемся мы выполнить передъ публикою задачу, полезная цѣль которой соотвѣтствуетъ духу нашего времеми и потребности усвоенія знаній объ отечественныхъ дѣятеляхъ, въ самыхъ сжатыхъ рамкахъ разсказа.

н
ра
«
ко
сп
сп
п

ли
ду
от
ра

Петръ

I.

Петръ Великій.

Краткій разсказъ о жизни такого генія, какъ Петръ Великій, представляетъ задачу самую трудную, ради громадности ея захвата, въ свои рамки, жизни всей Россіи, при немъ. Поступите иначе — у васъ выйдетъ формулярный списокъ дѣлъ Петра I, самый перечень которыхъ долженъ занять, какъ бы ни простъ онъ былъ, опять очень много мѣста. О полнотѣ же и цѣльности разсказа дѣлъ Царя-Преобразователя, — въ размѣрѣ изложенія на 1000 строкахъ, — не можетъ быть и рѣчи. Остается выставить черты характера, рисующія индивидуальную личность Петра I, разсѣянныя на канвѣ самыхъ крупныхъ обстоятельствъ его жизни. Вотъ все, что мы можемъ обѣщать въ нашемъ *очеркѣ*; дѣятельность—прежде всего.

Родился Петръ Великій 30 мая 1672 г. передъ свѣтомъ, но въ Кремлѣ ли, въ селѣ Коломенскомъ, или въ селѣ Преображенскомъ—вопросъ, дальше предположеній, не разрѣшенъ. Петръ Алексѣевичъ былъ самымъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича, первымъ изъ дѣтей его втораго брака съ Натальею Кирилловною Нарышкиной. Съ первою женою—Марьею Ильиничною Милославскою царь Алексѣй прожилъ 21 годъ и за смертью ея

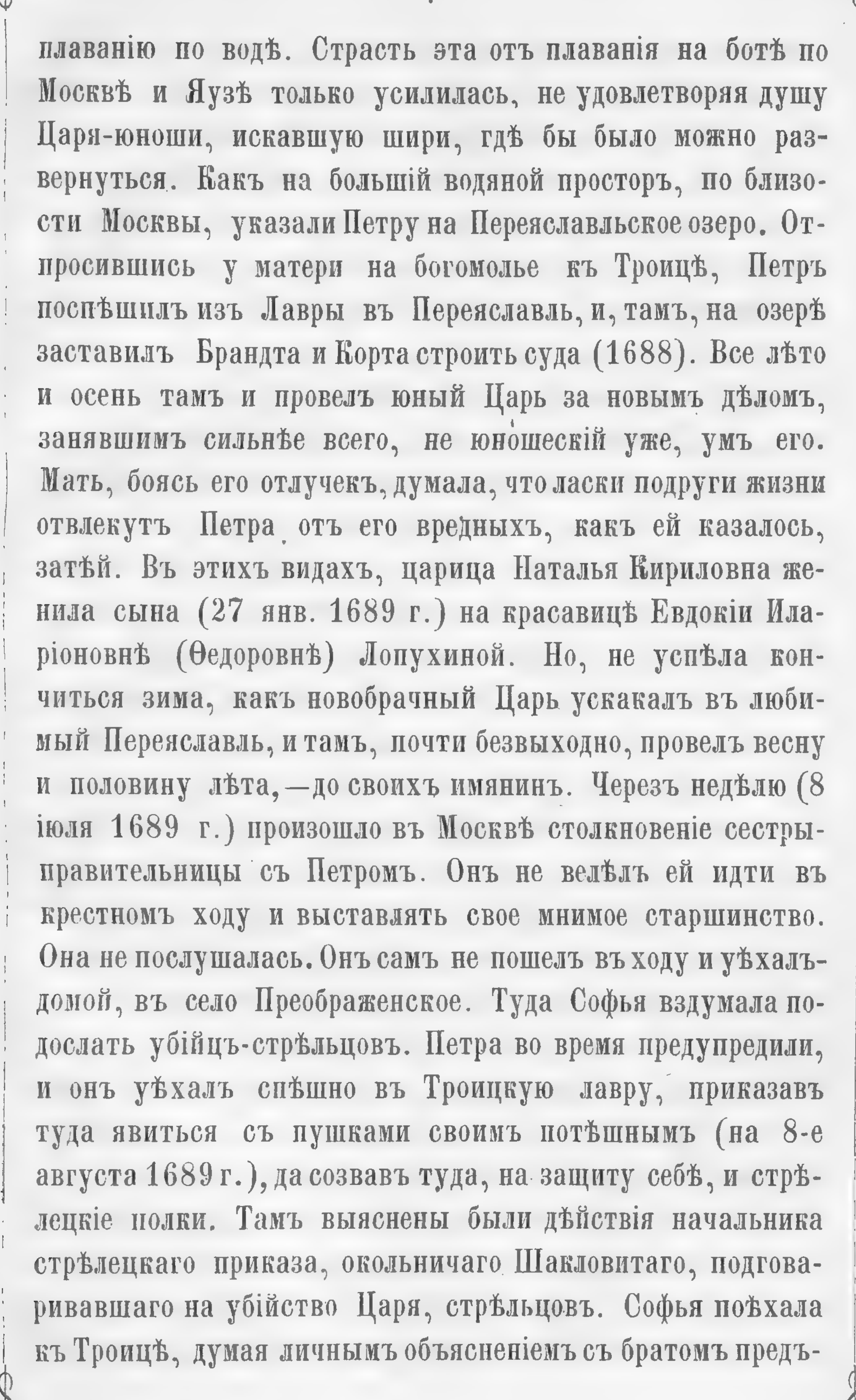
скоро послѣдовала смерть двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ наслѣдникъ, на котораго возлагались родителемъ самыя отрадныя надежды. Осиротѣлый государь, при живомъ чувствованіи потерь своихъ, дѣлилъ горе съ другомъ преданнымъ, умнымъ, А. М. Матвѣевымъ, и въ домѣ его, посѣщаемомъ тайно, по вечерамъ, увидѣлъ воспитанницу хозяина, красавицу, дворянку; не родовитую, но надѣленную отъ природы умомъ и всѣми качествами, по которымъ человѣкъ можетъ скоро понравиться. Впечатлѣніе, произведенное на царя этой особой, онъ прямо высказалъ, а представленіе по формѣ, въ качествѣ невѣсты, было сдѣлано только въ видахъ удалить нареканія отъ Матвѣева и козни противъ дѣвицы незнатной. Первая женитьба царя Алексѣя, положимъ, была тоже не на особенно родовитой дворянкѣ, Милославской. Но, въ 21 годъ житья съ нею государя, родные царицы сами высоко поднялись и составили очень сильную партію. Тогда какъ Матвѣевъ, въ домѣ котораго выросла вторая супруга царя Алексѣя, былъ этою партіею гонимъ и, несмотря на личную дружбу къ нему государя, сверстника по воспитанію, не возвышался выше стольника при жизни царицы Марьи Ильиничны. Отъ нея государь, прежде чѣмъ родился сынъ его Петръ, имѣлъ живыми большихъ уже дочерей, царевенъ: Евдокію Алексѣевну 22-хъ лѣтъ, Марѳу Алексѣевну 20 л., Софью Алексѣевну 15 л., да подроставшихъ дѣтей: Екатерину 14 л., Марью 12 л., Ѳедора 11 л., Ѳедосью 10 л. и Ивана 6 л. Спустя же пять лѣтъ по вступленіи во второй бракъ,—когда Петру было еще невступно 4 года, царь Алексѣй Михайловичъ почти внезапно скончался, 46 лѣтъ отъ роду, 28 января 1676 года. На престолъ вступилъ 15-ти-лѣтній юноша—царь Ѳеодоръ Алексѣе-

вичъ, управленіе при которомъ, разумѣется, перешло къ роднымъ его по матери и партіи ихъ, окружавшей государя съ дѣтства. Царевичъ Петръ Алексѣевичъ проявлялъ уже во младенчествѣ живой умъ и рано понялъ завѣдомо-умышленныя, ко вреду его и униженію матери, мѣры новыхъ правителей, удалившихъ единственную подпору царицы Натальи—Матвѣева, уже боярина, способности котораго были замѣтнѣе, чѣмъ у всей клики совѣтниковъ царя Ѳеодора. Лично онъ былъ расположенъ къ младшему брату, но тѣмъ не менѣе отбираніе изъ штата царицы-вдовы и дѣтей ея лучшихъ людей, да уменьшеніе средствъ на содержаніе, шло исподволь, вліяя на уменьшеніе почета. Хотѣли удалить отъ матери царевича Петра и для этого начали его пяти лѣтъ учить грамотѣ; но въ учители, по ошибкѣ, попалъ человѣкъ честный и преданный царицѣ-матери, Никита Моисеев. Зотовъ, съ которымъ ничего нельзя было сдѣлать, дальше отвлеченія отъ царевича, горячо имъ любимаго, на время служебныхъ порученій. Притѣсненія дворскія не помѣшали однако большинству москвичей видѣть въ мальчикѣ-Петрѣ больше залоговъ на счастіе народа, чѣмъ въ братѣ его Иванѣ, который былъ шестью годами старше, но по болѣзни не проявлялъ ни остроумія, ни живости. Это предпочтеніе младшаго старшему довершилось, по смерти царя Ѳеодора (27 апрѣля 1682), на избраніи въ цари 10 лѣтняго Петра. Въ шесть лѣтъ однако, протекшихъ со смерти Алексѣя Михайловича, при управленіи любимцевъ и партіи ихъ, успѣли проявиться многія крупныя несправедливости, особенно по военному управленію столичными стрѣлецкими приказами (полками). Жалобы на грабительство начальниковъ поднялись еще во дни болѣзненнаго Ѳеодора

Алексѣевича, но ихъ прекратили наказаніемъ жалобщиковъ. Съ воцареніемъ Петра новое правительство не успѣло еще войдти, при новыхъ заявлѣніяхъ неудовольствія, въ разбираніе ихъ, какъ умная царевна Софья Алексѣевна, воспользовавшись благовиднымъ поводомъ выхода изъ обычнаго дочерямъ царскимъ теремнаго уединенія, во время навѣщанія больнаго царя-брата и заботъ о его похоронахъ,—завела интригу со стрѣльцами, черезъ преданныхъ ей честолюбцевъ. Они, именемъ царевенъ, обѣщали золотыя горы недовольнымъ стрѣльцамъ, за поддержку правъ старшаго царевича Ивана, въ верху, злодѣйствомъ Нарышкиныхъ, родственниковъ вдовы царицы, не только лишеннаго короны, но и находившагося, будто бы, въ ежеминутномъ страхѣ за жизнь. Обѣщанія и подкупы стрѣльцовъ произвели четырехдневныя кровавыя сцены воинскаго бунта 15—18 мая 1682 г., когда въ самомъ царскомъ дворцѣ злодѣи убивали вѣрныхъ слугъ государя и его родственниковъ. Пользуясь страхомъ, Софья криками стрѣльцовъ заставила признать царемъ Ивана вмѣстѣ съ Петромъ; сама принявъ управленіе государствомъ за братьевъ двоецарственниковъ. Воспользовавшись однако дикою силою единственнаго войска,—никогда непонимавшаго, что такое дисциплина и, слѣдовательно, могшаго быть грозою для своихъ, а не для врага,—правительница скоро отняла отъ стрѣльцовъ всѣ, по обѣщанію, данныя ею имъ привилегіи. Дѣйствовать въ дѣлѣ этомъ, коварно и безжалостно, тотчасъ же послѣ коронованія своего претендента, неспособнаго къ царствованію, царевна начала съ самыхъ горячихъ пособниковъ ея въ переворотѣ—раскольниковъ. Ихъ учитель Никита Пустосвятъ былъ схваченъ и казненъ, за безпорядокъ. Начальникъ стрѣлецкаго

приказа, князь Иванъ Хованскій, тоже былъ схваченъ на дорогѣ изъ Москвы въ Троицкую лавру, куда, подъ видомъ богомолья, удалилась съ братьями правительница; оттуда потребовавъ на защиту себѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Оставшіеся въ Москвѣ стрѣльцы, за скорымъ сборомъ достаточныхъ силъ въ лавру — смирились и были принижены настолько, чтобы никакъ уже не повторить сценъ прошлаго. Неудовольствіе свое имъ пришлось скрывать, уже боясь всего за себя, при суровомъ управленіи хитреца Ѳедора Шакловитаго. Заботы правительственныя, занявъ весь умъ Софьи, въ первое время не обращали ея подозрительности на царя младшаго брата. Она сперва сама, черезъ преданныхъ ей людей, для отвлеченія ума, выроставшаго тѣломъ и духомъ, Царя-отрока, навела его на мысль окружить себя сверстниками; чтобы обращать ихъ въ роль живыхъ куколъ, при эволюціяхъ военной игры. Геніальный умъ Петра изъ игры выработалъ подлинную выправку регулярнаго войска и изъ статистовъ для забавы—заправскихъ солдатъ. Зотовъ научилъ Государя грамотѣ, еще пока онъ былъ не на престолѣ. Подростая подъ правленіемъ сестры, Петръ страстно привязался къ чтенію. Преданнаго младшему царю стольника, князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, съ цѣлью удаленія отъ брата, назначила правительница въ посольство во Францію. При прощаньи съ отъѣзжающимъ, Петръ просилъ его привести изъ Европы въ гостинецъ себѣ что-нибудь новое, невиданное имъ. Черезъ полтора года, возвратившись, Долгоруковъ привезъ *астролябію*. Установить этотъ инструментъ не умѣлъ, между тѣмъ, ни привезшій, и никто изъ окружавшихъ Петра. Отыскали наконецъ, знающаго,—купца Тимермана,—и онъ, установивъ

астролябію, ломанымъ языкомъ съумѣлъ, жадно слушавшему Царю-отроку объяснить значеніе, цѣль и употребленіе этой диковины. Въ результатѣ получилось сознаніе необходимости выучиться геометріи, съ возложеніемъ обязанностей наставника на того же Тимермана. Отъ геометріи умъ Петра, пристрастившагося къ военному обученію своихъ потѣшныхъ, обратился къ фортификаціи. И ея первымъ учителемъ былъ тотъ же Тимерманъ Для обученія потѣшныхъ потребовалась помощь иностранныхъ офицеровъ, находившихся въ русской службѣ. Юный царь принялъ новыхъ учителей въ свой интимный кружокъ и изъ ряда всѣхъ выдѣленъ Петромъ женевецъ, Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Руками потѣшныхъ дворянскихъ дружинъ своихъ, Петръ соорудилъ, по своему проекту, земляную крѣпостцу Пресбургъ, да вооружилъ ее настоящими пушками. Первыми выстрѣлами изъ нихъ привелъ онъ въ тяжелое раздумье сестру-правительницу. Поняла она, что потѣшныя войска не игрушка въ рукахъ затѣйника-брата, и затѣи его всѣ, какія бы ни было, приводятъ къ серьезному концу. Что онъ не поступится ей правленіемъ, а самъ способенъ, наоборотъ, лишить ее захваченной не по праву власти; когда походы на Крымъ, предпринимавшіеся ея любимцемъ, главою правительства, княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, не удались два года сряду (1688—1689). Между тѣмъ, въ годъ перваго крымскаго похода, весною, случайно попавъ въ село Измайлово,—при царѣ Алексѣѣ образцовую усадьбу, гдѣ введены были всевозможныя улучшенія,—въ забытомъ анбарѣ нашелъ Петръ пробитый ботъ. Дали починять его корабельному плотнику, голландцу Карштену Брандту, и катанье на этомъ суднѣ возбудило въ юномъ Царѣ страсть къ

плаванію по водѣ. Страсть эта отъ плаванія на ботѣ по Москвѣ и Яузѣ только усилилась, не удовлетворяя душу Царя-юноши, искавшую шири, гдѣ бы было можно развернуться. Какъ на большій водяной просторъ, по близости Москвы, указали Петру на Переяславльское озеро. Отпросившись у матери на богомолье къ Троицѣ, Петръ поспѣшилъ изъ Лавры въ Переяславль, и, тамъ, на озерѣ заставилъ Брандта и Корта строить суда (1688). Все лѣто и осень тамъ и провелъ юный Царь за новымъ дѣломъ, занявшимъ сильнѣе всего, не юношескій уже, умъ его. Мать, боясь его отлучекъ, думала, что ласки подруги жизни отвлекутъ Петра отъ его вредныхъ, какъ ей казалось, затѣй. Въ этихъ видахъ, царица Наталья Кириловна женила сына (27 янв. 1689 г.) на красавицѣ Евдокіи Иларіоновнѣ (Ѳедоровнѣ) Лопухиной. Но, не успѣла кончиться зима, какъ новобрачный Царь ускакалъ въ любимый Переяславль, и тамъ, почти безвыходно, провелъ весну и половину лѣта,—до своихъ имянинъ. Черезъ недѣлю (8 іюля 1689 г.) произошло въ Москвѣ столкновеніе сестры-правительницы съ Петромъ. Онъ не велѣлъ ей идти въ крестномъ ходу и выставлять свое мнимое старшинство. Она не послушалась. Онъ самъ не пошелъ въ ходу и уѣхалъ домой, въ село Преображенское. Туда Софья вздумала подослать убійцъ-стрѣльцовъ. Петра во время предупредили, и онъ уѣхалъ спѣшно въ Троицкую лавру, приказавъ туда явиться съ пушками своимъ потѣшнымъ (на 8-е августа 1689 г.), да созвавъ туда, на защиту себѣ, и стрѣлецкіе полки. Тамъ выяснены были дѣйствія начальника стрѣлецкаго приказа, окольничаго Шакловитаго, подговаривавшаго на убійство Царя, стрѣльцовъ. Софья поѣхала къ Троицѣ, думая личнымъ объясненіемъ съ братомъ предъ-

отвратить грозу на себя, но ее не пустили дальше села Воздвиженскаго. 7 сентября выдала царевна Шакловитаго брату и явился къ Троицѣ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Его остановили, и 9 сентября объявили указъ объ отправленіи въ ссылку. Шакловитаго съ сообщниками казнили 11 сентября. Съ 10 сентября 1689 г. началось правленіе Петра I; Софью заставилъ онъ удалиться въ монастырь.

Веденіе дѣла защиты Петра въ Троицкой лаврѣ, раскрытіе злоумышленія Софьи и ея удаленіе, было совершено самымъ энергичнымъ изъ сторонниковъ юнаго Царя Петра, его дядькою, княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, по словамъ Гордона, «всѣмъ распоряжавшимся у Троицы». Ему слѣдуетъ приписать и образованіе новаго правительства, въ которомъ первымъ лицомъ оказался, однако, дядя Государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Лѣто 1690 г. провелъ Петръ въ примѣрныхъ штурмахъ и осадахъ, да стройкѣ судовъ на переяславской верфи. Въ 1691 году воинскіе маневры Царя заключались во взятіи построенной имъ крѣпостцы Пресбургъ, гдѣ Петръ, въ чинѣ ротмистра, велъ не шуточный штурмъ, окончившійся ранами и даже смертью упорныхъ защитниковъ. Усиленная же стройка судовъ въ Переяславлѣ настолько подогрѣла въ юномъ Государѣ страсть къ мореплаванію, что въ 1693 году онъ нарочно поѣхалъ въ далекій Архангельскъ, чтобы видѣть тамъ подлинное море. Здѣсь, знакомясь съ иностранными корабельщиками и ожидая замедлившійся приходъ изъ Амстердама морскаго каравана, Петръ провелъ два мѣсяца, приказавъ заготовить на весну матеріалы для строенія перваго корабля. Зимою неожиданно умерла мать его (25 янв. 1694 г.), и, оплакавъ потерю, Петръ ран-

нею весною отправился во второй походъ въ Архангельскъ Испыталъ страшную бурю во время плаванія въ Соловки и на мѣстѣ спасенія, въ Унской губѣ, поставилъ собственноручно сдѣланцый деревянный крестъ. По возвращеніи съ Соловковъ, Петръ I встрѣтилъ заказанный въ Голландіи фрегатъ, спустивъ на воду свой, построенный въ Архангельскѣ, и въ августѣ, провожая океанскій караванъ, проплылъ — на своей уже эскадрѣ, изъ трехъ кораблей, — до Святаго Носа, гдѣ буря заставила воротиться назадъ, еще разъ подвергая Царя страшной опасности въ устьяхъ Двины. На весну сказанъ походъ къ Азову, по идеѣ Лефорта. Съ 8 іюля, въ качествѣ бомбардира Петра Алексѣева, Царь самъ начинялъ гранаты и бомбы, и самъ стрѣлялъ цѣлыя двѣ недѣли. Кревету писалъ Петръ въ это время, изъ-подъ Азова: «наклонясь ходимъ... шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется». Довести однако до полнаго успѣха предпріятіе на этотъ годъ не удалось. 27 сентября 1695 г., взявъ только передовыя башни, отступило русское войско; тѣмъ не менѣе вступленіе въ столицу его, Царь, для новобранцевъ своихъ, устроилъ торжественное (22 ноября). Не полная удача принесла уже ту пользу, что съ этого времени начались для Петра въ самомъ дѣлѣ дѣла, а не шутки. Сознаніе, что для взятія Азова нужна флотилія гребная, да корабли, — чѣмъ бы закрыть туркамъ проходъ по Дону для доставки подкрѣпленій осажденному городу, — привело къ заведенію военнаго флота. Въ Архангельскѣ строилъ Царь суда коммерческія, для внѣшняго плаванія. Строить флотъ начали въ Воронежѣ, зимою, и, къ веснѣ 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера были готовы. Здѣсь работалъ опять Петръ; уѣхавъ

изъ столицы вскорѣ по смерти брата-соцарственника (29 янв. 1696 г.). Въ маѣ начался второй азовскій походъ, а 19 іюля Азовъ сдался, и тріумфъ при вступленіи въ Москву (30 сентября) заключилъ первый актъ выучки Петра—дома. Азовскій побѣдитель въ слѣдующемъ году, въ мартѣ, рѣшился ѣхать въ Европу, скрываясь подъ именемъ дворянина великаго посольства, гдѣ первая роль была предоставлена Лефорту. Съ собою Царь взялъ стольниковъ, чтобы отдать ихъ на выучку ремесламъ, необходимымъ въ морскомъ дѣлѣ, начиная со стройки кораблей. Строеніе флота распоряжено въ Воронежѣ продолжать,—на счетъ жертвованій всѣхъ сословій государства—кумпанствами. Передъ самымъ отъѣздомъ открылось посягательство на жизнь Царя честолюбцемъ Цыклеромъ (23 февр. 1697 г.). Разсчетъ злодѣевъ убить Петра на пожарѣ основанъ былъ на томъ, что Государь ѣздилъ прежде другихъ на помощь бѣдствующимъ, постоянно одинъ. Казнь надъ преступниками совершена 5 марта 1697 г., а 10 числа Петръ выѣхалъ изъ Москвы, оставляя на полтора года государство свое. Въ это время, проѣхалъ Царь черезъ Лифляндію и Курляндію въ Бранденбургское курфиршество (Пруссію), а оттуда, въ концѣ августа, въ Голландію; предваривъ великое посольство цѣлою недѣлею. До пріѣзда посольства, Петръ изъ Амстердама явился въ деревеньку Заандамъ, и поселясь въ маленькомъ домикѣ, нанятомъ у бывшаго въ Москвѣ когда-то слесаря Киста, записался въ плотники на верфь Рогге. Съ пріѣздомъ посольства, видя неудачу въ скрываніи себя въ маленькой деревнѣ, Петръ переѣхалъ въ Амстердамъ—на остъ-индской верфи работать и строить фрегатъ по своему проекту. Но увидя, что теоріи кораблестроенія можно было научиться только

въ Англіи, Царь поѣхалъ туда, принявъ любезное приглашеніе короля Вильгельма Оранскаго. Въ Голландіи же и въ Англіи, побывавъ и присмотрѣвшись къ житью европейскому, Царь-плотникъ направился въ Вѣну, думая склонить императора Леопольда къ дружному удару на турокъ. Въ Вѣнѣ это предположеніе не оправдалось и получено извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ. Вѣсть эта заставила, вмѣсто Венеціи—какъ предполагалъ Государь прежде, ѣхать черезъ Польшу уже въ Москву. Въ Люблинѣ имѣлъ Петръ, на этотъ разъ съ новымъ польскимъ королемъ, Саксонскимъ курфирстомъ, свиданіе; заключивъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Швеціи. Стрѣлецкое возстаніе было уже подавлено и Петру предстояло произвести жестокій розыскъ надъ виновными, чтобы открыть вполнѣ участіе царевны Софіи, уже высказанное въ отвѣтныхъ рѣчахъ прикосновенныхъ къ дѣлу. Жестокость тогдашней необходимой процедуры дослѣдованія—пытокъ и казней, считавшихся неизмѣннымъ слѣдствіемъ осужденія,—можетъ ли однако относиться къ Петру, когда онъ унаслѣдовалъ уложеніе отъ отца и значительно облегчилъ даже тяжесть наказанія? Нельзя легкомысленно и осуждать разгнѣваннаго Государя за его карательныя мѣры противъ сестеръ: преступной Софьи, подговаривавшей стрѣльцовъ къ возстанію и за то теперь постриженной, какъ и сносившаяся съ ними Марѳа Алексѣевна. Пострижена и жена Петра, царица Евдокія Ѳедоровна.

Задумавъ, въ союзѣ съ Даніею и Польшею, начать В. сѣверную войну съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, Петръ I желалъ получить выгодный миръ съ турками, и для того припугнулъ ихъ построеннымъ на Дону флотомъ, выведя его въ Азовское море: для проводовъ полно-

мочнаго посла своего—Украинцова. Это помогло; разрушивъ впрочемъ всякія иллюзіи на проходъ въ Средиземное море. Такъ что необходимость воротить проходъ въ Балтійское море, уступленный шведамъ съ Невою при Михаилѣ (1616 г.), представилась дѣломъ не терпящимъ отлагательства. 18-го августа 1700 г., получена въ Москвѣ ратификація мира съ турками, а 19-го августа объявлена война Швеціи. Новое войско поражено при Нарвѣ неожиданнымъ приходомъ Карла XII, разгромившимъ Данію и принудившимъ ее къ миру. Изъ Нарвы Карлъ XII обратился на Августа польскаго, а тѣмъ временемъ Петръ собралъ съ необыкновенною быстротою новыя силы и отлилъ новую артиллерію. 1701 годъ былъ временемъ нашихъ сборовъ. 1702 годъ начался побѣдою Шереметева надъ шведами, по слухамъ ожидавшимися въ Архангельскъ. Встрѣчать враговъ тамъ отправился самъ Петръ съ гвардейскими полками и напрасно прождалъ на сѣверѣ все лѣто, успѣвъ надежно укрѣпить берега. Потерявъ время даромъ,—если не считать отогнанныхъ изъ-за Невы къ Выборгу шведскихъ силъ Кроньіорта Апраксинымъ,—Петръ осенью все же укрѣпился на Невѣ, взявъ послѣ двѣнадцатидневной осады Шлиссельбургъ; гдѣ опять самъ принималъ въ бомбардировкѣ непосредственное участіе. 1703 годъ начался для Царя-труженика поѣздкою въ Воронежъ и приготовленіями къ новой ранней кампаніи съ шведами. На этотъ разъ взята шведская крѣпость на Невѣ (Ніэншанцъ) и Петръ съ одними лодками лично взялъ два военныя судна въ устьѣ Невы, на абордажъ; не давъ врагамъ воспользоваться ихъ артиллеріею. За эту «никогда же слыханную викторію» Царь награжденъ, безпристрастными цѣнителями его подвига, орденомъ Андрея Перво-

званнаго. Затѣмъ въ свои имянины, въ честь Петра апостола—своего ангела,—Преобразователь заложилъ на Невѣ крѣпость Петербургъ; разбилъ, лично командуя, шведскаго генерала на р. Сестрѣ (7 іюля) и до осени сооружалъ на Свири первую невскую флотилію. Приведя ее въ Петербургъ въ октябрѣ (1703) къ готовой уже земляной крѣпости, Петръ вышелъ изъ Невы въ первый разъ въ Финскій заливъ, когда уже ледъ принудилъ шведскій флотъ удалиться. Ледъ однако не помѣшалъ Петру, и при спѣшномъ первомъ осмотрѣ, оцѣнить значеніе острова Котлина въ дѣлѣ закрытія Невы. Къ веснѣ, по царской модели, уже срубленъ осьмиугольный замокъ, сѣвшій на южной мели у острова и названный при освященіи (7 мая 1704 г.) Кронслотомъ, «замкомъ-вѣнцомъ» подвиговъ Петра для укрѣпленія за собою прохода въ Балтійское море. Лѣтомъ взята штурмомъ Нарва и русскіе вступили уже побѣдителями въ шведскія грани, не смотря на побѣды ихъ короля-героя надъ Августомъ, принужденнымъ и къ постыдному миру. Карлъ XII могъ только впрочемъ съ 1708 года начать одиночную борьбу съ Петромъ и его уже обученымъ, регулярнымъ войскомъ. По взятіи Нарвы, Петръ на Олонецкой верфи построилъ первую эскадру для Балтійскаго моря и, выведя ее въ Ладожское озеро, испыталъ страшную бурю. Это бѣдствіе рѣшило въ умѣ Петра заведеніе въ Петербургѣ кораблестроенія, и 5 ноября Государь заложилъ адмиралтейскій домъ, на Невѣ. Проведя праздникъ въ Москвѣ, укатилъ неутомимый Петръ въ Воронежъ и оттуда, доѣзжая до устьевъ Дона, на обратномъ пути смотрѣлъ начатыя работы по соединенію рр. Дона и Волги. На праздникъ Пасхи спустилъ Царь готовыя суда, а къ веснѣ хотѣлъ уѣхать въ Полоцкъ, къ

арміи, но болѣзнь задержала царственнаго труженика весь май; какъ ни рвался онъ къ спѣшному дѣлу — уничтоженію шведскихъ силъ (Левенгаупта) въ Курляндіи. Пославъ туда Шереметева, Царь вступилъ (1 іюля) въ Вильну, но неудача фельдмаршала при Мурѣ, побудила Государя идти къ нему на выручку, представляя дѣло хуже, чѣмъ было оно. Левенгаупту было не до замысловъ къ разбитію русскихъ; онъ самъ укрылся въ Ригѣ. Поэтому, занявъ Митаву, Петръ отправился въ Гродно, предписавъ Огильви идти туда же изъ Вильны, когда шведы занимали Варшаву и Карлъ XII короновалъ новаго короля, даннаго имъ Польшѣ — Станислава Лещинскаго. Лишенный трона, союзникъ Петра Августъ Саксонскій находилъ поддержку только въ Царѣ, и войска наши уже одерживали верхъ надъ шведами подъ Варшавою. Плѣнныхъ, тамъ взятыхъ нами, Петръ подарилъ Августу, свидѣвшись съ нимъ въ Тыкоцинѣ и привезя его въ Гродно. Здѣсь, вручивъ команду Огильви, Государь уѣхалъ къ Москвѣ для обычнаго тріумфа преображенцевъ. Въ наступившемъ же году, послѣдовала неудача, грозившая грустными послѣдствіями. На пути къ войску, въ январѣ Петръ I узналъ, что въ Гродно Карлъ заперъ нашу армію, предводимую Огильви. Мощь отчаянія возбудила всю энергію Петра и, употребляя разныя средства войти въ сношенія съ Огильви, Царь въ Минскѣ собиралъ новые полки, въ теченіе великаго поста, а въ день Пасхи вышелъ изъ Гродно Огильви; съ отходомъ шведовъ къ Тыкоцину. Карлъ погнался за арміею, но разливъ рѣки Припети остановилъ его шествіе, а русскіе прошли въ Кіевъ. Петръ узналъ это въ Петербургѣ, отъ тревогъ вынесенныхъ зимою, страдая лихорадкою, въ апрѣлѣ и маѣ. Осво-

бодясь отъ болѣзни, Царь спѣшно пустился въ Кіевъ строить крѣпость; самъ составилъ планъ ея и приступивъ къ работамъ. Карлъ же XII ушелъ въ Саксонію, оставивъ генер. Мардефельда въ Польшѣ противъ Августа, осенью вымолившаго себѣ миръ у побѣдителя. О малодушіи и коварствѣ союзника узналъ Петръ въ Петербургѣ по письму Меньшикова, передъ тѣмъ совершивъ неуспѣшный походъ къ Выборгу. Вѣсть о наступленіи одиночной борьбы съ шведомъ заставила Царя перенестись въ Жолкву, на Волынь, гдѣ находились наши силы. Рѣшивъ встрѣтить непріятеля въ Польшѣ, Царь вступилъ съ войскомъ въ Варшаву, лѣтомъ 1707 г., и тамъ поверженъ былъ болѣзнью въ состояніе безсилія, при охранѣ одного преображенскаго баталіона Обмогшись, соединился Петръ съ Меньшиковымъ и направилъ войско его въ Гродно и Вильно, откуда, получивъ извѣстіе о занятіи шведами зимнихъ квартиръ около Данцига, въ октябрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ. Проживъ же здѣсь до 2 декабря, встрѣчать новый 1708 годъ Петръ отправился въ Москву.

Этотъ годъ тревогъ и подвиговъ подготовилъ полтавскую побѣду и нашъ перевѣсъ въ войнѣ. Начался онъ отступленіемъ передъ двинувшимся Карломъ XII Правда, при Гродно кавалерійскій наѣздъ чуть было не захватилъ шведскаго короля, но этотъ успѣхъ былъ случайный, имѣвшій за собою одно преимущество — русскіе поняли, что обаяніе превосходства надъ ними выученныхъ войскъ Карла XII—теперь уже не дѣйствуетъ. Увѣренность эта, вѣроятно, заставила Государя всю весну прожить въ Петербургѣ, съ семействомъ своимъ, вызваннымъ изъ Москвы. Въ маѣ Государь даже выходилъ съ флотомъ своимъ въ Финскій заливъ и первый открылъ

шведскую парусную эскадру, тогда какъ гребная флотилія наша наносила у береговъ Финляндіи существенный ущербъ захватами судовъ и жженіемъ селеній.

Въ іюнѣ 1708 г. Меньшиковъ увѣдомилъ Царя о движеніи Карла отъ р. Березы, гдѣ при Головчинѣ была первая схватка нашихъ съ шведами и успѣхъ въ отбоѣ возвысилъ духъ войска. Петра порадовала эта вѣсть въ Горкахъ, гдѣ тутъ же получено и непріятное извѣстіе о бунтѣ на Дону, Булавина. Карлъ XII стоялъ у Могилева на Днѣпрѣ и черезъ рѣку эту 4 августа переправился; въ то время, когда въ нѣсколькихъ переходахъ отъ него былъ съ обозомъ и 16000 человѣкъ генералъ Левенгауптъ, шедшій отъ Риги. Карлъ XII поспѣшилъ войти въ Малороссію, — приглашенный измѣнникомъ гетманомъ Мазепою, и главныя силы наши пошли за его арміею, къ р. Сожѣ. При р. Черной Напѣ, подъ м. Добрымъ, князь Голицынъ разбилъ шведскій корпусъ, а затѣмъ Петръ, узнавъ о близости Левенгаупта, самъ пошелъ искать его, и найдя при дер. Лѣсной (27 сент.), только съ 2 гвардейскими полками разбилъ его, послѣ возобновлявшагося два раза боя; отнявъ обозъ и артиллерію. Давъ роздыхъ войску своему въ Смоленскѣ, въ октябрѣ Петръ I прибылъ къ главнымъ силамъ, у Новгородъ-Сѣверска расположившимся противъ шведовъ. Здѣсь получилъ Царь вѣсть о измѣнѣ Мазепы, уѣхавшаго къ врагамъ. Пославъ Меньшикова взять замокъ измѣнника, Батуринъ, Петръ созвалъ выборныхъ отъ казаковъ для выбора новаго гетмана (7 ноября). По избраніи же Скоропадскаго, — казнивъ Батуринскаго Мазепина коменданта, Чечеля и, заочно, повѣсивъ портретъ измѣнника, — Государь съ войскомъ, черезъ Путивль, перешелъ въ Лебединъ, когда Карлъ XII перевелъ свою квар-

тиру въ Ромны. Петръ рѣшилъ укрѣпить Полтаву и взять Гадячъ. При движенiи нашемъ отъ Веприка, туда Карлъ XII тоже направился, оставивъ Ромны, взятые нашими войсками. Шведы напали потомъ на Веприкъ, были отбиты, и направились къ Красному Куту, вызвавъ этимъ передвиженiе Меньшикова въ Ахтырку, куда изъ Сумъ явился и Государь 2 февраля 1709 г. Пробывъ недѣлю здѣсь, Петръ уѣхалъ въ Бѣлгородъ, а оттуда въ Воронежъ. Дождавшись же вскрытiя рѣкъ, Петръ въ Тавровѣ осматривалъ стоянку кораблей, а затѣмъ доѣзжалъ до Азова по Дону и до Троицка въ Азовскомъ морѣ, на бригантинахъ. Здѣсь получилъ онъ вѣсть, что разбитые нашими при Сокольнѣ. шведы предприняли осаду Полтавы и наши стали передъ ними, прогнавъ ихъ изъ Опошни. На выручку своихъ привелъ 7 полковъ король Карлъ, еще ближе сойдясь съ нашими силами. По этимъ вѣстямъ и Петръ прибылъ къ Полтавѣ въ армiю (4 iюня) и рѣшилъ перейти черезъ р. Ворсклу. Переправа совершилась съ завлеченiемъ шведовъ на засаду, гдѣ ихъ побили. Наши повели земляныя работы для открытiя сообщенiя съ крѣпостью; шведы помѣшали продолжать рытье апрошъ, сами доведя крѣпость до невозможности долго держаться. Сообщенiе объ этомъ изъ крѣпости рѣшило назначенiе генеральнаго боя—въ Петровъ день. Карлъ XII предупредилъ соперника, самъ напавъ до разсвѣта 27 iюня на нашъ укрѣпленный редутами лагерь; при рекогносцировкѣ его, получивъ рану въ ногу. Петръ I, безъ вреда для себя, осмотрѣлъ позицiю соперника (26 iюня).

Стремительная и ярая аттака шведовъ, передъ разсвѣтомъ, отдала имъ въ руки 2 неоконченные нами редута, но, привела самихъ въ невозможность поправить пра-

вое крыло, отдернутое при движенiи и припертое къ лѣсу. Неудачна была и погоня за конницей нашей, конницы шведской, поддержанной пѣхотою. Въ это время Меньшиковъ съ Ренцелемъ побили въ лѣсу отдѣленную часть непрiятельскаго крыла, взявъ Шлипенбаха. Розенъ, уйдя и занявъ редутъ нашъ, тамъ принужденъ сложить оружiе. Въ это-то время выстроилась наша пѣхота, выйдя изъ-за укрѣпленiй и аттаковавъ шведскiя силы на лѣвомъ крылѣ нашемъ (ихъ правомъ), въ 9-ть часовъ утра. Здѣсь начался ожесточенный бой. Одушевленные рѣчью Государя—«Вы сражаетесь не за Петра, а за Россiю... О Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему недорога!»—русскiе поборoли. Слова не расходились съ дѣломъ и у Великаго. Прострѣленная въ двухъ мѣстахъ шляпа, сплюснутый отъ пули орелъ на грудномъ знакѣ и пуля, засѣвшая въ орчакѣ сѣдла—свидѣтели, что Петръ былъ примѣромъ для своихъ въ жару схватки. Не долго стояли при натискѣ русскихъ богатырей непобѣдимые господа шведы, и раньше полудня, поле битвы представляло кучи убитыхъ и раненыхъ, въ замѣнъ армiи Карла XII. Нестройныя толпы бѣглецовъ,—куда глаза глядятъ,—было все, что осталось отъ лучшаго войска въ Европѣ. Мчали, привязавъ къ сѣдлу, вѣрные слуги и раненаго короля, почти безъ чувствъ, къ переправѣ, при Переволочнѣ. Послѣ полудня Государь-побѣдитель пригласилъ къ столу, плѣненныхъ въ бою, шведскихъ генераловъ и, возвративъ имъ шпаги, пилъ за здоровье своихъ, теперь побѣжденныхъ, учителей. Любезностью заплатилъ онъ за жестокости съ плѣнными русскими, взятыми при Нарвѣ и Фрауштадтѣ. Меньшикову сдалась шведская армiя (въ числѣ 14,030 чел.), при Переволочнѣ, 30 iюня.

Двѣ недѣли давъ роздыхъ войску, Петръ раздѣлилъ свою армію на двое, пославъ въ Польшу и Лифляндію, а самъ отправившись въ Кіевъ. Онъ здѣсь заболѣлъ въ третій разъ лихорадкою, очень опасно и, только въ августѣ уѣхалъ въ Польшу, въ Люблинѣ получивъ поздравленіе и приглашеніе короля Августа на свиданье въ Торнѣ. Лещинскаго оставили его бывшіе сторонники и онъ скрылся. Петръ доѣхалъ до Солецъ на Вислѣ, а тамъ, посланный прусскимъ королемъ, фонъ Камеке передалъ поздравленіе своего государя съ приглашеніемъ на свиданіе въ Кросенъ. Въ Торнѣ и Маріенвердерѣ, при свиданіяхъ съ королями, Петръ заключилъ трактаты о взаимномъ содѣйствіи въ войнѣ съ Швеціею.

Съ этихъ свиданій Петръ проѣхалъ подъ Ригу, уже блокируемую Шереметевымъ и (14 ноября 1709) самъ бросилъ первыя три бомбы во враждебный ему городъ, гдѣ, за 12 лѣтъ назадъ, испыталъ онъ столько непріятностей отъ тамошняго шведскаго губернатора. Черезъ 9 дней царь прибылъ въ Петербургъ и заложилъ въ воспоминаніе Полтавской побѣды храмъ св. Самсона. Тріумфальное вшествіе войскъ въ Москву 21 декабря заключилъ этотъ памятный годъ торжества. Перевѣсъ оружія далъ возможность Петру обратить вниманіе на распредѣленіе государственныхъ средствъ, болѣе правильное. Лѣтомъ 1710 г. взятъ Выборгъ. Отправивъ къ городу этому раннею весною хлѣбъ на судахъ, Петръ выказалъ свое, побѣждающее всѣ препятствія и опасности, самоотверженіе. Транспортныя суда затерты горами льда, сплошною стѣною преградившаго путь эскадрѣ. Посылка судовъ для открытія сообщенія съ терпѣвшими бѣдствіе, не привела къ результату и желавшихъ еще разъ пытаться вступить въ борьбу

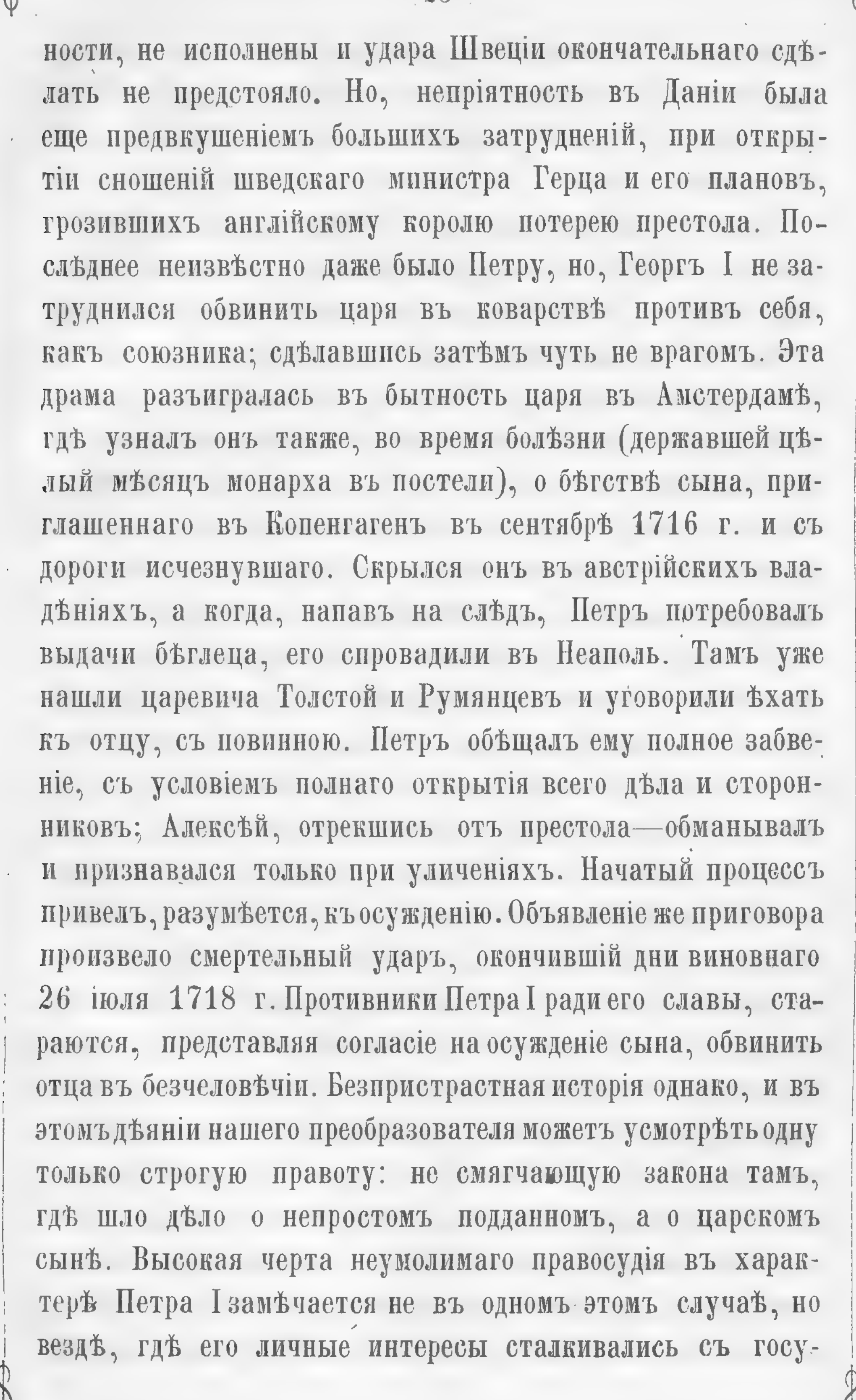
съ стихійною силою, не оказывалось. Въ сердцѣ Петра одного не заглушалось состраданіе къ участи подверженныхъ гибели, и онъ, оставя всѣхъ, на одной шнявѣ, ночью, въ бурю, пускается искать доступа къ затертымъ во льду. Нашелъ способъ дать знать о себѣ имъ и къ утру успѣлъ извлечь эти суда, безъ большой потери, на чистую воду — и во время привести къ Выборгу.

Взятіе Выборга, при третичномъ подступленіи, ознаменовалъ Петръ I сооруженіемъ храма св. Троицы, на городскомъ островѣ въ Петербургѣ (на Петербургской сторонѣ). За Выборгомъ взятъ Кексгольмъ (русская крѣпость Корела), а затѣмъ получено извѣстіе о сдачѣ Риги Шереметеву; — и, къ концу года, вся сторона балтійскаго берега, отъ Невы до Курляндіи, была покорена русскимъ оружіемъ. Шведскій король успѣлъ возбудить турокъ къ войнѣ съ нами и съ наступленіемъ 1711 года пришлось Петру I идти съ войскомъ противъ оттомановъ. Для управленія государствомъ Петръ въ это время учредилъ сенатъ и передъ отъѣздомъ заявилъ публично, что всѣ должны считать подругою его жизни Екатерину Алексѣевну, въ 1702 г. плѣнницу, а теперь мать дѣтей государевыхъ. Въ опасныя минуты ожиданія вѣрной гибели скорѣе, чѣмъ спасенія, — въ бою съ турками и татарами въ восьмеро большемъ числѣ, окружившими меньше чѣмъ 40-тысячную русскую армію при Прутѣ, — Екатерина Алексѣевна выказала, и самоотверженіе, и находчивость въ избавленіи супруга-государя отъ опасности. По возвращеніи съ этой несчастной «акціи», 19 февраля 1712 г. Петръ I торжественно обвѣнчался съ Екатериною Алексѣевною, выполнивъ обѣтъ свой о признаніи ее всѣми «истинною государыней». Мало того; въ честь спасительницы себя

и войска при Прутѣ, въ день имянинъ ея (24. ноября 1714 г.), учредилъ дамскій орденъ св. Екатерины, чтобы почтить женскую доблесть. Передъ отправленіемъ въ прутскій походъ, въ апрѣлѣ Петръ заключилъ договоръ о бракѣ своего старшаго сына и наслѣдника съ сестрою австрійской императрицы, принцессою Шарлотою Браун-швейгъ-Вольфенбительскою. По возвращеніи же,—окончивъ курсъ питья минеральныхъ водъ въ Карлсбадѣ,—въ Торгау, отпраздновалъ свадьбу сына (14 окт. 1711). Этимъ бракомъ Петръ I хотѣлъ наслѣдника своего ввести въ семью европейскихъ владыкъ; связавъ узами родственныхъ отношеній—необходимость поддерживать, начатое водвореніе западной цивилизаціи въ Россіи. Сынъ выросъ, между тѣмъ, съ наклонностями, противоположными отцу-преобразователю; вліяніе же избраннаго имъ дружескаго кружка,—изъ противниковъ нововведеній,—укоренило въ немъ нерасположеніе къ родителю и его стремленіямъ, до враждебности. Бракъ оказался несчастливымъ; частію и по винѣ жены, не хотѣвшей войти въ свое положеніе будущей владѣлицы судебъ русскаго народа, (съ которымъ она не сходилась, уединяясь въ кругу чисто нѣмецкихъ интересовъ). Смерть принцессы въ Петербургѣ, при рожденіи втораго дитяти (сына Петра), ускорила разладъ отца-государя съ сыномъ наслѣдникомъ. Петръ потребовалъ отъ сына полнаго измѣненія его образа дѣйствій и занятія дѣлами правительственными, грозя лишеніемъ короны. Сынъ заявилъ желаніе вступить въ монашество, въ видахъ выиграть время. Непріятности, испытываемыя Петромъ, въ этотъ годъ уже настолько расшатали сильный организмъ Преобразователя, неутомимаго въ трудѣ, что болѣзнь въ концѣ 1715 г., заставила государя пріобщаться

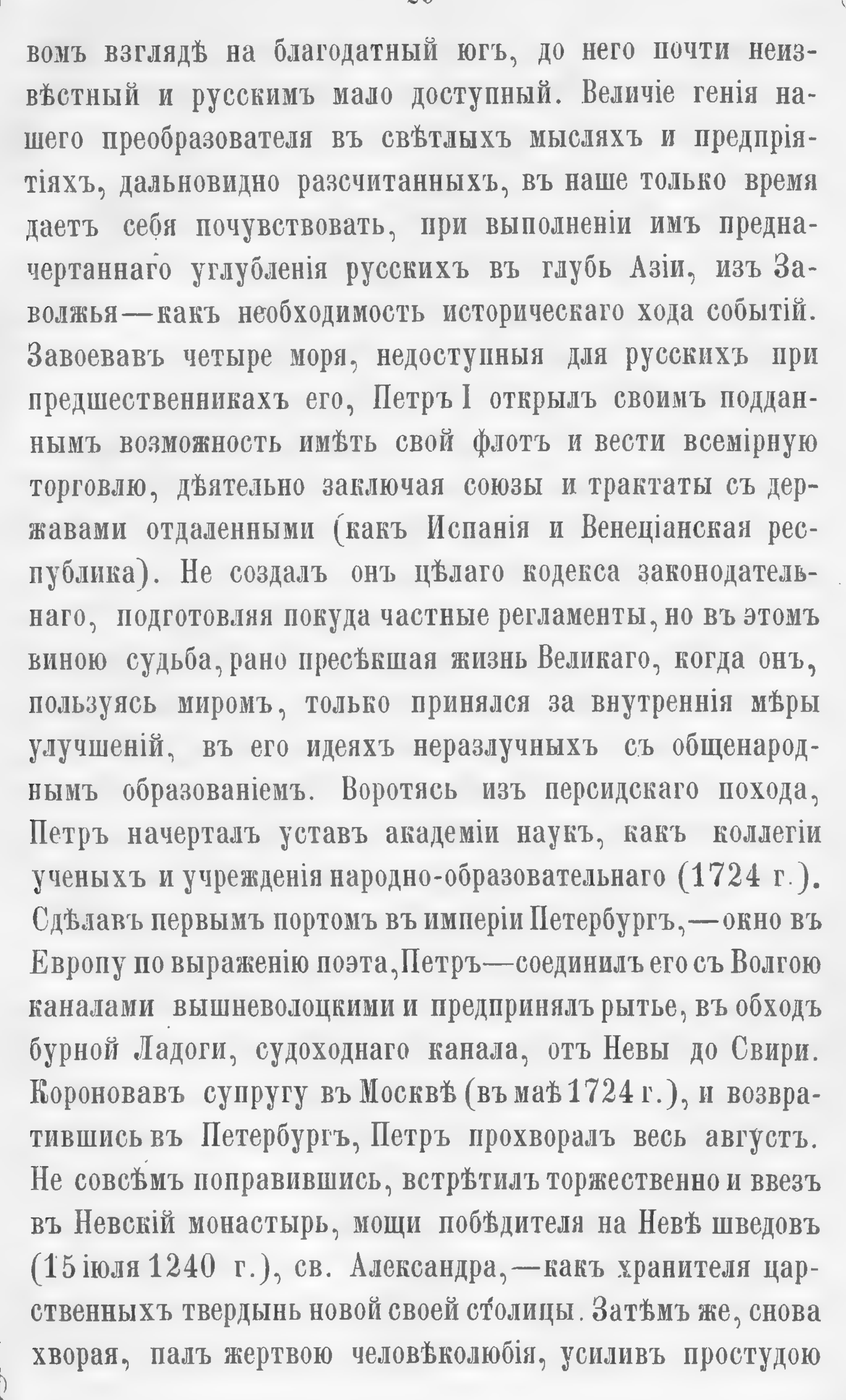
приготовляясь къ кончинѣ. Немочь требовала серьезнаго леченія, а дѣла политическія вызывали его на Западъ, для личнаго присутствія на мѣстѣ военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, съ возвращеніемъ Карла XII изъ Турціи. Эти обстоятельства и повліяли на оставленіе Россіи Петромъ на полтора года (1716—17 г.). Выдавъ племянницу за герцога мекленбургскаго Карла-Леопольда (8 апр. 1716 г.),—съ цѣлью держать въ своей зависимости берега Балтики, прилегающіе къ Ютландіи (черезъ которую преобразователю нашему уже представилась возможность открыть водяной проходъ въ Нѣмецкое море, минуя Скагерракъ),—Петръ направился къ войску. Повидался съ датскимъ королемъ въ Копенгагенѣ, но никакъ не могъ добиться, въ рединѣ лѣта, высадки въ Шонію: какъ было условлено. Когда же, осенью, датчане хотѣли сдѣлать русскихъ жертвою своихъ будущихъ успѣховъ, посылая на вѣрное пораженіе,—Петръ отказалъ, вызвавъ обвиненіе на себя, передъ цѣлою Европою, что онъ вовлекъ Данію въ издержки по предполагавшейся экспедиціи. Дружба датчанъ и раньше не дешево стоила великодушному Петру. Въ началѣ 1713 года, когда датскій король, не дождавшись соединенія съ царемъ и мечтая одинъ пожать лавры: разбивъ шведскаго фельдмаршала Штенбока, самъ имъ былъ разбитъ при Гадебушѣ (въ дек. 1712),—Петру предложили выполнить (по мнѣнію королей датскаго и польскаго) невыполнимое дѣло: выбить Штенбока изъ мѣстности, окруженной болотами. Петръ самъ пошелъ въ воду, по поясъ, ведя войска черезъ перекопы дамбъ. Овладѣлъ ими и прогналъ храбраго шведа. Теперь жертвовать своими, въ угодность себялюбивому союзнику, Петръ не хотѣлъ уже, когда разсчеты его, по умышленной медлен-

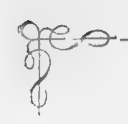
ности, не исполнены и удара Швеціи окончательнаго сдѣлать не предстояло. Но, непріятность въ Даніи была еще предвкушеніемъ большихъ затрудненій, при открытіи сношеній шведскаго министра Герца и его плановъ, грозившихъ англійскому королю потерею престола. Послѣднее неизвѣстно даже было Петру, но, Георгъ I не затруднился обвинить царя въ коварствѣ противъ себя, какъ союзника; сдѣлавшись затѣмъ чуть не врагомъ. Эта драма разъигралась въ бытность царя въ Амстердамѣ, гдѣ узналъ онъ также, во время болѣзни (державшей цѣлый мѣсяцъ монарха въ постели), о бѣгствѣ сына, приглашеннаго въ Копенгагенъ въ сентябрѣ 1716 г. и съ дороги исчезнувшаго. Скрылся онъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а когда, напавъ на слѣдъ, Петръ потребовалъ выдачи бѣглеца, его спровадили въ Неаполь. Тамъ уже нашли царевича Толстой и Румянцевъ и уговорили ѣхать къ отцу, съ повинною. Петръ обѣщалъ ему полное забвеніе, съ условіемъ полнаго открытія всего дѣла и сторонниковъ; Алексѣй, отрекшись отъ престола—обманывалъ и признавался только при уличеніяхъ. Начатый процессъ привелъ, разумѣется, къ осужденію. Объявленіе же приговора произвело смертельный ударъ, окончившій дни виновнаго 26 іюля 1718 г. Противники Петра I ради его славы, стараются, представляя согласіе на осужденіе сына, обвинить отца въ безчеловѣчіи. Безпристрастная исторія однако, и въ этомъ дѣяніи нашего преобразователя можетъ усмотрѣть одну только строгую правоту: не смягчающую закона тамъ, гдѣ шло дѣло о непростомъ подданномъ, а о царскомъ сынѣ. Высокая черта неумолимаго правосудія въ характерѣ Петра I замѣчается не въ одномъ этомъ случаѣ, но вездѣ, гдѣ его личные интересы сталкивались съ госу-

дарственною пользою. Не щадя себя тамъ, гдѣ дѣло касалось государственнаго благополучія, Петръ также точно смотрѣлъ на другихъ, не разбирая: родня ему виноватые, или нѣтъ?

Скорби о потерѣ сына некогда было предаваться Петру. Умъ его поглощенъ былъ заботами о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Швеціею, при согласіи Карла XII на уступки. Но неожиданная смерть этого государя на три года еще протянула борьбу, Швеціи еще больше тягостную, чѣмъ намъ. Разореніе береговъ шведскихъ русскимъ десантомъ было послѣднимъ ударомъ отъ Петра I, заставившимъ королеву Ульрику и ея супруга согласиться на миръ, отдавшій въ руки русскихъ, всѣ завоеванія на югъ отъ Финскаго залива и часть Финляндіи съ Выборгомъ (30 авг. 1721 г.). На радостяхъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, Петръ I отпраздновалъ миръ этотъ веселыми маскерадами. Послѣ же торжества въ древней столицѣ, отправился Волгою въ Астрахань и, моремъ, на Кавказъ—въ персидскій походъ. Дальше взятія Дербента, кампанія 1722 г. ни къ чему не привела, но прославила русское имя и положила основу проникновенія русскихъ въ среднюю Азію. И подъ палящими лучами каспійскаго солнца, Петръ I, вѣрный себѣ во всемъ, оставался тѣмъ же выносливымъ и неприхотливымъ труженикомъ, какъ въ шведскую войну. Всякаго рода походныя неудобства дѣлилъ онъ съ ратниками. Геніальный же умъ его, изъ обзора неизвѣстной страны, извлекъ матеріалъ для новыхъ мудрыхъ мѣръ, опережая на цѣлый вѣкъ грядущія событія. Предположенія о развитіи: шелководства, винодѣлія, табаководства; улучшеніи низоваго мореходства... да, планы для заселенія и облѣсенія степныхъ равнинъ,—могъ только геній Петра I обдумать, при пер-

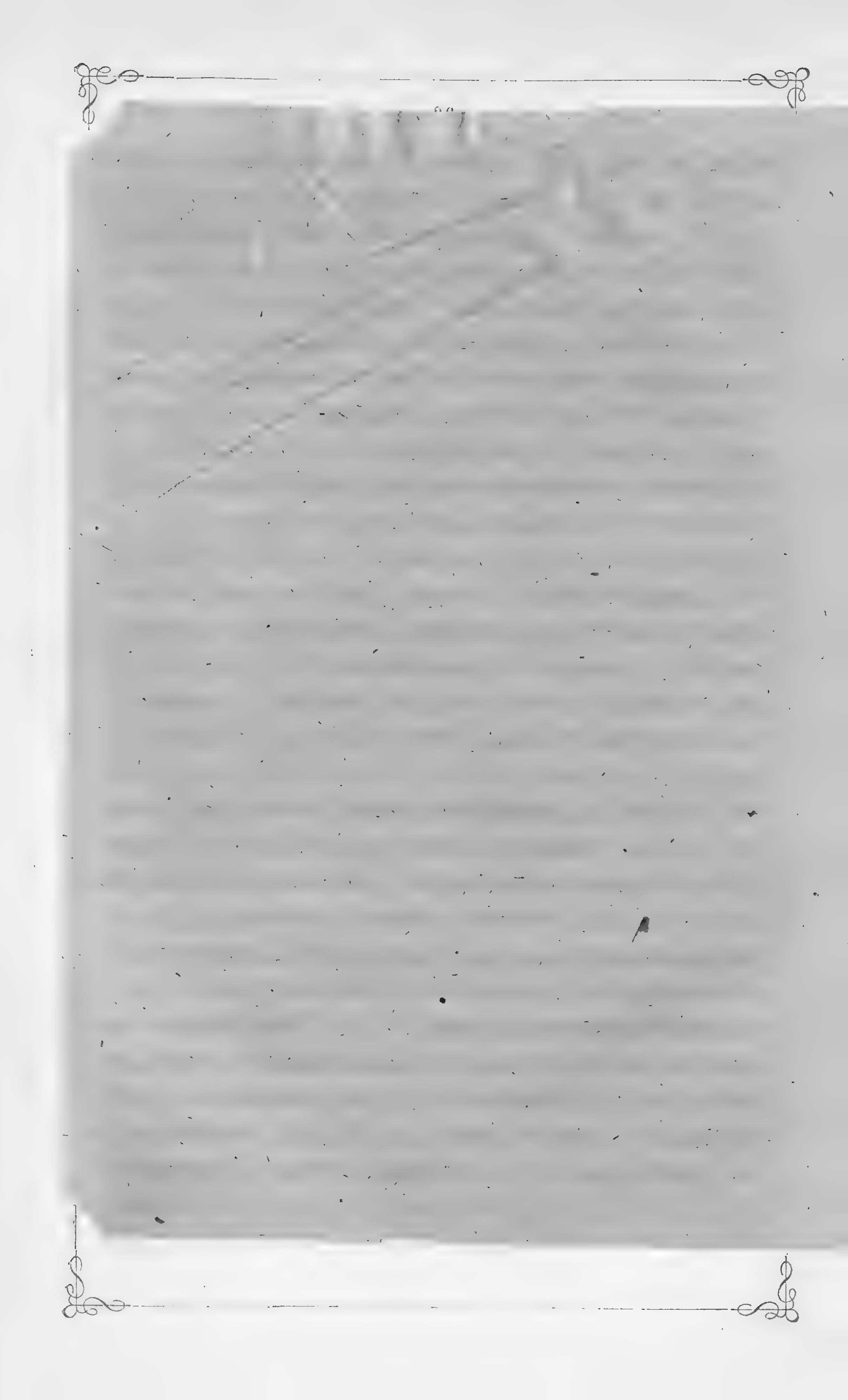

вомъ взглядѣ на благодатный югъ, до него почти неизвѣстный и русскимъ мало доступный. Величіе генія нашего преобразователя въ свѣтлыхъ мысляхъ и предпріятіяхъ, дальновидно разсчитанныхъ, въ наше только время даетъ себя почувствовать, при выполненіи имъ предначертаннаго углубленія русскихъ въ глубь Азіи, изъ Заволжья—какъ необходимость историческаго хода событій. Завоевавъ четыре моря, недоступныя для русскихъ при предшественникахъ его, Петръ I открылъ своимъ подданнымъ возможность имѣть свой флотъ и вести всемірную торговлю, дѣятельно заключая союзы и трактаты съ державами отдаленными (какъ Испанія и Венеціанская республика). Не создалъ онъ цѣлаго кодекса законодательнаго, подготовляя покуда частные регламенты, но въ этомъ виною судьба, рано пресѣкшая жизнь Великаго, когда онъ, пользуясь миромъ, только принялся за внутреннія мѣры улучшеній, въ его идеяхъ неразлучныхъ съ общенароднымъ образованіемъ. Воротясь изъ персидскаго похода, Петръ начерталъ уставъ академіи наукъ, какъ коллегіи ученыхъ и учрежденія народно-образовательнаго (1724 г.). Сдѣлавъ первымъ портомъ въ имперіи Петербургъ,—окно въ Европу по выраженію поэта, Петръ—соединилъ его съ Волгою каналами вышневолоцкими и предпринялъ рытье, въ обходъ бурной Ладоги, судоходнаго канала, отъ Невы до Свири. Короновавъ супругу въ Москвѣ (въ маѣ 1724 г.), и возвратившись въ Петербургъ, Петръ прохворалъ весь августъ. Не совсѣмъ поправившись, встрѣтилъ торжественно и ввезъ въ Невскій монастырь, мощи побѣдителя на Невѣ шведовъ (15 іюля 1240 г.), св. Александра,—какъ хранителя царственныхъ твердынь новой своей столицы. Затѣмъ же, снова хворая, палъ жертвою человѣколюбія, усиливъ простудою

свою старую болѣзнь. 1 ноября 1724 г., возвращаясь изъ Дубковъ въ Петербургъ, берегомъ, въ бурю, Петръ увидѣлъ близъ Лахты бѣдствовавшихъ матросовъ на боту, сѣвшемъ на мель. Пославъ помочь имъ своихъ спутниковъ, Петръ не утерпѣлъ, чтобы самому лично не принять непосредственнаго участія въ дѣлѣ спасенія людей,— когда дорога каждая минута и наступленіе сумерекъ могло сдѣлать тщетною попытки сдвинуть судно. Распоряжаясь, Петръ простоялъ въ водѣ цѣлый часъ и схватилъ страшную простуду, въ этотъ же вечеръ обозначившуюся лихорадкою. Въ концѣ ноября болѣзнь усилена отъ непріятности открытія преступленія камергера Монса, вина котораго бросала тѣнь на людей, близкихъ сердцу государя. Онъ спѣшилъ теперь видимо покончить дѣло о бракѣ старшей дочери, царевны Анны Петровны. Къ празднику, однако, поправился и провелъ святки, обычно, заведеннымъ порядкамъ. Вдругъ, въ половинѣ января, жесточайшіе приступы колики съ запоромъ мочевыхъ путей, въ двѣнадцать дней довели гиганта по силамъ до полнаго безсилія. Растерявшіеся врачи не умѣли найдти средствъ облегчить страшныя боли, вырывавшія стоны и крики у Петра I, положеніе котораго оказалось уже 26 января безнадежнымъ. 28 января 1725 г., въ первой четверти пятаго, утромъ, Россія осиротѣла; потеряла величайшаго своего монарха-генія! Петръ I, какъ и Александръ Великій— не успѣли высказать своей послѣдней воли о наслѣдованіи имъ. Преемники же власти, до Екатерины II, вели назадъ а не впередъ, дѣло Петра. Этимъ вполнѣ объясняется возможность упрековъ Великому въ несовершенствѣ зачатаго.

Граф Гаврило Головкинъ

II.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ.

Канцлеръ Петра I, сынъ крестнаго отца его матери (внучатнаго дяди ея по матери), приходился внучатнымъ дядею нашему великому преобразователю. Приставленный къ пятилѣтнему Царевичу Петру, самъ имѣя только 17 лѣтъ отъ роду (род. 1660 г., стольникомъ назначенъ къ Петру въ 1677 г.), Гаврила Ивановичъ Головкинъ былъ неразлученъ со своимъ племянникомъ царственнымъ и, при достиженіи имъ 17 лѣтъ, съ низверженіемъ сестры Правительницы, пожалованъ въ главные постельничіе, за свою преданность. Ярый врагъ Петра, клевретъ Софьи, Шакловитый грозилъ пыткою Головкину, но что-то помѣшало тогда исполнить угрозу. Въ послѣдній годъ двоецарствія, Петръ ввѣрилъ своему дядѣ-Постельничему, завѣдываніе Оружейною Палатою. Черезъ его руки, во всѣ четырнадцать лѣтъ самаго тяжкаго времени,—борьбы съ Турками и Карломъ XII (1695—1709), шли всѣ заботы о снабженіи войска оружіемъ и знаменами. Этимъ занималась администрація Оружейной палаты.

Завѣдываніе такимъ учрежденіемъ не отвлекало впрочемъ усерднаго постельничаго отъ слѣдованія всюду за своимъ признательнымъ вскормленникомъ. Слѣдованіе за нимъ всюду, говоримъ, заставляло Головкина раздѣлять и непосредственные труды преобразователя. Съ нимъ, онъ, въ Амстердамѣ, становился рядомъ, съ топоромъ, на верфи купцовъ Кальфовъ;—съ правиломъ и саженью, при назначеніи земляныхъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ; не отставалъ и съ абордажнымъ оружіемъ въ рукѣ, въ лодочной схваткѣ съ шведскими военными судами, въ устьѣ Невы (7 мая 1703). Оставленный лѣтомъ надзирать за возведеніемъ крѣпости Петербургъ, Головкинъ велъ третій бастіонъ, не оставляя поспѣшать работами. Такъ что, къ октябрю—пріѣзду Царя съ Олонецкой верфи,- были готовы всѣ шесть бастіоновъ и преобразователь справилъ по-своему возведеніе, быстро поднятой, твердыни, закрѣпляющей за нами Неву. На дѣлѣ постройки Петропавловской крѣпости выказалось вполнѣ умѣнье Головкина оправдать довѣріе Царя, въ крайности возлагавшаго на своего Гаврилу выполненіе того, что самому нельзя было сдѣлать: не разорваться одному вездѣ! Умеръ внезапно графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ,—въ самую горячую пору военныхъ тревогъ для озабоченнаго Петра,—и вотъ, онъ ввѣряетъ Головкину вѣденіе иностранныхъ дѣлъ. Никто не ожидалъ, чтобы онъ справился съ ними, не занимавшись дипломатическою частью. Но опытъ доказалъ, что Гаврила Ивановичъ не уронилъ чести Россіи и не сдѣлалъ ни однаго фальшиваго шага, которымъ могли бы, съ выгодою для себя, воспользоваться враги Петра и Россіи. Это уже много значитъ въ примѣненіи къ человѣку, случайно отягощенному бре-

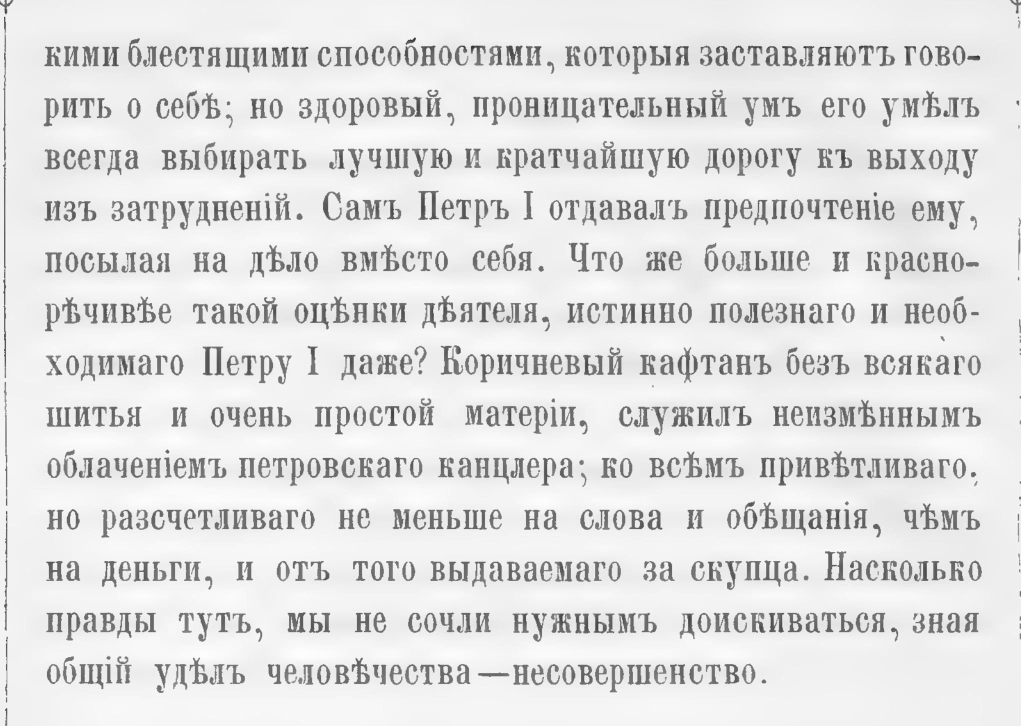

менемъ сношеній съ иностранными государствами, языки которыхъ едвали онъ хорошо разумѣлъ, кромѣ латинскаго. Вмѣняютъ въ вину Головкину гибель доносчиковъ на Мазепу,—Искры и Кочубея? Можно, пожалуй, видѣть со стороны Головкина держанье стороны Гетмана. Но, если самъ Петръ I не вѣрилъ его измѣнѣ, получивъ и перехваченное генераломъ Инфлантомъ письмо, у шведовъ,—то можно ли винить осторожнаго будущаго канцлера, когда и помощникъ его Шафировъ былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія; въ другихъ случаяхъ оказываясь горячимъ антагонистомъ? Полтавская побѣда, похоронившая шведскую славу, вызвала усиленные труды дипломатовъ, и новый канцлеръ показалъ себя на столько разумнымъ патріотомъ, какъ и осторожнымъ министромъ: онъ удержалъ пылъ Петра въ предложеніи новаго союза Польскому и Датскому королямъ. Идея Головкина, чтобы съ ихъ стороны выждать почина, не спѣша броситься въ объятія тѣхъ, съ кѣмъ союзъ требовалъ ихъ же выручать побѣдителю. Петръ оцѣнилъ значеніе мысли канцлера и, благодаря твердому слѣдованію этимъ путемъ, Россія вышла изъ борьбы закрѣпленіемъ за собою всего завоеваннаго нашимъ оружіемъ, не смотря на интриги, мѣшавшія миру 6 лѣтъ. Начиная съ первыхъ договоровъ, заключенныхъ Головкинымъ съ Польшею, цѣль дипломатики нашей заключалась во взаимной поддержкѣ нами союзниковъ, для общей цѣли—ослабленія Швеціи. На Кросенскомъ свиданіи Петра I съ 1-мъ Прусскимъ королемъ, Головкинъ обязалъ Пруссію удерживать шведовъ въ Помераніи, посуливъ за эту услугу, при дѣлежѣ—Эльбингъ. Для лучшаго закрѣпленія дружескаго союза, племянница Петра I, Анна Ивановна отдана замужъ за племянника прусскаго короля, герцога курлянд-

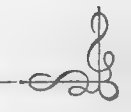
скаго. Это исполнено въ слѣдующемъ же году (1710 г.). Шведъ поднялъ турокъ, объявившихъ войну намъ, послѣ полнаго завоеванія нами Лифляндіи. Вступать съ австро-нѣмецко-римскою имперіею, въ ближайшую родственную связь посредствомъ брака царевича съ дочерью или сестрою императора — Головкинъ отклонилъ, считая это невыгоднымъ для Россіи, и породнилъ съ брауншвейгскимъ домомъ. Онъ находилъ общее родство, черезъ третьи руки, какъ оказывалось, болѣе подходящимъ. И настоялъ на этомъ.

Заручившись полезными союзами при посредствѣ осторожнаго Головкина, Петръ I, зная его безпристрастіе, возложилъ на него разборъ громаднаго процесса о взяткахъ, въ который вовлечены были главные начальники: флота (генералъ-адмиралъ) и арміи (князь Меньшиковъ, предсѣдатель военной коллегіи). Рѣшеніе Головкина не покрыло виновниковъ похищенія государственнаго интереса и начеты съ первыхъ лицъ администраціи, сохранивъ для пользы службы способности этихъ сановниковъ, могли удержать ихъ отъ новыхъ поползновеній къ захвату. Новый договоръ съ Пруссіею (1714 г.) сдѣлалъ короля ея больше заинтересованнымъ въ поддержкѣ нашихъ интересовъ, уступкою Штетина. Во время втораго путешествія Петра по Европѣ, Г. И. Головкинъ, находясь при государѣ въ Голландіи, въ это время привлекъ къ союзу съ нами Францію и вошелъ, черезъ барона Герца, въ сношенія съ возвратившимся въ свои владѣнія Карломъ XII. Нѣкогда страшный противникъ соглашался на уступку Россіи остзейскаго края и Финляндіи до р. Кюменя. Эти основанія приняты были при назначеніи съѣзда нашихъ и шведскихъ дипломатовъ на Аландѣ. Смерть Карла XII и казнь Герца еще на два года протянула тяжелую борьбу въ конецъ

истощенной Швеціи, на все это согласившейся при заключеніи Ништадтскаго мира. Заключали его другія лица, но руководили ихъ заявленіями прозорливость Головкина и свѣтлая мысль Петра I. На торжествѣ празднованія этого мира, Головкину поручено было поднести государю титулъ императора. Въ слѣдующемъ же году, канцлеру пришлось успокоивать подозрительность турецкаго правительства, по случаю похода Петра за Кавказъ. Умныя представленія отстранили войну нашу съ турками, когда отъ Персіи присоединены къ нашимъ владѣніямъ значительныя части территоріи. Со смертью Петра, оставаясь канцлеромъ, графъ Гаврило Ив. Головкинъ уже не игралъ первостепенной роли. Любимцы—Долгоруковъ при Петрѣ II, Меньшиковъ при Екатеринѣ I и Биронъ съ нѣмцами, при Аннѣ, — обходили заслуженнаго старца, дѣйствуя черезъ преданныя имъ орудія. Между орудіями этими хитрецъ Остерманъ, нося званіе вице-канцлера, былъ душею дипломатическихъ сношеній, въ основѣ которыхъ были цѣли вовсе не столько полезныя для Россіи, какъ направленіе политики Петра I. Головкинъ былъ душею противниковъ ограниченія власти Анны, и этому слѣдуетъ приписать удержаніе его, до смерти, на посту канцлера. Смерть достойнаго дипломата-самоучки послѣдовала (20 января 1734 г.) отъ горя о потерѣ сына. Въ 57 лѣтъ службы отечеству и въ 27 лѣтъ управленія иностранными дѣлами (25 лѣтъ канцлерства) Головкинъ заключилъ 67 трактатовъ, проявляя рѣдкую проницательность и заставляя даже нерасположенныхъ къ нему иностранцевъ отзываться о немъ какъ о *«полезномъ министрѣ»*. Эти заслуги воспитателя Петра I и заставили насъ послѣ царя-преобразователя, съ него перваго, начать галлерею сотрудниковъ генія. Головкинъ не отличался та-

кими блестящими способностями, которыя заставляютъ говорить о себѣ; но здоровый, проницательный умъ его умѣлъ всегда выбирать лучшую и кратчайшую дорогу къ выходу изъ затрудненій. Самъ Петръ I отдавалъ предпочтеніе ему, посылая на дѣло вмѣсто себя. Что же больше и краснорѣчивѣе такой оцѣнки дѣятеля, истинно полезнаго и необходимаго Петру I даже? Коричневый кафтанъ безъ всякаго шитья и очень простой матеріи, служилъ неизмѣннымъ облаченіемъ петровскаго канцлера; ко всѣмъ привѣтливаго, но разсчетливаго не меньше на слова и обѣщанія, чѣмъ на деньги, и отъ того выдаваемаго за скупца. Насколько правды тутъ, мы не сочли нужнымъ доискиваться, зная общій удѣлъ человѣчества—несовершенство.

кими блестящими способностями, которыя заставляютъ говорить о себѣ; но здоровый, проницательный умъ, его

III.

Графъ Θедоръ Алексѣевичъ Головинъ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛЪ И ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

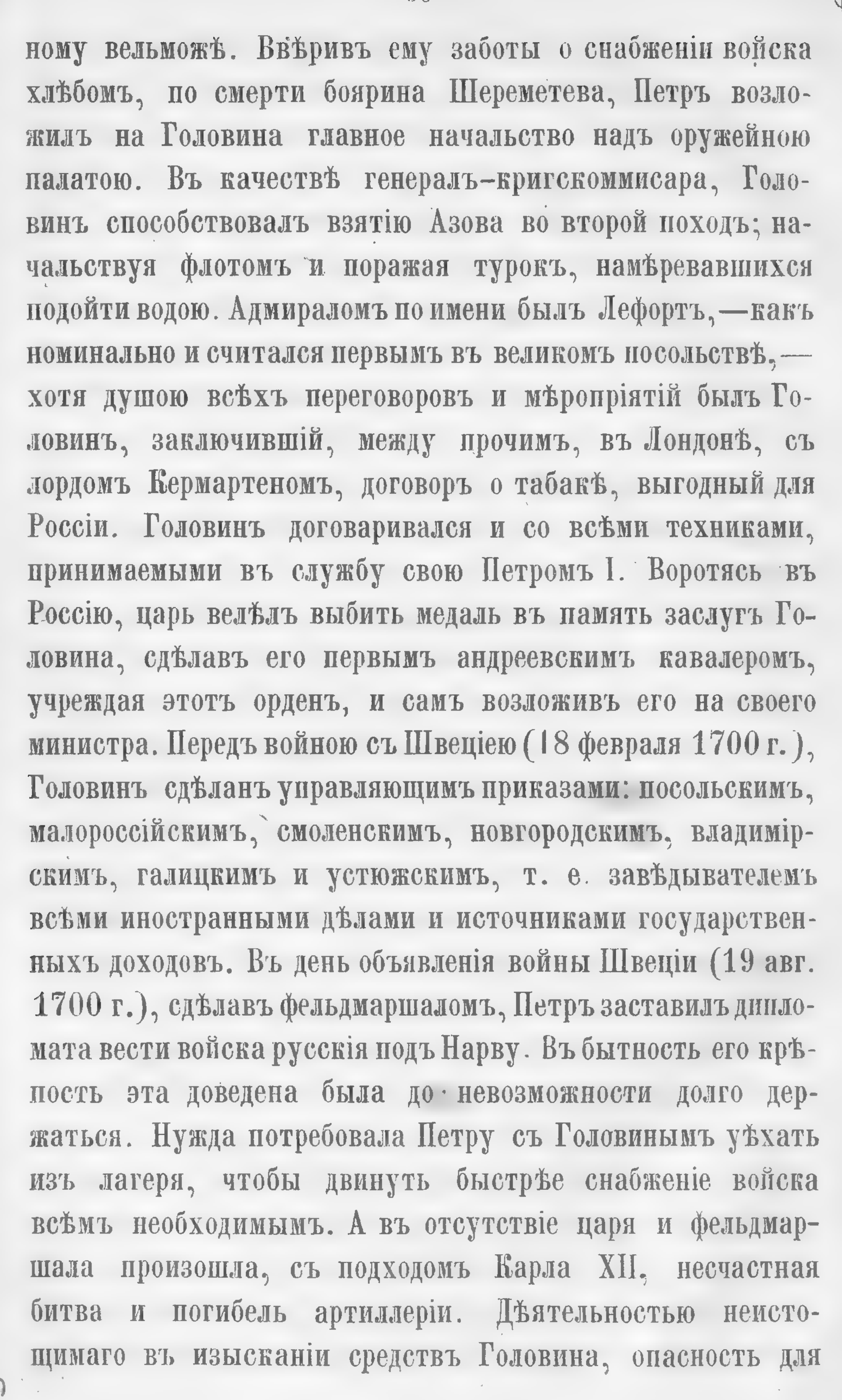
Сынъ стольника еще (послѣ боярина), Алексѣя Петровича Головина, Θедоръ Алексѣевичъ Головинъ, назначенъ царемъ Алексѣемъ, передъ смертью, въ стольники младшаго сына своего, царевича Петра Алексѣевича (1676 г.). Въ это время Головину было 26 лѣтъ, и никто не предполагалъ въ немъ тѣхъ способностей, которыми, при царствованіи своего воспитанника, онъ затмѣвалъ всѣхъ любимцевъ Петра. Можно догадываться, что преданность Головина царю Петру I производила впечатлѣніе невыгодное для правительницы когда случалось проявляться, уму его, да находчивости. Представляя себѣ и своимъ видамъ помѣху въ лицѣ Головина, правительница и придумала удалить его надолго отъ брата-царя въ то именно время, когда Софья рѣшилась исподволь проложить себѣ путь къ коронѣ и престолу, вставляя свое имя въ грамоты, съ именами царей-братьевъ. Такое представленіе повода отсылки Θ. А. Головина въ посольство въ Китай, имѣетъ за собою

логичную вѣроятность по ходу дѣла о планахъ къ возвышенію правительницы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшаетъ вопросъ о выборѣ въ посланники прямо лица, не употреблявшагося доо п того дипломатической части и, даже, ни чѣмъ виднымъ не заявившаго себя въ служебной исполнительности. Назначеніе въ Китай посломъ, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ловушкою: при неуспѣхѣ можно было опаснаго человѣка, не оправдавшаго будто бы сдѣланнаго довѣрія, совсѣмъ затереть и смѣшать съ грязью; если еще не привлечь къ отвѣтственности за промахи? А они такъ естественны въ новомъ дѣлѣ, каково было сношеніе московскаго двора съ богдыханскимъ, какъ извѣстно, крайне подозрительнымъ и своеобычнымъ. Съ приближеніемъ нашихъ граней къ китайской граничной чертѣ степей, къ тому же начались у насъ съ китайцами распри, съ каждымъ днемъ грозившія усложненіемъ, а не прекращеніемъ поводовъ къ раздору. И распутать всѣ эти узлы, съ цѣлью довести до дружескихъ отношеній сосѣднія правительства, посланъ былъ (1685 г.) Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, при назначеніи возведенный въ ближніе окольничіе. Пилюлю, какъ слѣдуетъ, позолотили этимъ, показавъ умному послу, что внезапное возвышеніе долженъ онъ искупить подлинною заслугою. Правда, росши въ Сибири, правителемъ которой былъ отецъ его, Головинъ зналъ лучше другихъ китайскія обстоятельства. Зналъ онъ также, что въ то время, когда богдыханъ заявлялъ охоту прекратить распри и его нарядили въ посольство,—китайцы вторично приступили къ Албазину, и приходилось выручать его отъ осады вооруженною рукою. Сборъ средствъ для отпора занялъ цѣлый годъ (1686) и только въ 1687 г., въ іюнѣ, китайское правительство назначило мѣстомъ

съѣзда своихъ уполномоченныхъ съ нашими Селенгинскъ, перемѣненный потомъ, по просьбѣ Головина, на Нерчинскъ. Во время пересылокъ объ избраніи пункта для съѣзда, Головинъ приступилъ къ стройкѣ на р. Удѣ острога. Принялъ въ подданство монгольскихъ князьковъ, прикочевавшихъ въ окрестности, ради притѣсненій отъ калмыковъ, да привелъ въ подданство русское сойотовъ табунуцкихъ съ шуленгами, взявъ съ нихъ шертную клятву по ихъ обычаю. Китайскіе послы явились съ отрядомъ войска въ 10,000 челов. и заняли луговую сторону рѣкъ Шилки и Нерчи, разставивъ 2 палатки въ 200 саженяхъ отъ нерчинскаго острога. Переговоры открылись 12 августа, предложеніемъ китайцевъ: не вспоминать прежнихъ распрей, и Головина—назначить границею р. Амуръ, южный берегъ котораго былъ бы китайскій, а сѣверный — нашъ. Китайцы требовали уступки Албазина и Нерчинска съ землями до Байкала. Обѣ стороны стояли на своемъ. Китайцы приготовились силою взять Албазинъ, а силы Головина были недостаточны для обороны, не только для завоеваній. Не доводя дѣло до оружія, онъ уступилъ Албазинъ, обязавшись разрушить эту крѣпость и, по принятіи р. Кербечи (Горбицы), притока Шилки, за рубежную черту, 27 августа 1689 г. договоръ былъ заключенъ. Въ столицу воротился Головинъ уже при правленіи Петра, за низверженіемъ правительницы.

Пріемъ Петромъ бывшаго его стольника, теперь возведеннаго въ бояре, былъ самый радушный, и умѣнье разсказывать видѣнное въ странахъ имъ посѣщенныхъ, подстрекнувъ разъ любознательность юнаго государя, сдѣлало его неутомимымъ собесѣдникомъ китайскаго посла. Съ каждымъ днемъ довѣренность царская росла къ этому ум-

ному вельможѣ. Ввѣривъ ему заботы о снабженіи войска хлѣбомъ, по смерти боярина Шереметева, Петръ возложилъ на Головина главное начальство надъ оружейною палатою. Въ качествѣ генералъ-кригскоммисара, Головинъ способствовалъ взятію Азова во второй походъ; начальствуя флотомъ и поражая турокъ, намѣревавшихся подойти водою. Адмираломъ по имени былъ Лефортъ,—какъ номинально и считался первымъ въ великомъ посольствѣ,—хотя душою всѣхъ переговоровъ и мѣропріятій былъ Головинъ, заключившій, между прочимъ, въ Лондонѣ, съ лордомъ Кермартеномъ, договоръ о табакѣ, выгодный для Россіи. Головинъ договаривался и со всѣми техниками, принимаемыми въ службу свою Петромъ I. Воротясь въ Россію, царь велѣлъ выбить медаль въ память заслугъ Головина, сдѣлавъ его первымъ андреевскимъ кавалеромъ, учреждая этотъ орденъ, и самъ возложивъ его на своего министра. Передъ войною съ Швеціею (18 февраля 1700 г.), Головинъ сдѣланъ управляющимъ приказами: посольскимъ, малороссійскимъ, смоленскимъ, новгородскимъ, владимірскимъ, галицкимъ и устюжскимъ, т. е. завѣдывателемъ всѣми иностранными дѣлами и источниками государственныхъ доходовъ. Въ день объявленія войны Швеціи (19 авг. 1700 г.), сдѣлавъ фельдмаршаломъ, Петръ заставилъ дипломата вести войска русскія подъ Нарву. Въ бытность его крѣпость эта доведена была до невозможности долго держаться. Нужда потребовала Петру съ Головинымъ уѣхать изъ лагеря, чтобы двинуть быстрѣе снабженіе войска всѣмъ необходимымъ. А въ отсутствіе царя и фельдмаршала произошла, съ подходомъ Карла XII, несчастная битва и погибель артиллеріи. Дѣятельностью неистощимаго въ изысканіи средствъ Головина, опасность для

государства скоро устранена сформированіемъ войска, вдвое многочисленнѣе прежняго, и отлитіемъ новой артиллеріи.

Направивъ къ лучшему почти потерянное дѣло арміи. Головинъ съ царемъ явились на свиданіе съ польскимъ королемъ въ Биржѣ (17 февр. 1701 г.), и, заключенный здѣсь договоръ (26 февр.) съ Августомъ о взаимной поддержкѣ противъ шведовъ, давалъ возможность Петру надѣяться на поправленіе ущерба, нанесеннаго нарвскою потерею: маня Польшу уступкою прибалтійскихъ областей ей и втянувъ въ борьбу республику, а не одного выборнаго короля ея. Польскія войска должны были въ лѣтнюю кампанію 1702 г. взять Ригу, когда русскія откроютъ кампанію въ Ингерманландіи. Поздній возвратъ царя изъ Архангельска, заставилъ осадить Шлиссельбургъ и взять его въ октябрѣ, но, тогда какъ польско-саксонская армія понесла пораженіе,—укрѣпленіе за нами доступа въ Неву совершилось вполнѣ. Успѣхъ этотъ — преддверіе къ побѣдамъ и перевѣсу нашему,—совпадаетъ съ законоположеніемъ, внушеннымъ Головинымъ: объ обезпеченіи свободы совѣсти и свободнаго оставленія нашей службы, вступающихъ въ нее искусныхъ иностранцевъ. 1702 годъ замѣчателенъ былъ еще въ личномъ интересѣ Головина, возведеніемъ его въ графы римской имперіи— первый случай почета для русскаго сановника, всюду сопровождавшаго царя-преобразователя и въ лагерь, и въ осады. Изъ рукъ Головина «за никогда же слыханную викторію»—взятіе лодками военныхъ судовъ съ артиллеріею, Петръ получилъ награду—крестъ св. Андрея (10 мая 1703 г.), въ лагерѣ при взятомъ Ніеншанцѣ. Тамъ же, Головинъ и въ томъ же мѣсяцѣ (28 мая) заключилъ договоръ съ польскимъ посломъ, о поддержкѣ субсидіею

съ нашей стороны борьбы Августа II съ Карломъ XII. Взятіе Нарвы въ 1704 г. вызвало новое посольство польское къ царю и новый договоръ о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, въ которомъ, разбитый противникомъ Августъ, видѣлъ единственную поддержку для себя. Послѣ тріумфа московскаго, которымъ отпраздновано завоеваніе стариннаго русскаго достоянія у шведовъ, Головинъ отклонилъ притязанія англичанъ, невыгодныя для насъ въ торговомъ отношеніи, а, терпѣвшій неудачи союзникъ—Польша, получилъ справедливое внушеніе о томъ, что̀ намъ, въ свою очередь, желательно для устраненія поводовъ къ неудовольствію взаимному. То же указано и Пруссіи, намѣревавшейся вступить съ нами въ сношенія, когда прямаго союза заключать не представлялось возможности, при скороспѣшности рѣшенія европейскихъ державъ о торжествѣ шведскаго героя. Петръ I, вовсе не представляя своего дѣла потеряннымъ, и оставаясь безъ союзниковъ не думалъ вовсе потерять добытое оружіемъ, хотя о мирѣ договариваться съ побѣдителемъ Августа былъ и не прочь; но о мирѣ честномъ. Его не такъ понимали дипломаты голландскіе и прусскіе, и не думали серьезно входить въ посредничество съ Карломъ XII по русскому дѣлу: особенно при тогдашнемъ вооруженіи счастливаго воителя противъ своего геніальнаго соперника. Головинъ смотрѣлъ на дѣло мирныхъ негоціацій, какъ на раннюю попытку. Заваленный со всѣхъ сторонъ дѣлами,—кромѣ посольскихъ и по астраханскому краю, гдѣ продолжалось неунявшееся броженіе,—Головинъ былъ вызванъ царемъ въ Петербургъ весною 1706 г., а оттуда воротясь, спѣшно позванъ въ Кіевъ изъ Москвы; уже нездоровый. Въ Нѣжинѣ болѣзнь свалила дѣятельнаго гене-

ралъ-адмирала фельдмаршала, а въ Глуховѣ—куда прибылъ онъ, почувствовавъ призрачное облегченіе, послѣдовала кончина друга царя-преобразователя (2 августа 1706 г.). Она поразила Петра I въ такое время, когда больше всего нужны ему были умъ, знаніе и энергія графа Ѳедора Алексѣевича Головина. «Печали исполненный Петръ», вызывая немедленно изъ Воронежа Апраксина, выразился, что такой вѣсти, какъ потеря Головина, «никогда бы не желалъ писать». И въ этомъ лаконическомъ взрывѣ сознанія безпомощности такимъ гигантомъ, вполнѣ выражается великость его потери въ лицѣ «адмирала-друга, посѣченнаго смертію въ Глуховѣ».

IV.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Первый русскій фельдмаршалъ, самый заслуженный и благодушный изъ сотрудниковъ великаго преобразователя Россіи, родился 25 апрѣля 1652 года. Онъ былъ старшій сынъ боярина Петра Васильевича и Анны Ѳедоровны, урожденной Волынской. По высокому происхожденію, Борисъ Петровичъ Шереметевъ преимущественно назначался для придворной службы и 13 лѣтъ отъ роду пожалованъ въ комнатные стольники царемъ Алексѣемъ (6 іюля 1665 г.). Съ 14-ти-лѣтняго возраста началъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ военную службу и 17-ти лѣтъ отъ роду уже прославился подвигомъ храбрости, получивъ за него, въ поощреніе, 40 соболей,—передъ женитьбою на Евдокіи Алексѣевнѣ Чириковой. Послѣ брака Шереметевъ шесть лѣтъ не принималъ участія въ походахъ и только въ 1675 году является помощникомъ отца своего, на военномъ поприщѣ. Еще спустя 6 лѣтъ (1681 г.), Борисъ Петровичъ Шереметевъ въ крымскомъ походѣ начальствуетъ отдѣльнымъ отрядомъ, пишась «намѣстни-

комъ Тамбовскимъ». Ослабленіе правительственной энергіи при болѣзненномъ юномъ государѣ, какимъ оказывался царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, было причиною стрѣлецкихъ своевольствъ и потомъ бунтовъ, вызвавшихъ двоецарствіе. На другой день коронаціи двухъ государей (26 іюля 1682 г.) Борисъ Петровичъ Шереметевъ пожалованъ въ бояре, но трудно сказать, чтобы правительница разсчитывала найти въ немъ опору своимъ видамъ. Вѣрнѣе, этимъ повышеніемъ царевна Софья хотѣла привлечь не причастнаго волненіямъ партій, будущаго фельдмаршала, на свою сторону. Этого не достигла она, даже и включивъ молодаго боярина въ число 4-хъ уполномоченныхъ для договоровъ съ Польшею о вѣчномъ мирѣ, съ титуломъ «намѣстника вятскаго». Для ратификаціи трактата королемъ, повезъ этотъ актъ въ Варшаву Борисъ Петровичъ Шереметевъ, и ему поручена коммисія—изъ Польши проѣхать въ Вѣну, чтобы тамъ довести до результата переговоры съ императоромъ о царскомъ титлѣ «величества». Однако имперскіе дипломаты отстояли свое упорное умаленіе достоинства московскихъ государей, въ буллахъ находя достаточнымъ титулованье «свѣтлостью». Безрезультатность миссіи не лишила впрочемъ выполнителя награды и жалованной грамоты (26 февр. 1688 г.). Лѣтомъ же, слѣдующимъ, онъ принялъ участіе во второмъ крымскомъ походѣ кн. В. В. Голицына, кончившемся неудачею. Перемѣна правительства на Шереметевѣ не отозвалась ничѣмъ, и онъ оставался до азовскихъ походовъ начальникомъ войскъ по бѣлгородской граничной чертѣ, здѣсь успѣвъ поддерживать въ крымцахъ уваженіе къ своей бдительности и умѣнью давать отпоръ во всякое время. Во время же азовскихъ походовъ, Шереметеву съ

казачьимъ гетманомъ Мазепою выпала роль самостоятельныхъ дѣйствій со стороны рр. Днѣпра и Днѣстра, гдѣ будущимъ фельдмаршаломъ взяты всѣ турецкіе городки и укрѣпленія. Не далъ туркамъ Шереметевъ завладѣть и развалинами Кизи-Керменя (1696 г.), хотя пришли они въ большихъ силахъ. Это былъ послѣдній подвигъ борьбы съ оттоманами вождя, прославившагося скоро умѣньемъ одерживать побѣды надъ господами непобѣдимыми шведами. Какъ прологъ къ этой эпохѣ заслугъ нашего воителя, было принятіе его въ орденъ мальтійскихъ рыцарей, совершившееся во время путешествія его по Германіи и Италіи, предпринятаго одновременно съ первымъ путешествіемъ царя-преобразователя въ Европу. Достигнувъ (черезъ Краковъ и Вѣну) Венеціи, оттуда Борисъ Петровичъ Шереметевъ, направился въ Римъ. Снабженный лестными рекомендаціями государя, онъ принятъ былъ благосклонно папою, и, черезъ Неаполь, проѣхалъ въ Мальту (2 мая 1698 г.). Въ то время собрано было морское ополченіе противъ турокъ, и, принявъ участіе въ этой экспедиціи, Шереметевъ почтенъ былъ саномъ рыцаря при отъѣздѣ съ острова (9 мая 1698 г.), съ разрѣшенія папы Иннокентія XII. Поклонившись въ Бари мощамъ Николая Чудотворца, Шереметевъ. черезъ Флоренцію, Венецію и Вѣну 10 февраля 1699 г. прибылъ въ Москву, получивъ отъ государя право писаться «бояринъ и военный свидѣтельствованный мальтійскій кавалеръ». Описаніе путешествія Бориса Петровича Шереметева издано въ свѣтъ его внукомъ по его запискамъ.

Подвиги въ сѣверную войну, прославившіе Шереметева, начались, между тѣмъ, какъ извѣстно, нарвскимъ пораженіемъ, причиною котораго, нельзя, частію, не при-

знать будущаго фельдмаршала, неосторожно оставившаго свой постъ въ дефилеяхъ Сига-іоки и несвоевременнымъ приходомъ къ главнымъ силамъ, произведшаго невыгодный переполохъ, съ преувеличеніемъ отъ страха численности шведовъ. Свое войско, впрочемъ, Шереметевъ переправилъ раньше за Нарву, но уничтоженіемъ моста, опять затруднилъ положеніе главной арміи. Тѣмъ не менѣе, уцѣлѣвъ съ этими жертвами, отъ нарвскаго пораженія и плѣна, Борисъ Петровичъ Шереметевъ оказался, при безвыходномъ почти положеніи нашемъ съ потерею арміи и артиллеріи, единственнымъ полководцемъ, на котораго и возложена трудная роль отстаивать незащищенные наши предѣлы. 1701 годъ, слѣдовавшій за нарвскимъ погромомъ, провелъ Шереметевъ на границѣ, устроивъ и обучивъ новобранцевъ наскоро настолько, что въ концѣ еще уже принялся бить шведовъ подъ начальствомъ генерала Шлипенбаха. Первый перевѣсъ оружія оказанъ достойнымъ сыномъ вождя—Михаиломъ Борисовичемъ Шереметевымъ, при Рапинѣ мызѣ, а затѣмъ при Эррестферѣ. начавъ бой 30 декабря 1701 г., въ 1 день января 1702 г. Борисъ Петровичъ Шереметевъ окончилъ его полнымъ пораженіемъ противника, начавъ новый годъ первыхъ успѣховъ нашихъ подвигомъ, заслужившимъ ему санъ перваго русскаго фельдмаршала.

Узнавъ отъ побѣдителя при Рапинѣ подробности дѣла лично, въ Москвѣ, Петръ въ первый разъ развеселился и съ оживленіемъ произнесъ: «слава Богу! можемъ же и мы бить шведовъ!»

Загладивъ этимъ подвигомъ свою нарвскую погрѣшность, новый фельдмаршалъ, награжденный и андреевскимъ орденомъ за эррестферскую побѣду, лѣтомъ уни-

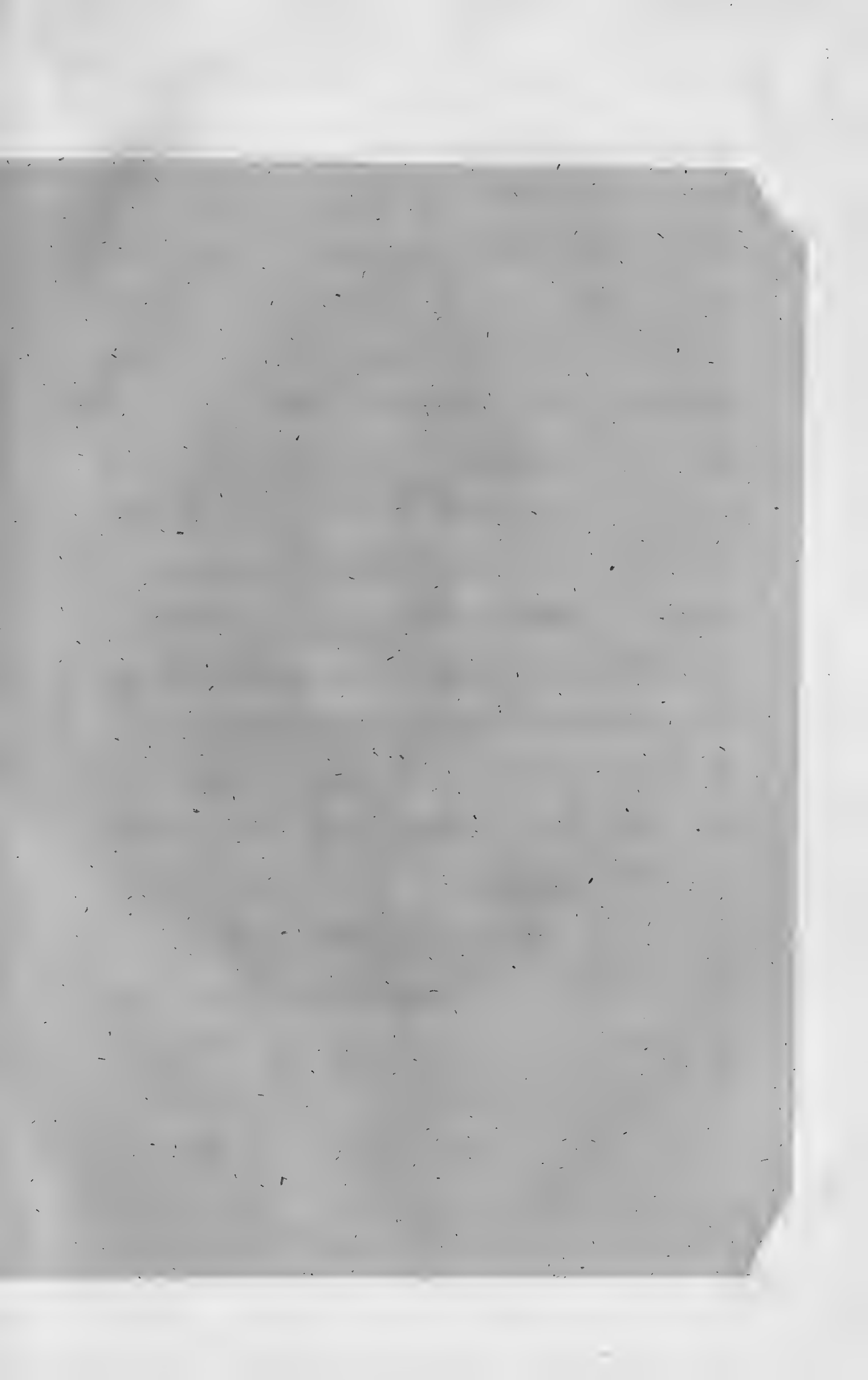
чтожилъ гребную флотилію шведскую на Чудскомъ озерѣ и вторично добилъ Шлипенбаха при м. Гумельсгофѣ (17 іюля); сдѣлавъ Лифляндію вполнѣ беззащитною, за удаленіемъ шведскаго короля въ польскіе предѣлы. Затѣмъ, 25 августа фельдмаршаломъ взятъ г. Маріенбургъ, откуда спѣшнымъ маршемъ позванъ побѣдитель къ Нотебургу (Шлиссельбургу), взятому въ 12 день осады. А 11 ноября Петръ I устроилъ своему фельдмаршалу, въ Москвѣ торжественный тріумфъ при вступленіи войскъ, духъ которыхъ еще болѣе возвышенъ этою честью. Съ ранней весны 1703 г. началась кампанія на берегахъ Невы, со сдачею Ніеншанца (1-го мая). Оттуда направлены силы къ Ямамъ и Копорью. Взявъ ихъ въ іюнѣ 1703 г., фельдмаршалъ въ 1704 году явился передъ Дерптомъ (5 іюня), 14 іюля сдавшимся (при остановленномъ ради того штурмѣ). Августа же 9-го сдалась Нарва, стоившая такой потери при первой осадѣ. Побѣды, нами одерживаемыя, не могли поднять духа польскаго короля, терпѣвшаго неудачи за неудачами, и фельдмаршалъ, по сдачѣ Нарвы, посланъ къ нему на помощь съ дивизіею пѣхоты и 6 полками конницы (подъ начальствомъ Ренне), присоединенной къ саксонцамъ. Самъ фельдмаршалъ дѣйствовалъ противъ генерала Левенгаупта, занявшаго Митаву, но схватка при Муръ-мызѣ съ нимъ, доведшая шведовъ до невозможности насъ преслѣдовать, была для нихъ однако не пораженіемъ, хотя и принудила Левенгаупта уйти въ Ригу. Взятіе Митавы (4 сент. 1705 г.) было Петру I тѣмъ пріятнѣе, что онъ преувеличивалъ мурскую неудачу фельдмаршала, по представленіямъ Меньшикова, и шелъ самъ на помощь къ Шереметеву. Сдѣланье неопаснымъ Левенгаупта, доставило Петру возможность послать фельд-

маршала усмирять астраханскій бунтъ (30 іюля 1705 г.) грозившій, въ случаѣ замедленія мѣръ, опасными слѣдствіями для всего Поволжья. Къ марту 1706 г. Шереметевъ все успокоилъ въ Астрахани, получилъ лестное завѣреніе царя: «труды и старанія ваши вознаградитъ Богъ, да и я самъ сдѣлать сіе не оставлю». При письмѣ слѣдовалъ приказъ ѣхать въ Кіевъ строить крѣпость, на случай отпора шведовъ, добившихъ саксонцевъ. По пріѣздѣ же фельдмаршала въ Жолкву, при личномъ свиданіи, Петръ далъ ему графскій титулъ. Три слѣдующіе года были самыми тяжелыми въ борьбѣ съ Карломъ XII, обрушившимся, — не имѣя уже противниковъ — на одного Петра I. Первая наша схватка съ шведскими силами, предводимыми королемъ, была при Головчинѣ 3 іюля 1708 г., и русскіе удержались, хотя съ урономъ, приписаннымъ нераспорядительности кн. Репнина; 29 августа, подъ Добрымъ, роли ниши перемѣнились: мы разбили шведское лѣвое крыло, и фельдмаршалъ принудилъ короля измѣнить его прежній маршрутъ движеніемъ къ Мстиславлю. Этимъ Карлъ XII обманулъ русскихъ частію, вдругъ поворотивъ къ р. Сожѣ, чтобы войти въ Малороссію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалъ на жертву случайности продовольствіе арміи, везенное изъ Риги Левенгауптомъ, вмѣстѣ съ судьбою его отряда: Петръ I самъ разбилъ его при Лѣсполѣ, отнявъ обозъ, а Шереметевъ, стоя въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, мѣшалъ добывать шведамъ средства продовольствія. Партіи ихъ, и очень значительныя, разбивались, безъ результата ослабляя главныя силы. Это подготовило полтавскую побѣду, одержанную нами тоже частію благодаря предусмотрительности Шереметева, укрѣпившаго редутами русскій лагерь. Попавъ между

этими укрѣпленіями, огнемъ ихъ сбиты главныя шведскія силы, уже не могшія потомъ поправиться при всемъ геройствѣ отчаянной борьбы, окончившейся паникой и бѣгствомъ съ поля. Съ мѣста боя полтавскаго Петръ послалъ Шереметева къ Ригѣ, которая будучи блокирована съ октября 1709 г., выдерживала осаду всю зиму и весну и сдалась 11 іюля 1710 г. Доведя Ригу до невозможности защищаться и стоять, Шереметевъ послалъ брать Перновъ и Эзель, и овладѣвъ этими мѣстностями, да Динаминдомъ, въ августѣ направилъ Бауэра къ Ревелю; 29 сентября тоже сдавшемуся на капитуляцію. Видя успѣхи наши въ завоеваніи Финляндіи, шведы возбудили турокъ къ войнѣ съ нами (22 дек. 1710 г.) и съ начала 1711 года, фельдмаршалъ повелъ войска черезъ польскія владѣнія къ турецкой границѣ. Мѣстомъ сбора былъ Слуцкъ. Оттуда въ концѣ мая перешли главныя силы фельдмаршала черезъ Днѣстръ, не смотря на сопротивленіе собравшихся большими массами татаръ. Петръ нашелъ фельдмаршала уже въ Яссахъ; коварство господаря Бранковано лишило наше войско средствъ продовольствія, прежде обѣщанныхъ, и заставило принять фланговое движеніе по Пруту, къ Галацу, — сборному депо продовольствія. На пути туда, малочисленная русская армія (38,246 чел.) была окружена въ семь разъ сильнѣйшимъ числомъ турокъ и послѣ трехдневнаго боя, приготовилась пробиться во что бы ни стало, когда визирь, боясь результатовъ этого отчаяннаго предпріятія, поспѣшилъ заключить выгодный для турокъ миръ (10 іюля 1711 г.). Воротясь въ наши предѣлы, фельдмаршалъ, при колебаніи султана ратификовать прутскій трактатъ, оставался до слѣдующаго года при войскахъ въ Кіевѣ, а воротясь въ

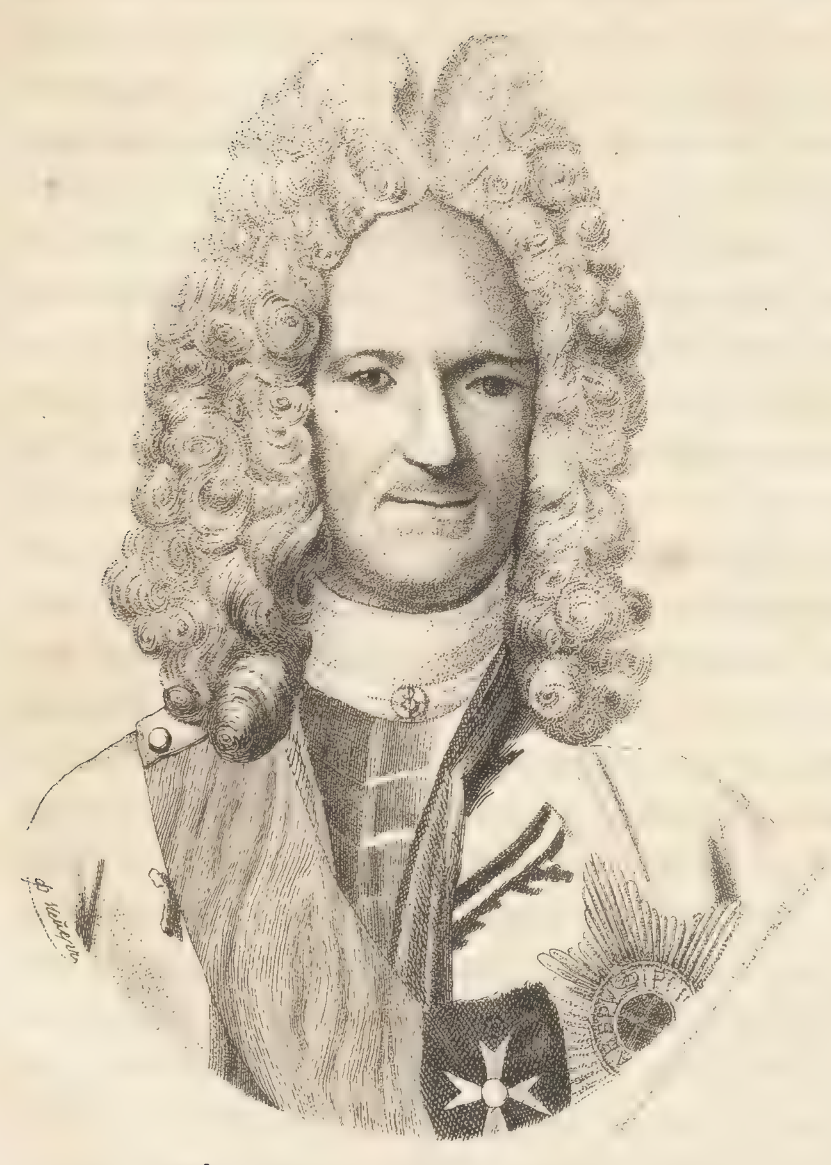
столицу, вступилъ во второй бракъ, по волѣ монарха, самъ было думая и рѣшившись даже, на старости, удалиться въ монастырь. Послѣ брака, воротился фельдмаршалъ вновь въ Украйну, къ войскамъ, и провелъ тамъ до 1715 года, когда направилъ его Петръ въ Померанію (указъ 27 іюля) для принятія начальствованія арміею противъ шведовъ. На пути слѣдованія, Шереметевъ долженъ былъ принудить г. Данцигъ къ уплатѣ контрибуціи за сношеніе съ шведами и только лѣтомъ 1716 года явился въ Мекленбургъ, откуда перевезены были въ августѣ войска въ Данію, для предположенной высадки въ Шонію, несостоявшейся за потерею со стороны датчанъ удобнаго времени. Фельдмаршалъ, перезимовавъ въ Мекленбургѣ, въ 1717 г. удалился съ войскомъ въ польскіе предѣлы, и воротясь вслѣдъ за государемъ въ Россію, въ началѣ 1718 г. чувствовалъ себя крайне больнымъ. Пользованіе минеральными водами въ Олонцѣ не помогло и 19 февраля 1719 г. фельдмаршалъ скончался отъ водяной въ груди, не доживя двухъ мѣсяцевъ до 67 лѣтъ отъ рожденія. Всѣ знавшіе его, русскіе и иностранцы, отдавали уваженіе уму, нравственнымъ качествамъ и знаніямъ нашего полководца, оказавшаго Петру и Россіи больше всѣхъ пользы своими военными подвигами.

столицу, вступилъ во второй бракъ, по волѣ монарха,

V.

Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.

Ноября 23 1673 года, въ деревнѣ, во Владимірской губерніи, у чьего-то конюха Данилы Меньшикова, родился сынъ, названный по имени святаго, празднуемаго въ этотъ день, Александромъ. Самъ онъ тщательно скрывалъ свое происхожденіе. Льстецы придумали, что будетъ почетнѣе приписать ему родство отъ литовской шляхты, — забывая, что Меньшиковъ звучитъ не по литовски, а по русски,— но сами все же не могли прибрать выдумки по вкусу тому, кого сказкою чаяли превознести они. Вѣрно одно, что въ первый годъ взятія Петромъ въ руки браздовъ правленія отъ сестры, Алексаша Меньшиковъ сынъ, продавалъ пироги въ торгу и своими прибаутками привлекъ на себя вниманіе, любимца Петра I юноши, Франца Яковлевича Лефорта. Тотъ взялъ краснобая къ себѣ въ прислугу, а у него увидѣлъ царь остраго малаго и приблизилъ его къ себѣ, записавъ въ потѣшные. Подъ Азовомъ краснобай уже отличился личною храбростью и находчивостью, а во время перваго путешествія Петра I въ

Европу, былъ уже неразлученъ съ молодымъ государемъ, подлѣ него работая топоромъ на вестъ-индской верфи, въ Амстердамѣ. Генiй-царь открылъ необыкновенный, на все годный, изворотливый умъ въ безграмотномъ Алексашѣ и бойкая находчивость сдѣлала его самымъ близкимъ помощникомъ преобразователя. Любители сплетень старались найти грязные источники и поводы Петровой привязанности къ Меньшикову, но стоитъ только приняться за разборъ дѣлъ, поручаемыхъ случайному, какъ говорятъ, этому любимцу, чтобы понять необходимость его для Петра I, ради неслыханно быстрой исполнительности на него возлагаемаго. Безъ живаго, на все хватающаго ума — особенно при безграмотствѣ человѣка—тутъ всякiй бы затерялся, а Меньшиковъ все вывозилъ, къ полному удовольствiю требовательнаго дѣловаго исполнителя, какимъ былъ самъ Петръ I, лично засвидѣтельствовавшiй сенату, что онъ «Александра даромъ не награждалъ».

Въ 1702 году мы находимъ, поручика Преображенскаго, Меньшикова — губернаторомъ шлиссельбургскимъ, при самомъ взятiи этой крѣпости. Въ этомъ санѣ приготовилъ онъ все къ раннему походу 1703 г. и по взятiи Нiэншанца, на разсвѣтѣ 7 мая, взялъ послѣ упорнаго боя на лодкахъ шняву «Астрильдъ», когда царь бралъ ботъ «Геданъ» въ устьѣ Невы; вмѣстѣ съ Петромъ I, получивъ за этотъ подвигъ въ награду орденъ Андрея Первозваннаго. По заложенiи Петербурга, Петръ ввѣрилъ Меньшикову постройку 6-го бастiона земляной крѣпости Петропавловской, носившаго имя строителя (нынѣ бастiонъ Петра II). Зимою, отправившись съ царемъ въ Воронежъ, оттуда въ февралѣ 1704 г. привезъ Меньшиковъ, царемъ сдѣланную, модель замка «Кроншлотъ» для укрѣп-

ленія острова Котлина. Успѣлъ срубить ее на льду до вскрытія водъ, а 4 мая послѣдовало освященіе этой новой твердыни. Лѣтомъ 1704 года былъ Меньшиковъ съ царемъ при осадѣ Нарвы и Дерпта и, по взятіи первой, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ и герцогомъ завоеванной Ингріи. Въ 1705 г. отправленъ съ войсками на помощь польскому королю Августу II и подъ самой Варшавой разбилъ партію силъ Лещинскаго, а затѣмъ, начальствуя конницею,—въ то уже время, когда Августъ пересылался съ Карломъ XII, прося у него мира и получивъ согласіе на то,—принудилъ шведскаго генерала Мардефельда къ бою при Калишѣ и разбилъ на голову шведовъ, при участіи саксонцевъ; несмотря на нежеланіе короля ихъ дѣйствовать. Затѣмъ, открывъ измѣну Августа общему дѣлу, но оставаясь въ предѣлахъ Польши, князь ижерскій (съ 30 мая 1707 г.), Меншиковъ готовился принять на себя первый ударъ короля-героя, расположившись въ Тыкоцинѣ и потомъ въ Новогрудкѣ. Въ 1708 году предупредилъ онъ Карла XII, занявъ переправу на р. Березѣ, подъ Борисовымъ. Но, шведскій король не желая бороться долѣе, совершилъ переходъ чрезъ засѣки и явился подъ Головчинымъ, дорого купивъ перевѣсъ въ этой схваткѣ. Въ октябрѣ узналъ Меньшиковъ объ измѣнѣ Мазепы и первый сообщилъ о томъ Петру I, а затѣмъ спѣшно явясь предъ замкомъ Батуриномъ, гдѣ гетманъ собралъ провіантъ и вооруженіе для передачи шведамъ, взялъ его приступомъ 12 ноября 1708 г.;—предупредивъ Карла XII, перешедшаго Десну, въ этотъ день, только въ 6 миляхъ отъ взятаго укрѣпленія. При осадѣ Полтавы, Меньшиковъ взялся сдѣлать диверсію, чтобы, отвлекши врага, провести въ осаждаемую крѣпость подкрѣпленіе, да провіантъ, и выбилъ шведовъ

изъ ретраншемента за Ворсклою, прогнавъ ихъ за Опошню и вызвавъ поддержку самого короля со всею арміею. Во время же боя отряду удалось проникнуть съ резервомъ въ Полтаву. Въ самый день славной побѣды, уничтожившей силы Карла XII, Меньшиковъ принудилъ къ сдачѣ, припертую къ лѣсу, часть шведскаго лѣваго крыла и съ генераломъ Ренцелемъ аттаковалъ шведскіе шанцы передъ крѣпостью, освободивъ ее отъ осады. Въ самый же жесточайшій, утренній бой, Меньшиковъ съ Бауэромъ, упорнѣе всѣхъ пробивались съ конницею въ ряды шведской пѣхоты и подъ княземъ убито было три лошади въ короткое время. Для поддержки боя на флангахъ, Шереметевъ ударивъ въ штыки, разорвалъ центръ, и тогда общая паника заставила шведовъ бѣжать съ поля. Бѣглецы сдались Меньшикову при Переволочнѣ и Карлъ XII остался безъ арміи, спасшись отъ плѣна бѣгствомъ въ Турцію.

За эти подвиги Меньшиковъ произведенъ Петромъ въ фельдмаршалы (7 іюля 1709 г). Сопровождая затѣмъ Петра I въ Кіевъ и Польшу, Меньшиковъ получилъ при отъѣздѣ царя въ Россію начальство надъ войскомъ, назначеннымъ для дѣйствій противъ шведовъ въ Помераніи, и пробылъ тамъ до конца этого года, успѣвъ къ полтавскому тріумфу прибыть въ Москву. Въ началѣ слѣдующаго года, Меньшиковъ взялъ Динаминдъ и заключилъ договоръ съ герцогомъ курляндскимъ о бракѣ его съ племянницею царскою. Бракъ ихъ высочествъ отпразднованъ былъ въ Петербургѣ, въ новомъ домѣ князя Меньшикова. За удаленіемъ Петра въ турецкій походъ, Меньшиковъ оставленъ охранять Петербургъ и весь остзейскій край, а съ 1 марта 1712 г. начальствовалъ надъ, дѣйствовавшимъ въ Помераніи, войскомъ нашимъ. При знаменитомъ

прогнаніи Штенбока изъ Фридрихштадта, Меньшикову выпало на долю загородить дорогу шведамъ со стороны Коломбиттена, но фельдмаршалъ шведскій ушелъ изъ Фридрихштадта въ противную сторону;—когда отбить атаки Петра и Меньшикова не удалось и они соединили свои силы. По отъѣздѣ Государя въ Россію, Меньшиковъ довелъ, запертаго въ Тённингенѣ Штенбока до сдачи (3 мая 1703 г.). Двинувшись отъ Тённингена, кн. Меньшиковъ взыскалъ контрибуцію съ городовъ Гамбурга и Любека, за продолженіе ими торговли съ шведами. Затѣмъ, обязавъ союзниковъ общими силами взять у шведовъ г. Штральзундъ и ост. Рюгенъ, взялъ послѣдній своими и саксонскими войсками. Договорился съ прусскимъ королемъ объ отдачѣ ему г. Штетина, по взятіи его,—привлекши этимъ обѣщаніемъ и Пруссію къ усердной поддержкѣ общаго дѣла. Англичане, взявшись разыгрывать роль посредниковъ, предложили союзнымъ войскамъ выйдти изъ шведской Помераніи, за обѣщаніе Швеціею не трогать никого. Но, не поддавшись на эту уловку, Меньшиковъ началъ осаду Штетина и скоро блистательно кончилъ ее: сдѣлавъ согласно обѣщанію и вытребовавъ съ прусскаго короля на издержки добыванія 400,000 рейхсталеровъ. Взявъ Штетинъ, Меньшиковъ русскую армію провелъ въ Данцигъ и оставилъ тамъ, самъ прибывъ въ Петербургъ и окончивъ этимъ воинскіе свои походы.

Дома ждало его начало процессовъ о лихоимствѣ. Разслѣдованіе, не смотря на тщательность прикрытія плутней, открыло вполнѣ виновность князя, но Петръ простилъ его, повелѣвъ взыскать неправо захваченное. Затѣмъ раскрылись новыя преступленія, и виновный преданъ суду сената, изрекшаго смерть. Чтобы выпросить пощаду доро-

гой для отечества жизни Меньшикова,—отъ котораго государь ожидалъ полезныхъ услугъ—самъ Петръ напомнилъ заслуги осужденнаго и указаніемъ, что ему обязанъ своею жизнью,—выпросилъ помилованье; подвергнувъ милліонному начету казенныхъ убытковъ. Доказанная виновность охолодила къ Меньшикову Петра I, но все-таки не лишила князя Ижерскаго его служебнаго значенія, и отъѣзжая въ 1716 г. на 1½ года въ Европу, государь оставилъ его хозяиномъ въ Петербургѣ, гдѣ въ отсутствіе царя предстояли громадныя работы: изрытіе каналами Васильевскаго острова и застройка каменными домами береговъ большой Невы, на Васильевскомъ и Адмиралтейскомъ островахъ. Спѣша выполненіемъ работъ, князь былъ вовлеченъ въ ошибки хитрыми интриганами-строителями;—не слушая искуснаго генералъ-архитектора Леблона, не умѣвшаго льстить и ухаживать за всемощнымъ распорядителемъ. Вмѣсто удовольствія, князь вызвалъ гнѣвъ царя, убѣдившагося, что все исполненное испорчено. Съ этихъ поръ Меньшиковъ не возвращалъ къ себѣ уваженія монарха. Въ 1720 году, между тѣмъ, посылалъ его Петръ I осмотрѣть рекрутъ и наблюсти за изготовленіемъ и отправкою всякаго рода военныхъ снабженій. Сформировавъ 3 корпуса войскъ въ Стародубѣ (26 полковъ) и усмиривъ безпорядки въ Запорожьѣ, князь прибылъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Ригу и Петербургъ. Передъ самымъ заключеніемъ Ништадтскаго мира, на Меньшикова подали жалобу казаки о захватѣ войсковыхъ земель въ Почепѣ. Разслѣдованіе опять подтвердило справедливость жалобы, и Меньшиковъ долженъ былъ принести повинную, да заплатить наложенный тяжелый штрафъ, не снятый и при наградахъ по случаю мира. Отправившись въ персидскій походъ, Петръ возложилъ на

Меньшикова наблюденіе надъ работою Ладожскаго канала, рытье котораго ввѣрено, покровительствуемому Меньшиковымъ, Скорнякову-Писареву. Неумѣнье этого лица,—при осмотрѣ царемъ выполненнаго, въ 1724 г.,—привело также монарха въ гнѣвъ на производителя работъ и его защитника. Смерть Петра I застала Меньшикова чуть не на канунѣ опалы, но искусныя мѣры, чтобы заставить признать царствующею государынею, Екатерину I—все поправили. Озаботившись въ скорѣйшемъ времени приготовленіями къ свадьбѣ цесаревны Анны Петровны, Меньшиковъ нашелъ, черезъ посредство голштинскаго министра Бассевича, поддержку въ герцогѣ голштинскомъ, когда враги князя Ижерскаго подстроили было ему вѣрную опалу. Это устроено въ бытность князя въ Курляндію,—гдѣ старался онъ о выборѣ себя дворянскими голосами въ герцоги, но не удалось. Онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, удержавшись въ милости при помощи зятя государыни, скоро затѣмъ сдѣлался первымъ лицомъ управленія. Князь заставилъ Екатерину I, умирая почти внезапно, объявить наслѣдникомъ Петра II, подъ опекою его, Меньшикова. Казнивъ враговъ своихъ, опекунъ-регентъ заставилъ малолѣтняго императора обручиться со своею старшею дочерью, княжною Марьею Александровною, произведенный въ день этого обрученья въ генералиссимусы.

Опасная болѣзнь всемощнаго правителя, въ іюнѣ и іюлѣ 1727 г., дала возможность противникамъ-честолюбцамъ еще разъ сплотиться и овладѣть довѣренностью юнаго императора, боявшагося суроваго опекуна своего. Когда выздоровѣлъ князь, вліяніе его на Петра II было уже парализовано, а ничтожный случай при освященіи церкви въ Ораніенбаумѣ, объясненъ врагами полнымъ захватомъ вла-

сти со стороны временщика. Князь сталъ на царское мѣсто, не дождавшись пріѣзда государя, умышленно остановленнаго Долгорукимъ. Арестъ домашній, лишеніе власти и ссылка—сперва въ Ораніенбургъ, принадлежавшій князю, потомъ въ Сибирь, съ конфискаціею всего имущества—слѣдовали для Меньшикова, почти непрерывнымъ рядомъ бѣдствій. Жена по дорогѣ въ ссылку ослѣпла отъ слезъ и умерла. Онъ поселенъ подъ полярнымъ кругомъ, въ Березовѣ, и въ бѣдствіи показалъ величіе духа истинно христіанское. Самъ вырылъ могилу старшей дочери, пораженной оспою, и, за нею слѣдомъ, умеръ отъ удара, 22 октября 1729 года.

VI.

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ,

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

Сынъ сибирскаго воеводы, боярина князя Ивана Борисовича Репнина — Аникита Ивановичъ, родился въ 1668 году. Пятнадцати лѣтъ сдѣланъ былъ стольникомъ царя Петра (1683 г.) и съ этого времени сдѣлался съ нимъ неразлучнымъ. Черезъ 2 года, при учрежденіи потѣшныхъ, сдѣланъ поручикомъ; еще черезъ 2 года—подполковникомъ, а въ первомъ азовскомъ походѣ, съ княземъ Яковомъ Долгоруковымъ отличился отнятіемъ береговыхъ башенъ у турокъ. Въ походѣ же 1696 г. былъ капитаномъ судна и, въ 1698 году, по возвращеніи изъ путешествія въ Европу, произведенъ въ генералы. Генералъ Репнинъ занятъ былъ обученіемъ первыхъ регулярныхъ войскъ, передъ шведскою войною, и при открытіи кампаніи, произведенный въ генералы отъ пѣхоты, командовалъ дивизіею изъ 9 полковъ. Приведя войско къ Нарвѣ и сдавъ его графу Головину, главнокомандующему, Репнинъ воротился въ Новгородъ, назначенный губернаторомъ этой провинціи, а послѣ нарвской потери, въ два мѣсяца собралъ

и обучилъ армію вдвое болѣе сильную числомъ и выправкою. Въ мартѣ 1701 г. Репнинъ уже двинулся съ 19-ю полками въ Лифляндію на помощь Августу II и по разбитіи шведами саксонскаго фельдмаршала Штейнау, подъ Ригою, провелъ полки свои безъ потери къ Пскову, соединившись тамъ съ арміею Б. П. Шереметева (15 авг. 1701 г.). Принимая участіе во взятіи Шлиссельбурга и Ніэншанца, князь Репнинъ подъ Нарвою, былъ употребленъ царемъ для выполненія военной хитрости, для вызова шведовъ. Перерядивъ 2 полка въ костюмъ, похожій цвѣтомъ на шведскій, царь приблизился съ ними со стороны Лифляндіи къ осажденной крѣпости, давая сигналы,—какъ бы шло подкрѣпленіе къ осажденнымъ. Другая партія (Меньшикова и Репнина), выѣхала и вступила съ прибывшими въ бой, будто бы. Комендантъ Горнъ поспѣшилъ выслать на помощь мнимымъ шведамъ партію изъ крѣпости, которую мнимо прибывшіе поспѣшили перехватать въ плѣнъ и, вслѣдъ за немногими убѣгавшими, при открытіи обмана, чуть не проникли въ Нарву, нанеся чувствительный ущербъ гарнизону ея. По взятіи штурмомъ этой крѣпости, Репнинъ съ 14 полками пошелъ въ Полоцкъ для дѣйстій противъ шведовъ. По взятіи же Митавы царемъ (1705 г.), расположился съ пѣхотнымъ корпусомъ въ Гродно и, когда тамъ запертъ былъ Огильви — успѣлъ завести съ нимъ сообщенія и помочь уйдти, ничего не потерявъ. Слѣдующій годъ (1707 г.) провелъ Репнинъ съ войскомъ въ Польшѣ и, присоединясь къ арміи Шереметева, 3 іюля первый отбилъ своею дивизіею, хотя съ урономъ, Карла XII при Головчинѣ. Уронъ этотъ причтенъ было на военномъ судѣ къ винѣ Репнина и, за недостаточно энергическія распоряженія будто-бы, выгородивъ Гольца, недавшаго

помощи — военный судъ приговорилъ Репнина къ разжалованью. Князь Михаилъ Мих. Голицынъ, зная невинность, лично съ нимъ неладившаго, Репнина, въ награду за побѣду при Лѣсномъ, выпросилъ у царя, вмѣсто всякой милости—возстановленіе Репнина въ прежнемъ чинѣ и командѣ. Великодушный монархъ, простивъ, отдалъ князю Аникитѣ въ команду, по прежнему, и его дивизію. При Лѣсномъ, находясь въ рядахъ, солдатомъ, Репнинъ далъ совѣтъ царю: приказать казакамъ, стоявшимъ сзади регулярныхъ полковъ — бить всякого, кто подастся назадъ; чтобы за невозможностью отступленія, заставить всѣхъ биться съ мужествомъ отчаянія—«товарищъ! отвѣтилъ ему милостиво Петръ I, — «отъ тебя перваго слышу это, и увѣренъ, что не проиграемъ мы дѣла, такъ думая». Нужно ли доказывать, что человѣкъ воодушевленный настолько сознаніемъ долга, самъ бился не подаваясь? Командуя своею дивизіею въ бою при Полтавѣ, Репнинъ составлялъ центръ, и, его двѣнадцать полковъ, пѣхотныхъ, штыками прорвали центръ непріятельскій, довершивъ пораженіе. Этотъ подвигъ его награжденъ пожалованіемъ ордена Андрея Первозваннаго. Репнинъ послѣ Полтавы, въ составѣ арміи Шереметева, направился къ Ригѣ, и за отъѣздомъ фельдмаршала на тріумфъ въ Москву, безъ него командовалъ осаднымъ корпусомъ и всею арміею. До 11-го марта 1710 г. (дня возвращенія Шереметева къ войску) онъ успѣлъ перервать сообщеніе рижанъ съ Динаминдомъ; взорвалъ пороховой магазинъ и обратилъ внутренность цитадели въ развалины своимъ бомбардированіемъ; приготовивъ, такимъ образомъ, все къ необходимой сдачѣ Риги, немогшей, за разрушеніемъ, долго держаться. Шереметевъ оцѣнилъ заслуги своего благодуш-

наго помощника и предоставилъ ему честь: первому вступить въ сдавшуюся Ригу, ввѣренную ему въ управленіе со всею Лифляндіею, въ санѣ генералъ-губернатора. Оставаясь въ этой должности, Репнинъ начальствовалъ авангардомъ арміи въ турецкомъ походѣ и, при Прутѣ, на военномъ совѣтѣ, далъ отвѣтъ: «лучше смерть, чѣмъ сдача!» Въ Помераніи начальникомъ войска былъ Меньшиковъ, а душою дѣйствій, вредныхъ для непріятеля—Репнинъ: и при осадѣ Штетина, и при занятіи Фридрихштадтскихъ укрѣпленій, и при стѣсненіи Штенбока въ Теннингенѣ; сдача котораго состоялась тоже при его посредствѣ. За сдачу Теннингена, датскій король пожаловалъ Репнину орденъ Слона. По взятіи Штетина, корпусъ Репнина возвращенъ въ Россію. Расквартировавъ на зиму полки въ Смоленской губерніи, князь Аникита Ивановичъ воротился на губернаторство въ Ригу, расположивъ часть войска (30 мая 1714 г.) лагеремъ вокругъ города. Въ концѣ этого года Петръ пригласилъ достойнаго вождя въ С.-Петербургъ, для участія въ празднествѣ свадьбы князя папы Зотова, причемъ Репнинъ, въ венеціанскомъ костюмѣ, шелъ въ процессіи со свирѣлью въ рукахъ. Послѣ этого юмористическаго празднества, Репнинъ на весну расположилъ свою дивизію въ Курляндіи, вдоль берега. Въ 1716 году вызванъ для предполагавшейся высадки въ Шонію, въ Копенгагенъ; а по случаю несостоянія ея, отвелъ русское войско зимовать въ Мекленбургъ. Весною же 1717 г., вступивъ съ арміею въ Польшу, принудилъ магистратъ Данцига къ уплатѣ наложенной Петромъ (за сношенія съ шведами) контрибуціи, въ количествѣ 140000 ефимковъ.

Воротясь затѣмъ въ Ригу, Репнинъ оставался тамъ до вызова въ Петербургъ къ началѣ 1724 года — для

занятія мѣста, предсѣдателя военной коллегіи, вмѣсто Меньшикова (20 января); сохраняя впрочемъ, по смерть званіе генералъ-губернатора рижскаго; при коронаціи же Екатерины,—Репнинъ пожалованъ въ фельдмаршалы. При раскрытіи обстоятельствъ, вызвавшихъ (въ ноябрѣ 1724 года) процессъ Монса, Репнинъ, лично нерасположенный къ Екатеринѣ, отговорилъ гнѣвнаго государя отъ крайнихъ мѣръ, которыя готовился онъ было принять противъ дорогихъ его сердцу особъ. Смерть Петра I застала въ расплохъ сторонниковъ законнаго наслѣдованія престола (сыномъ царевича Алексѣя), а насильственныя мѣры, принятыя Меньшиковымъ, парализовали всякое сопротивленіе со стороны не желавшихъ воцаренія Екатерины I. Репнинъ удалился въ Ригу, на свой постъ, и тамъ, 3-го іюля 1726 года, умеръ тихо, какъ жилъ, прослуживъ 43 года отечеству на полѣ битвъ, почти безпрерывныхъ; вездѣ являясь человѣкомъ рѣдкой честности и непоколебимой правоты убѣжденій. О немъ, да о князѣ Михаилѣ Мих. Голицинѣ, его соперникѣ по оружію, можно сказать безъ преувеличеній, что при Петрѣ I—между сановниками, не всегда различавшими дозволенное отъ недозволеннаго,—они были парою «рыцарей безъ страха и упрека».

VII.

Графъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛЪ ФЛОТА.

Случайность приблизила сиротъ дворянъ Апраксиныхъ къ трону царскому. Стольникъ Матвѣй Васильевичъ Апраксинъ убитъ калмыками въ степи, въ 1668 году, оставивъ малолѣтныхъ дѣтей: 11-лѣтняго Петра, 7-лѣтняго Өедора, 5-ти лѣтняго Андрея и дочь Марөу, 4-хъ лѣтъ. Выростая, дѣвушка стала красавицею, и при вторичномъ выборѣ невѣсты для больнаго, уже вдоваго въ 20-ть лѣтъ, царя Өедора Алексѣевича,—показалась ему лучше всѣхъ и выбрана въ супруги самодержца. 14 февраля 1682 г. бракъ этотъ отпраздновали, а 27 апрѣля государь, молодой супругъ, преселился въ вѣчность; въ 2½ мѣсяца брака успѣвъ сдѣлать комнатными стольниками братьевъ супруги своей. Средній изъ нихъ Өедоръ Матвѣевичъ, родившійся 1661 году, имѣлъ въ это время 21 годъ, и съ воцареніемъ Петра попалъ къ нему въ ближніе стольники. Выростая и заведя потѣшныхъ, Петръ I Өедора Матвѣевича Апраксина,—одного изъ первыхъ принявшаго службу въ селѣ Семеновскомъ,—еще въ годъ взятія Азова

возвелъ въ подполковники и, сдѣлавъ его азовскимъ губернаторомъ, ввѣрилъ ему надзоръ за стройкою судовъ по Дону. Навыкъ въ отправленіи дѣлъ по кораблестроенію, заставилъ Петра I, по смерти генералъ-адмирала Головина, на его мѣсто поставить Апраксина, какъ дѣльца хорошо извѣстнаго монарху, поставленному смертью друга, при тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ трудное положеніе: вездѣ успѣвать самому и все дѣлать, напрягая всѣ силы для отпора Карла XII, почти уничтожившаго Августа II. Поставленный въ трудныхъ обстоятельствахъ, Апраксинъ вполнѣ оправдалъ царскую довѣренность. Явившись въ 1707 году въ Петербургъ, ему до того совсѣмъ неизвѣстный, генералъ-адмиралъ въ 1708 году отстоялъ Неву и уничтожилъ попытку Либекера разорить Петрову будущую столицу; хотя силы наши были меньше шведскихъ. Въ 1710 году Апраксинъ принудилъ къ сдачѣ Выборгъ. Въ 1711 году дѣйствовалъ съ флотомъ въ Тавровѣ, и, сдавъ Азовъ туркамъ, съ 1713 года явился вновь на театръ борьбы съ шведами въ Финскомъ заливѣ. Восемь кампаній, затѣмъ, подъ начальствомъ генералъ-адмирала, всѣ были счастливо оканчиваемы для нашего оружія и при поддержкѣ флота, овладѣвшаго вполнѣ Финляндіею. Побѣда при Гангутѣ—была поводомъ морскаго тріумфальнаго ввода въ Петербургъ трофеевъ (10 сентября 1714 года), гдѣ героями дня были Петръ I-й и Апраксинъ. Генералъ-адмиралъ припугнулъ шведскую королеву высадкою—на ея берега съ галернаго флота, въ Норткепингѣ, въ концѣ великой сѣверной войны,—при заключеніи мира, достойно получивъ въ награду *Кейзеръ-флагъ.* Поднялъ онъ его въ 1723 году, командуя самымъ многочисленнымъ флотомъ въ Финскомъ заливѣ—для чествованія дѣдушки-

бота и потомъ, провезя Петра I и герцога голштинскаго на маневры, въ Ревель. Выводилъ флотъ нашъ въ море Апраксинъ еще въ 1725 году, удостоившись посѣщенія императрицы (съ 11 по 18 іюля). Въ 1726 г. флотъ не отходилъ дальше Кронштадтскаго рейда; 1727 года корабли не вооружали даже: стало быть кампанія 1725 г. была послѣднею для престарѣлаго генералъ-адмирала, уѣхавшаго въ февралѣ 1728 г. въ Москву и тамъ скончавшагося 10 ноября того же года. Всѣ знавшіе генералъ-адмирала отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ доброй души, готовомъ всякому сдѣлать угодное.

Всегдашняя бодрость духа и веселость въ опасностяхъ, безстрашіе, примѣрная исполнительность и замѣчательный, природный умъ дѣлали Апраксина въ глазахъ Петра I, независимо свойства, по сестрѣ (царской невѣсткѣ) — драгоцѣннымъ человѣкомъ, очень любимымъ монархомъ. Но, по добродушію своему, и Апраксинъ вовлеченъ былъ княземъ Меньшиковымъ въ незаконные подряды, понеся, наравнѣ съ другими, штрафъ при дослѣдованіи. Нѣтъ розы безъ шиповъ!

Апраксинъ былъ женатъ на Хрущевой, но за смертью ея въ 1702 года не вступалъ въ новый бракъ, и отъ перваго не имѣлъ дѣтей; по этому просилъ о передачѣ графскаго достоинства своему младшему брату и его потомкамъ. По завѣщанію, — сдѣланному за двѣ недѣли передъ кончиною, — генералъ-адмиралъ Апраксинъ отказалъ императору Петру II свой Петербургскій большой каменный домъ, въ которомъ жила по найму цесаревна Анна Петровна съ супругомъ до отъѣзда въ Голштинію, а потомъ, по переселеніи двора въ 1732 г. изъ Москвы въ Петербургъ — императрица Анна Ивановна. Домъ этотъ, при застройкѣ Зимняго дворца графомъ Растрелли, — соста-

вилъ уголъ зданія, обращенный къ Адмиралтейству, на Неву.

Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ и всѣ Петровскіе дѣятели, былъ любитель тостовъ, проявляя при угощеніи особенную любезность, располагавшую угощаемыхъ подчиниться его настойчиво-предупредительнымъ требованіямъ. Сохранивъ до глубокой старости теплоту души и привлекательность, которою отличалось все ихъ семейство,—Апраксинъ стоялъ горою за преимущества дворянскія. Анекдотъ приписываетъ ему даже и шутливую выходку противъ строгой мѣры Петра I, примѣненной безпощадно къ дворянскимъ недорослямъ. Разсказъ анекдотическій не подтверждается подлиннымъ фактомъ, но рисуетъ хорошо всѣмъ извѣстный образъ мыслей генералъ-адмирала, любимаго первымъ нашимъ императоромъ, какъ мы замѣтили выше, за личныя качества ума и сердца.

VIII.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

Другой фельдмаршалъ Петра I, отличавшійся не только личною храбростью, но рыцарскою честностью, при высокомъ благородствѣ души и добротѣ, былъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, покоритель Шлиссельбурга и Финляндіи.

Онъ былъ сынъ курскаго воеводы князя Михаила Андреевича Голицына. Родился 1 ноября 1675 г., и на 12-мъ году жизни, изъ комнатныхъ стольниковъ записался охотою въ семеновскіе потѣшные Петра I, неся службу солдата и барабанщика. Въ годъ второй поѣздки въ Архангельскъ (1694 г.) произведенный въ прапорщики, Голицынъ за храбрость произведенъ въ слѣдующій чинъ, при Азовѣ, а по взятіи его повышенъ въ капитанъ-поручики. Безъ Петра I участвовалъ въ пораженіи взбунтовавшихся стрѣльцовъ, потомъ сопровождалъ царя въ керченской морской поѣздкѣ. При начатіи шведской войны произведенъ въ капитаны гвардіи; подъ Нарвой отдѣлался только раною въ руку, заслуживъ чинъ маіора, а въ 1702 г., въ чинѣ под-

полковника, посланный на штурмъ Шлиссельбурга, не хотѣлъ отступить не взявъ крѣпости, и на царскій приказъ о томъ, отвѣчалъ: — «Я теперь въ Божьихъ рукахъ, не царевъ!» Геройская твердость привела къ выгодному результату—сдачѣ. Въ награду, Петръ его перваго произвелъ въ полковники Семеновскаго полка, давъ: медаль, 3,000 р. деньгами и 394 двора крестьянъ въ Козельскомъ уѣздѣ. Оцѣнка безпристрастнымъ государемъ подвига покорителя Шлиссельбурга побудила его къ новымъ отличіямъ, при Ніеншанцѣ и Нарвѣ. За взятіе Митавы произведенный въ бригадиры, въ слѣдующемъ году (1706 г.) князь Михаилъ Голицынъ произведенъ въ генералъ-маіоры, получилъ въ команду дивизію, и съ нею вступилъ въ Польшу, состоялъ въ командѣ Алларта. Какъ начальникъ дивизіи, самостоятельный, онъ нанесъ пораженіе шведамъ подъ Добрымъ. Въ бою при Лѣсномъ, самъ Петръ засвидѣтельствовалъ, какъ очевидецъ и соратникъ, что Голицынъ «сражался какъ левъ». Высказавъ это и расцѣловавъ оказавшаго подвигъ, Петръ произвелъ его въ генералъ-поручики и на вопросъ: проси отъ меня чего хочешь—услышалъ: «Прости, государь, Репнина!» А тотъ былъ личнымъ врагомъ его. Человѣкъ съ такими чувствами, въ памятный день общей геройской выслуги—въ полтавскій бой,—не могъ не быть виднымъ дѣятелемъ. Онъ ввелъ въ бой гвардію, и, опрокинувъ шведовъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ до Переволочны, гдѣ и вступилъ съ Левенгауптомъ въ переговоры о сдачѣ, до появленія еще князя Меньшикова. Въ слѣдующемъ году Голицынъ былъ при взятіи Выборга. Во время движенія главныхъ силъ къ турецкимъ границамъ (1711 г.), сперва защищалъ Украйну отъ татаръ и запорожцевъ, а на военномъ совѣтѣ при Прутѣ

заявилъ рѣшеніе: «скорѣе умереть, чѣмъ сдаться». Съ 1714 года въ теченіе семи лѣтъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ дѣйствовалъ въ Финляндіи, покоривъ ее Петру I. Началъ онъ здѣсь свои подвиги разбитіемъ графа Армфельда, близъ Вазы, у дер. Лаппола, съ равными силами; выдержалъ нападеніе врага и прогналъ его штыками, уничтоживъ изъ 8,000 — пять. Лѣтомъ участвовалъ въ бою при Гангутѣ, а въ 1720 г. одержалъ знаменитую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при остр. Гренгамнѣ; заманивъ шведовъ въ Ламеландскій заливъ. За этотъ «воинскій трудъ и добрую команду», какъ написалъ Петръ, получилъ онъ шпагу и трость съ бриллiантами. Во время персидскаго похода, Голицынъ былъ оставленъ въ Петербургѣ, а по возвращеніи сюда царя, получилъ въ команду войска въ Украйнѣ, гдѣ оставался до царствованія Петра II, произведенный Екатериною I въ фельмаршалы. При Екатеринѣ I Голицыну принадлежитъ честь учрежденія на свой счетъ въ Харьковѣ коллегіума—зародыша существующаго университета. Петръ II назначилъ его членомъ верховнаго тайнаго совѣта, гдѣ братъ вовлекъ героя въ рискованное предпріятіе. Покоритель Финляндіи былъ удаленъ за это и въ томъ же году умеръ (10 дек. 1730 г.), оставивъ по себѣ память честнѣйшаго человѣка. Оказываясь попечительнымъ отцомъ многочисленнаго потомства, онъ отличался не особенною любовью къ иностранцамъ, изъ патріотизма; но, никогда никого изъ нихъ не позволялъ себѣ обидѣть. Умѣренный въ привычкахъ, князь Михаилъ Михайловичъ пользовался, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, правомъ не пить по принужденію и, по словамъ Дюка де-Лирія, внушалъ своимъ соотечественникамъ не только уваженіе, но даже робость

(при предложеніи ему чего-либо несогласнаго съ честью). Высокій ростомъ, статный, съ пріятными чертами лица, долго сохранявшаго юность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воинственную сановитость, фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ, былъ въ полномъ смыслѣ словъ красавецъ. Особенной наклонности къ прекрасному полу онъ, однако, не выказывалъ, отличаясь семейными добродѣтелями. Женатъ былъ два раза: въ первомъ бракѣ—на Евдокіи Ивановнѣ Бутурлиной (р. 18 февр. 1674 г. и ум. 25 авг. 1713 г.) и во второмъ—на княжнѣ Татьянѣ Борисовнѣ Куракиной (р. 2 янв. 1696 г. и ум. 7 мая 1756 г.). Отъ первой супруги у него было 2 сына и 5 дочерей, а отъ второй—5 сыновей. Фельдмаршалъ, князь Александръ Михаиловичъ Голицинъ былъ второе дитя отъ втораго брака.

(при предложеніи ему чего-либо несогласнаго съ честью).
Вы
д

Русская Скоропечатня (П. С. Пахикова) Б. Сад. д. 27

IX.

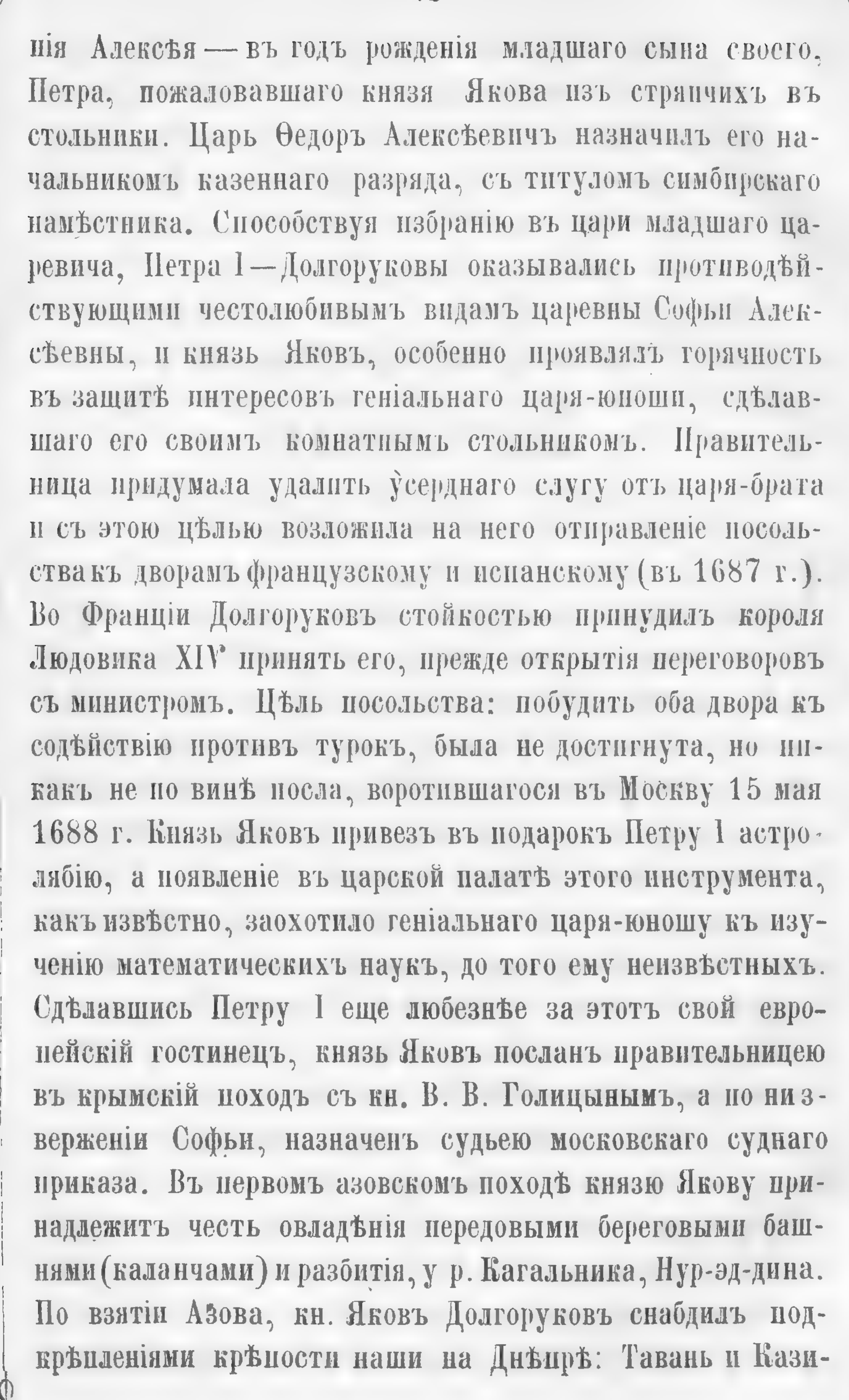
Князь Яковъ Өедоровичъ

Долгоруковъ,

ГЕНЕРАЛЪ-ПЛЕНИПОТЕНЦІАРЪ.

Странный для нашего уха титулъ, данный Петромъ I этому другу правды, былъ не простымъ словомъ, но на самомъ дѣлѣ предоставлялъ ему *полномочіе*: привлекать къ отвѣту, не смотря ни на какое лицо, похитителей казеннаго интереса. Князь Яковъ былъ достоинъ этого монаршаго довѣрія и самому Петру I отваживался рѣзко высказывать горькую правду.

Князь Яковъ Өедоровичъ Долгоруковъ, старшій сынъ окольничаго кн. Өедора Өедоровича, родился еще въ царствованіе Михаила Өеодоровича Романова, въ 1639 г. Такъ что, въ годъ рожденія Петра I—его совѣты цѣнившаго выше всѣхъ—имѣлъ уже 37 лѣтъ отъ роду; а когда узналъ его нашъ геніальный преобразователь—ему было уже за 50 лѣтъ. По времени, кн. Яковъ Өедоровичъ получилъ рѣдкое въ Россіи образованіе, изучивъ латинскій языкъ до возможности легко объясняться на немъ, также какъ математическія науки и богословіе. Служба его дѣлается извѣстною только съ послѣднихъ лѣтъ царствова-

нія Алексѣя — въ годъ рожденія младшаго сына своего, Петра, пожаловавшаго князя Якова изъ стряпчихъ въ стольники. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ назначилъ его начальникомъ казеннаго разряда, съ титуломъ симбирскаго намѣстника. Способствуя избранію въ цари младшаго царевича, Петра I — Долгоруковы оказывались противодѣйствующими честолюбивымъ видамъ царевны Софьи Алексѣевны, и князь Яковъ, особенно проявлялъ горячность въ защитѣ интересовъ геніальнаго царя-юноши, сдѣлавшаго его своимъ комнатнымъ стольникомъ. Правительница придумала удалить усерднаго слугу отъ царя-брата и съ этою цѣлью возложила на него отправленіе посольства къ дворамъ французскому и испанскому (въ 1687 г.). Во Франціи Долгоруковъ стойкостью принудилъ короля Людовика XIV принять его, прежде открытія переговоровъ съ министромъ. Цѣль посольства: побудить оба двора къ содѣйствію противъ турокъ, была не достигнута, но никакъ не по винѣ посла, воротившагося въ Москву 15 мая 1688 г. Князь Яковъ привезъ въ подарокъ Петру I астролябію, а появленіе въ царской палатѣ этого инструмента, какъ извѣстно, заохотило геніальнаго царя-юношу къ изученію математическихъ наукъ, до того ему неизвѣстныхъ. Сдѣлавшись Петру I еще любезнѣе за этотъ свой европейскій гостинецъ, князь Яковъ посланъ правительницею въ крымскій походъ съ кн. В. В. Голицынымъ, а по низверженіи Софьи, назначенъ судьею московскаго суднаго приказа. Въ первомъ азовскомъ походѣ князю Якову принадлежитъ честь овладѣнія передовыми береговыми башнями (каланчами) и разбитія, у р. Кагальника, Нур-эд-дина. По взятіи Азова, кн. Яковъ Долгоруковъ снабдилъ подкрѣпленіями крѣпости наши на Днѣпрѣ: Тавань и Кази-

Кирменъ (1697 г.); разбилъ сераскира подъ Очаковомъ, и, прогнавъ его, осадилъ Перекопъ;—подъ этимъ городомъ разсѣявъ крымцевъ, предводимыхъ сыномъ хана Казы-Гиреемъ (1698 г.). Эти подвиги Петръ наградилъ возведеніемъ князя Якова въ бояре. Передъ шведскою войною, образовавъ изъ приказовъ рейтарскаго и иноземческаго, приказъ военныхъ дѣлъ, Петръ ввѣрилъ его въ управленіе князя Я. Ѳ. Долгорукова, съ званіемъ генералъ-кригс-коммисара, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Въ памятный день нарвскаго пораженія, Долгоруковъ съ гвардейскими полками остановилъ шведовъ, и Карлъ XII, боясь горсти храбрыхъ, обнадежилъ его въ свободной переправѣ войскъ нашихъ за Нарву, но коварно нарушилъ свое обѣщаніе. Пропустивъ только съ распущенными знаменами лучшіе полки, на остальныхъ напали шведы въ превосходныхъ силахъ: обезоружили и объявили военно-плѣнными. Генералы предварительно были удержаны, подъ предлогомъ переговоровъ. и въ числѣ ихъ князь Яковъ Долгоруковъ. Его увезли въ Стокгольмъ и держали десять слишкомъ лѣтъ въ заключеніи. Въ этомъ положеніи, узникъ, на 7-мъ десяткѣ лѣтъ, изучилъ правовѣденіе и вообще шведскіе порядки, не ожидая, при коварствѣ непріятелей, освобожденія. Изъ Якобстадта, гдѣ содержался онъ, по случаю недостатка въ хлѣбѣ, повезли русскихъ плѣнныхъ моремъ, въ Умео: на пути князь Яковъ подговорилъ соотечественниковъ овладѣть судномъ. Неожиданное нападеніе имѣло успѣхъ, шведы загнаны подъ палубу и шкуна направлена къ Ревелю. Попавъ на островъ Даго, уже намъ принадлежавшій, Долгоруковъ отпустилъ оттуда шведовъ и 19 іюня прибылъ въ Ревель, а, въ день полтавской годовщины—въ Петербургъ. Воротясь, въ концѣ этого года, въ свою

столицу, Петръ назначилъ, чудесно спасшагося, слугу своего сенаторомъ, ввѣривъ ему управленіе ревизіонъ-коллегіею, съ титуломъ *пленипотенціара*.

Пересказы современниковъ сохранили за это время, въ формѣ анекдотовъ, черты дѣяній Долгорукова, соединявшаго горячность патріота съ зрѣлостью сужденій государственнаго мужа и эконома. Онъ былъ безстрашенъ высказывая царю, — величавшему его *дядей*,— свои правдивыя представленія, клонившіяся къ ослабленію народной тягости въ тяжкое время истощенія средствъ государства продолжительною войною. Лѣтомъ 1715 г. оказался недостатокъ въ хлѣбѣ въ Петербургѣ, и сенаторы рѣшили съ плеча: возложить на Новгородскую губернію, какъ ближайшую, поставку по четверику муки съ ревизской души. Князя Якова не было въ засѣданіи, на которомъ предложена такая невыносимая тяжесть для мѣстности, въ конецъ раззоренной всякаго рода поборами. На утро, Долгорукову подаютъ къ подписи состоявшееся опредѣленіе, уже утвержденное государемъ, не вникнувшимъ въ дѣло. Пленипотенціаръ прочиталъ и изорвалъ указъ, возлагавшій на народъ такую тяжесть, а самъ ушелъ изъ сената къ обѣдни. Безъ него царю, съ преувеличеніемъ, пересказали дерзкій поступокъ разумнаго слуги. Петръ запылалъ гнѣвомъ и послалъ искать Долгорукова. Нашли его въ церкви и передали приказъ о немедленной явкѣ. Князь Яковъ явился послѣ обѣдни, не послушавъ трехъ призывовъ. Петръ схватилъ его, при появленіи, за воротникъ, бросясь со своимъ кортикомъ и крича: «Ты долженъ умереть, какъ противникъ моимъ повелѣніямъ!»—Рази, холодно отозвался Долгоруковъ, ты будешь Александръ, я — Клитъ! Петръ отпрянулъ и потребовалъ объясненій. За доказа-

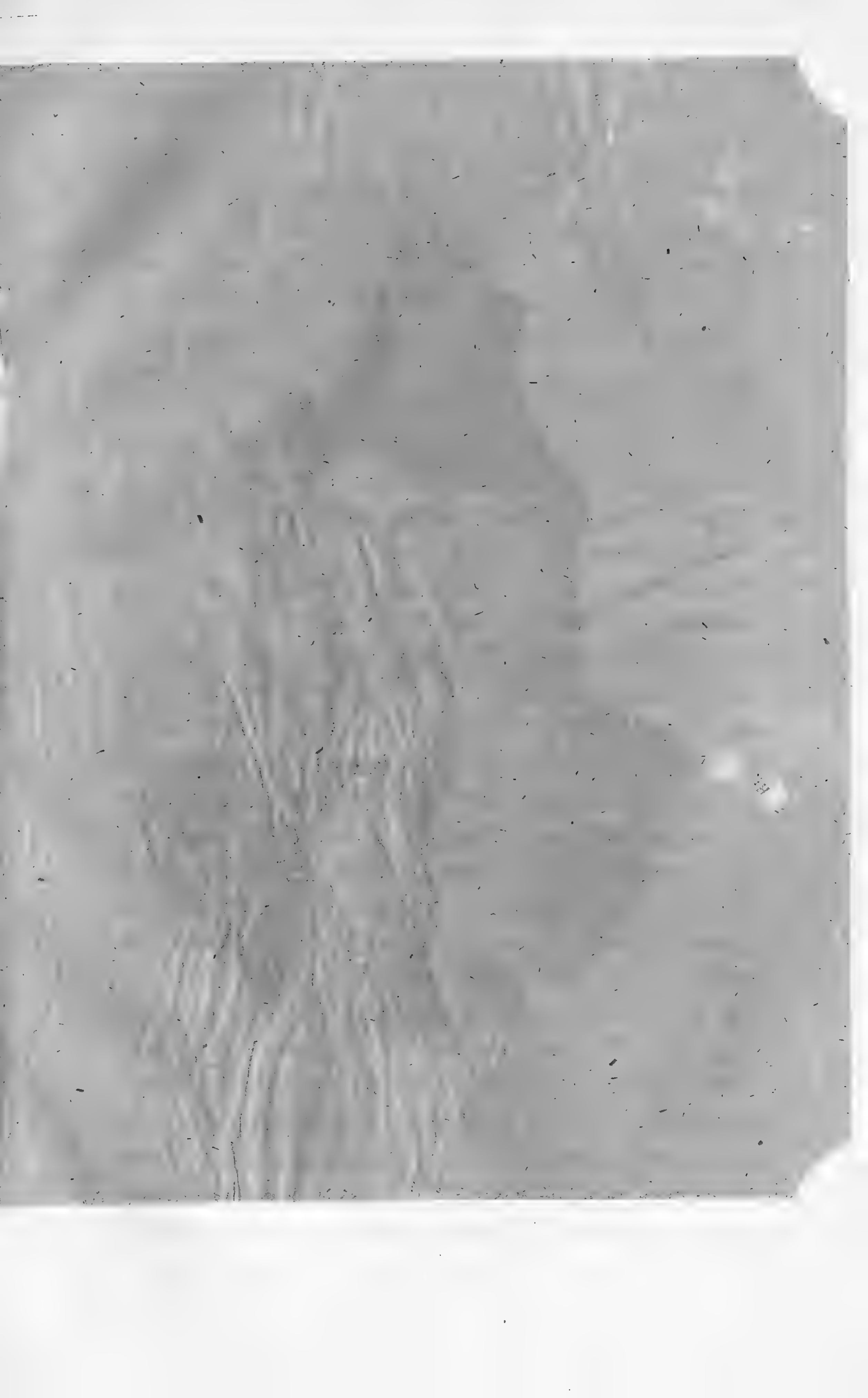

тельствами несправедливости у Долгорукова не было недостатка; а, по мѣрѣ высказыванія имъ доводовъ своихъ на счетъ опрометчивости рѣшенія, царь больше и больше смягчался Когда же кончилъ онъ, царь поблагодарилъ за разумное дерзновеніе. во имя пользы государственной, и разорванный указъ повелѣлъ хранить въ общемъ присутствіи сената, на память вѣкамъ. Князь Яковъ присовѣтовалъ обойтись безъ налога поставки изъ Новагорода провіанта, взявъ излишекъ запасовъ у господъ сенаторовъ и прочихъ сановниковъ, разсчитавъ, что собранное этимъ путемъ покроетъ недочетъ и предотвратитъ голодъ въ столицѣ. Второй случай, — безъ опасности уже для жизни Долгорукова, положившаго указъ о наборѣ рекрутъ подъ сукно, — послѣдовалъ вскорѣ и разрѣшился тоже отмѣною положеннаго. Князь Яковъ присовѣтовалъ публиковать объ оставленіи безъ наказанія бѣглыхъ солдатъ, если сами явятся они на службу: и поступленіе не одной тысячи людей обученныхъ, опять оправдало совѣтъ патріота, во время предложенный. Долгоруковъ же присовѣтовалъ, въ 1719 году, замѣнить и поставку людей натурою для петербургскихъ работъ — денежными взносами, на которые легче можно было имѣть наемныя артели, по подряду, безъ излишняго отягощенія земства срочными высылками рабочихъ, — когда на мѣстѣ они нужнѣе въ лѣтнее время. Возсталъ князь Яковъ и отклонилъ, почти принятую Петромъ I, отдачу въ аренду сбора внутреннихъ пошлинъ голландцамъ, вызывавшимся, — при недостаткѣ денежныхъ средствъ для докончанія шведской войны, — внесть въ одинъ срокъ условленную плату. Выставленіе на видъ царя вреда отъ монополіи, побороло на этотъ разъ благовидное, казалось, и выгодное предложеніе иностранцевъ. Больше

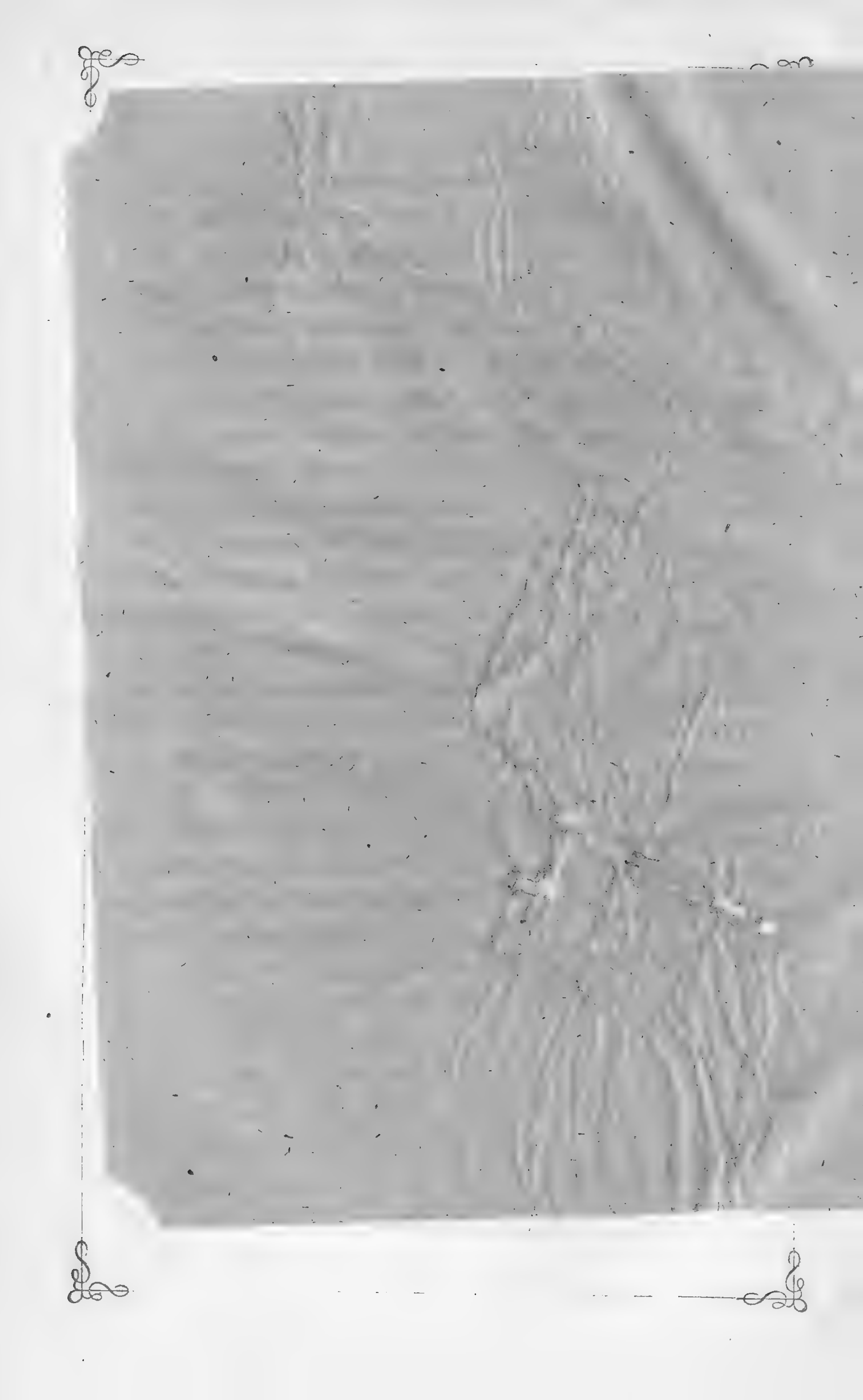

всѣхъ солона была правда князя Якова Ѳедоровича князю Меньшикову, не одинъ разъ возбуждавшему наговорами и преувеличеніями его дѣйствій гнѣвъ государевъ на неподкупнаго слугу. Покривилъ только совѣстью князь Яковъ, завѣдомо неправо рѣшая дѣло Блеклаго съ Зотовымъ княземъ-папою. Д-въ чистосердечно признался государю, что подписалъ рѣшеніе съ большинствомъ, боясь быть опоеннымъ, на святкахъ,—какъ сдѣлалъ князь-папа съ братомъ его Лукою, дѣйствительно умершимъ вслѣдствіе угощенія. Петръ, выслушавъ признаніе, положилъ двойной штрафъ на Долгорукова, въ сравненіи съ другими подписавшими неправое опредѣленіе. Послѣдняя служба Петру и Россіи восьмидесятилѣтняго князя Якова Ѳедоровича—была депутація сената съ нимъ во главѣ, чтобы извлечь государя изъ мрачнаго отчаянія, по случаю потери его младшаго сына и наслѣдника, Петра Петровича (25 апр. 1719 г.). Черезъ годъ послѣ этого (20 іюн. 1720 г.) другъ правды, Долгоруковъ, скончался. Наружность князя Якова Ѳедоровича была сановитая: ростъ высокій, глаза огненные, черты крупныя съ выраженіемъ ума и, рѣчь сильная, полная убѣжденій. Отъ двухъ супругъ, онъ оставилъ одну дочь, пережившую его (другая, дѣвица, умерла раньше).

Яковъ Брꙋсъ

X.

Графъ Яковъ Вилимовичъ
Брюсъ,

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРЪ ПЕТРА I

Эта чудная личность талантливаго любознательнаго человѣка поставлена современниками такъ таинственно, что давала и даетъ обильный матеріалъ не одному историку, но и романисту, воображеніе котораго не можетъ не плѣнять «Колдунъ на Сухаревой башнѣ» — престарѣлый фельдмаршалъ, тамъ поселившійся въ уединеніи въ послѣдніе годы жизни.

Потомки Шотландскихъ королей, оба брата Брюсы, генералы русской службы, родились въ Москвѣ. Отецъ ихъ былъ полковникъ Вилимъ, умершій скоро послѣ рожденія сыновей, изъ которыхъ старшій Робертъ (по русски Романъ), увидѣлъ свѣтъ въ 1667 г., а младшій Джемсъ (Яковъ), въ 1670 году. Сестра ихъ была за полковникомъ ф. Трейденомъ и умерла въ 1694 году, нестарою.

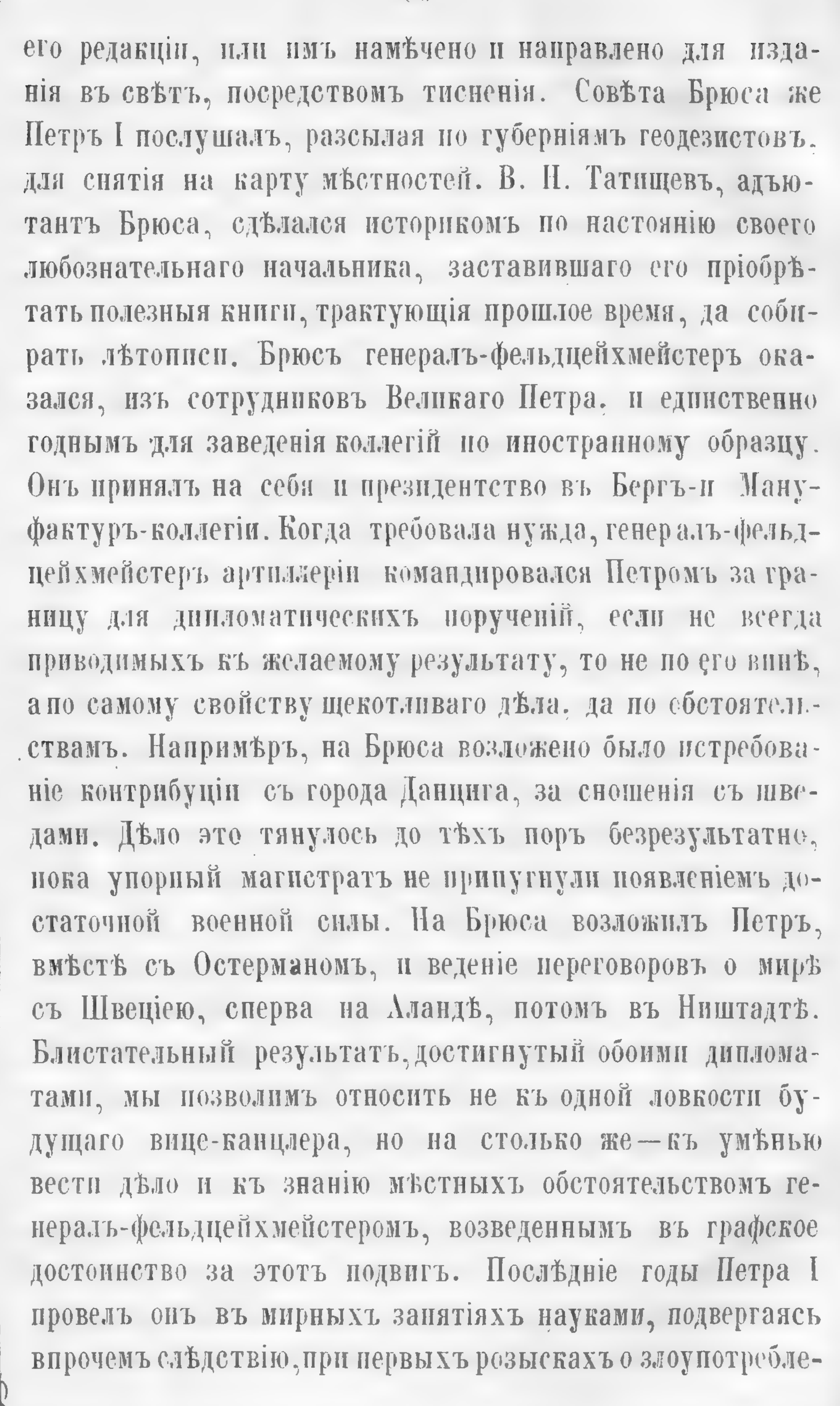
Яковъ Вилимовичъ Брюсъ рано попалъ въ общество Петра I и замѣченъ имъ на потѣшной службѣ, отличаясь при Азовѣ. Однако, возвышеніе его шло не быстро до Полтав-

скаго боя. Брюсъ только въ 1711 г. сдѣланъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, хотя съ начала уже Великой Сѣверной войны на немъ лежало завѣдываніе артиллерійскими припасами. Брюсъ испыталъ на себѣ гнѣвъ государя, въ первый годъ шведской войны, вмѣстѣ съ Виніусомъ. Слѣдующіе за нарвскимъ пораженіемъ годы малоизвѣстны въ дѣятельности Брюса, но отличіе его выказалось особенно при непосредственной борьбѣ Петра I съ Карломъ XII въ Малороссіи. Брюсъ успѣвалъ во время устраивать переправы черезъ рѣки намъ, ежеминутно боясь за судьбу полевой артиллеріи, для передвиженія которой постоянно оказывался недостатокъ въ лошадяхъ. Орудія того времени были очень тяжелы, а прикрытіе имъ давали малое. Начальники отдѣльныхъ частей, не желая затруднять себя на переходахъ возкою пушекъ, при всякомъ удобномъ случаѣ оставляли ихъ на произволъ судьбы; вообще не оцѣняя какъ должно значенія артиллерійскихъ парковъ. Особенно, когда и отвѣтственность за ихъ цѣлость лежала на приказѣ артиллеріи, а не на войскахъ, пользовавшихся услугами этой части, самостоятельно поставленной, при недостаточномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній ея и арміи. Начальникъ артиллеріи Брюсъ, поэтому, тоже находился въ положеніи, далеко невыясненномъ, состоя при государѣ, а въ отсутствіе его принужденный бывать въ разныхъ мѣстахъ и дѣйствовать скорѣе наудачу. Роль Брюса-артиллериста въ полтавскомъ бою, однако, на столько опредѣлилась, что потомство не затрудняется признать его однимъ изъ самыхъ видныхъ героевъ дня. Онъ, огнемъ своихъ 72 полевыхъ орудій, сначала поражалъ перекрестнымъ огнемъ шведовъ, съ редутовъ, а потомъ, выстроившись впереди ихъ, въ первой линіи арміи, громилъ съ нею, почти въ упоръ, фронтъ не-

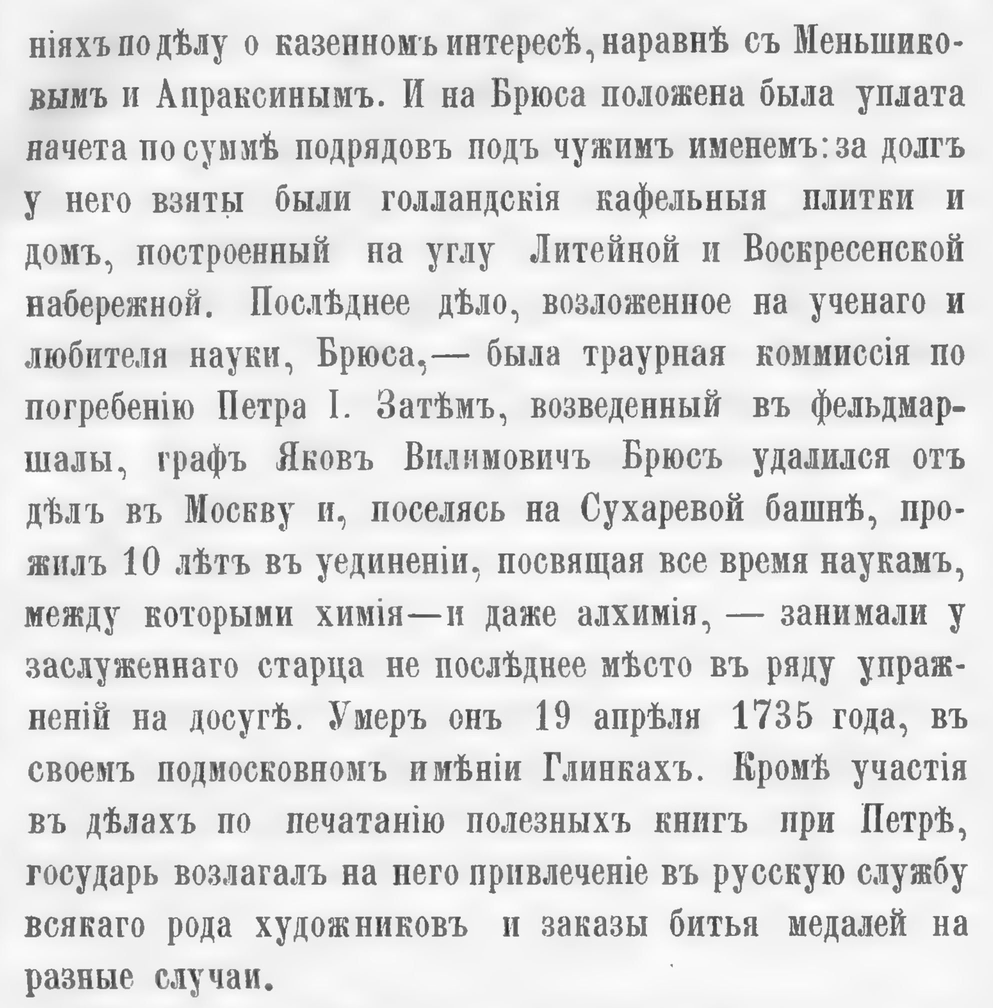

пріятеля и однимъ изъ выстрѣловъ обратилъ въ щепы посилки Карла XII. Отличіе артиллериста въ лицѣ Брюса оцѣнилъ Петръ безпристрастно, наградивъ его полтавскіе подвиги орденомъ Андрея Первозваннаго. Это отличіе разумѣется вліяло и на назначеніе его генералъ-фельдцейхмейстеромъ, хотя во время состоянія въ этомъ санѣ, больше чѣмъ когда либо государь занималъ, на все пригоднаго и неутомимаго Брюса, другаго рода порученіями. Исполняя въ одно время и обязанности по прямой службѣ своей въ артиллеріи, Яковъ Вилимовичъ Брюсъ успѣвалъ и угодить государю переводами книгъ, когда на немъ лежала редакція ихъ, да онъ же заботился и о нахожденіи переводчиковъ. Трудно сказать даже, къ чему больше пристрастія имѣлъ этотъ рѣдкій человѣкъ, подлинный другъ и любитель науки:— къ *мирной ли* карьерѣ ученаго, къ тонкимъ ли задачамъ дипломата, или къ военному дѣлу по той спеціальности, которою онъ завѣдывалъ и велъ, во всякомъ случаѣ, исправно,—если неугодно назвать его администрацію чѣмъ нибудь повыше. Можно думать, что любовь къ математическимъ наукамъ была въ Брюсѣ преобладающею, но занимали его неменьше всякаго рода техническія открытія, также какъ и собираніе всякаго рода рѣдкостей. Артиллерія при немъ приведена впрочемъ въ состояніе способствовать одержанію побѣдъ въ большихъ бояхъ и доводить сильныя крѣпости до сдачи. Образованіе артиллеристовъ также ему обязано своими заботами во дни Петра I. Еще точнѣе выразимся: Брюсъ въ эпоху преобразованій былъ самымъ горячимъ поборникомъ распространенія знаній въ массѣ народа вообще. Большинство учебниковъ по точнымъ наукамъ, или вышло изъ подъ

его редакціи, или имъ намѣчено и направлено для изданія въ свѣтъ, посредствомъ тисненія. Совѣта Брюса же Петръ I послушалъ, разсылая по губерніямъ геодезистовъ. для снятія на карту мѣстностей. В. Н. Татищевъ, адъютантъ Брюса, сдѣлался историкомъ по настоянію своего любознательнаго начальника, заставившаго его пріобрѣтать полезныя книги, трактующія прошлое время, да собирать лѣтописи. Брюсъ генералъ-фельдцейхмейстеръ оказался, изъ сотрудниковъ Великаго Петра, и единственно годнымъ для заведенія коллегій по иностранному образцу. Онъ принялъ на себя и президентство въ Бергъ-и Мануфактуръ-коллегіи. Когда требовала нужда, генералъ-фельдцейхмейстеръ артиллеріи командировался Петромъ за границу для дипломатическихъ порученій, если не всегда приводимыхъ къ желаемому результату, то не по его винѣ, а по самому свойству щекотливаго дѣла, да по обстоятельствамъ. Напримѣръ, на Брюса возложено было истребованіе контрибуціи съ города Данцига, за сношенія съ шведами. Дѣло это тянулось до тѣхъ поръ безрезультатно, пока упорный магистратъ не припугнули появленіемъ достаточной военной силы. На Брюса возложилъ Петръ, вмѣстѣ съ Остерманомъ, и веденіе переговоровъ о мирѣ съ Швеціею, сперва на Аландѣ, потомъ въ Ништадтѣ. Блистательный результатъ, достигнутый обоими дипломатами, мы позволимъ относить не къ одной ловкости будущаго вице-канцлера, но на столько же—къ умѣнью вести дѣло и къ знанію мѣстныхъ обстоятельствомъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, возведеннымъ въ графское достоинство за этотъ подвигъ. Послѣдніе годы Петра I провелъ онъ въ мирныхъ занятіяхъ науками, подвергаясь впрочемъ слѣдствію, при первыхъ розыскахъ о злоупотребле-

ніяхъ по дѣлу о казенномъ интересѣ, наравнѣ съ Меньшиковымъ и Апраксинымъ. И на Брюса положена была уплата начета по суммѣ подрядовъ подъ чужимъ именемъ: за долгъ у него взяты были голландскія кафельныя плитки и домъ, построенный на углу Литейной и Воскресенской набережной. Послѣднее дѣло, возложенное на ученаго и любителя науки, Брюса,— была траурная коммиссія по погребенію Петра I. Затѣмъ, возведенный въ фельдмаршалы, графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ удалился отъ дѣлъ въ Москву и, поселясь на Сухаревой башнѣ, прожилъ 10 лѣтъ въ уединеніи, посвящая все время наукамъ, между которыми химія—и даже алхимія, — занимали у заслуженнаго старца не послѣднее мѣсто въ ряду упражненій на досугѣ. Умеръ онъ 19 апрѣля 1735 года, въ своемъ подмосковномъ имѣніи Глинкахъ. Кромѣ участія въ дѣлахъ по печатанію полезныхъ книгъ при Петрѣ, государь возлагалъ на него привлеченіе въ русскую службу всякаго рода художниковъ и заказы битья медалей на разные случаи.

Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ былъ женатъ, но не оставилъ мужскаго потомства (едвали и дочери его не помирали еще въ дѣтствѣ; по крайней мѣрѣ, мы не встрѣчали указаній о выдачѣ въ замужество, за кого-либо, дочерей его). Унаслѣдовали графское достоинство, заслуженное Яковомъ Вилимовичемъ, дѣти его старшаго брата Романа (Роберта), перваго петербургскаго оберъ-коменданта.

Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ еще въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду сохранялъ замѣчательную привлекательность и любилъ одѣваться щеголевато, даже изысканно. Онъ прибѣгалъ даже къ употребленію косметическихъ

средствъ для поддержанія благообразія—являясь въ этомъ отношеніи передовымъ человѣкомъ между петровскими дѣятелями. Тонкій умъ дипломата выказывалъ Брюсъ вообще въ веденіи дѣлъ своихъ, ладя одновременно съ заклятыми врагами. Впрочемъ, это лаженье не шло у графа Брюса дальше угодливости безъ ущерба служебному интересу. Зрѣло взвѣсивъ опасности борьбы сильныхъ партій, обнаружившейся со смертью Петра I, уклончивый генералъ-фельдцейхмейстеръ и удалился благовременно отъ дѣлъ, съ титуломъ фельдмаршала.

средствъ для [illegible]

XI.

Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ,

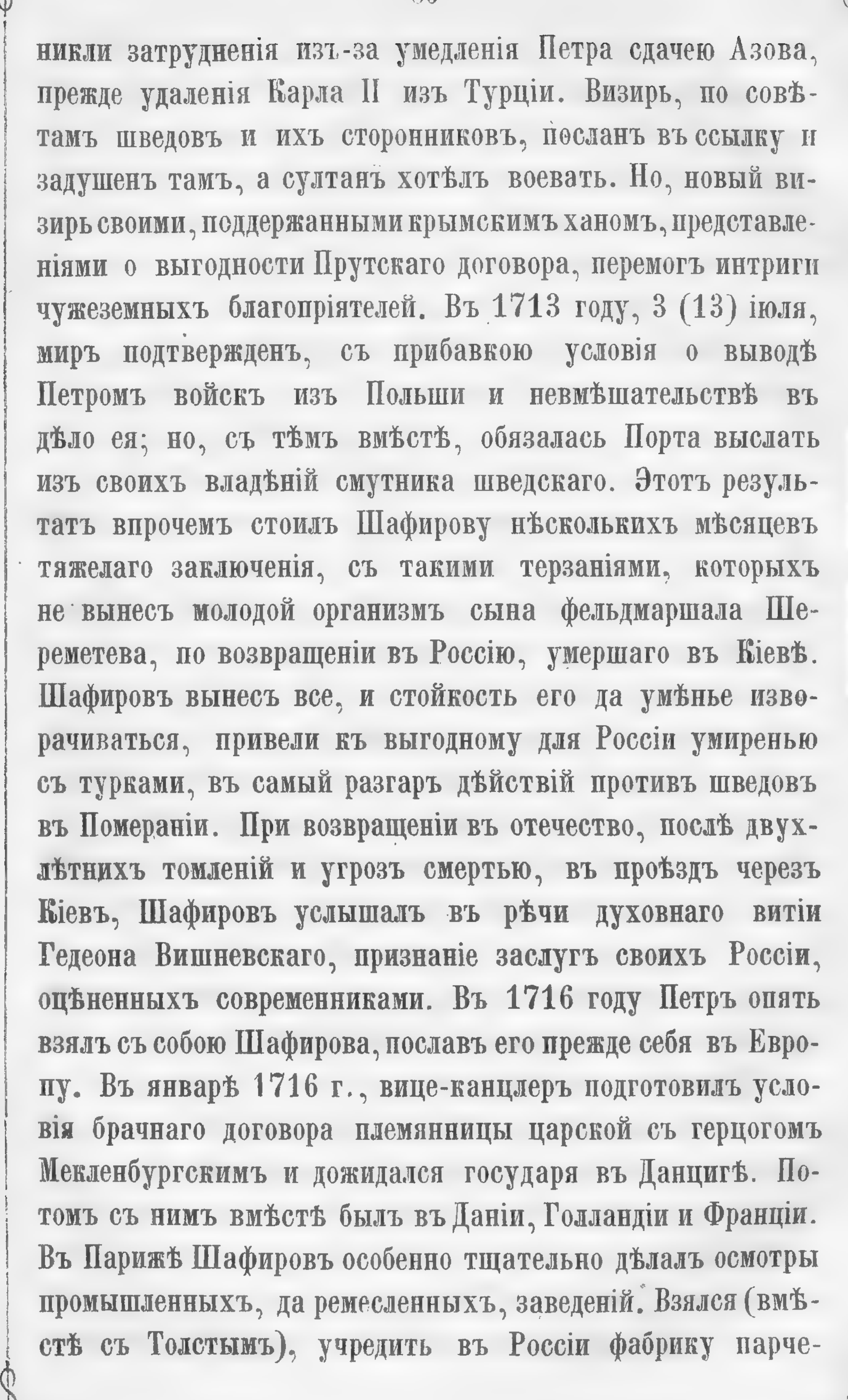
вице-канцлеръ Петра I.

Еврей Шафиръ переселился при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москву и поступилъ на службу въ посольскій приказъ, въ переводчики. Въ Москвѣ онъ принялъ православіе съ именемъ Павла (1654 г.); женился и прижилъ дѣтей,—при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ записанный въ дворяне по Московскому списку. Старшій внукъ этого жидка, на другой годъ правленія Петра I, принятъ на службу тоже въ посольскій приказъ, въ переводчики, (1691) и скоро замѣченъ по своимъ способностямъ, непосредственнымъ начальникомъ своимъ, думнымъ дьякомъ Емельян. Игн. Украинцевымъ. Этотъ замѣченный молодой служака сдѣлался скоро воротилою въ ближайшемъ кружкѣ сотрудниковъ Петра I. Онъ былъ Петръ Павловичъ Шафировъ, про котораго разсказывался постоянно, выдаваясь за истину, анекдотъ о купеческомъ сидѣльцѣ, въ лавкѣ Евреинова, замѣченномъ будто-бы Петромъ ради ловкости удовлетворенія покупателей, къ нему больше всѣхъ обращавшихся. Подлинная исторія, неопровержимыми

фактами доказываетъ несостоятельность этой выдумки, немогущей, конечно, согласить существующую разницу между заохочиваньемъ покупателей и занятьемъ переводами съ языковъ нѣмецкаго, французскаго, шведскаго, польскаго и латинскаго, въ старой Москвѣ. Тамъ, въ торговлѣ, за прилавкомъ, изучить ихъ было не отъ кого и надобности не представлялось. Между тѣмъ знаніе этихъ языковъ, при выборѣ нужныхъ людей послами въ великое путешествіе въ Европу, и было причиною назначенія Украинцевымъ, на эту послугу, Шафирова. Къ концу путешествія по Европѣ, Петръ, уѣзжая изъ Вѣны, *прежде* своей свиты, въ Польшу,—чтобы заключить договоръ о союзѣ съ Августомъ II,—кромѣ Лефорта и Головина, взялъ съ собою Шафирова. Тотъ управилъ все что требовалось, при переговорахъ, безукоризненно: сдѣлавшись правою рукою графа Ѳ. А. Головина и тайнымъ секретаремъ царя Петра I. Перу Шафирова, безспорно принадлежитъ манифестъ о войнѣ со Швеціею, распубликованный въ Москвѣ 19 августа 1700 года. Съ этого времени всѣ важнѣйшіе акты царствованія Петра I, въ теченіе Сѣверной войны, писаны этимъ же дѣльцомъ, уже въ 1703 году возведеннымъ въ тайные секретари. Составивъ 2-й договоръ съ Августомъ, при свиданіи въ Биржи, Шафировъ, по сдачѣ Нарвы, посылался царемъ въ Иванъ-Городъ къ коменданту: съ предложеніемъ сдаться. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ 1706 г., Петръ I поручилъ Шафирову искусно повести переговоры съ англійскимъ посломъ, объяснивъ вторженіе шведовъ въ Саксонію вліяніемъ французской политики, съ которою соперничала англійская. Искусно затронувъ этимъ напоминаніемъ больное мѣсто для англійскихъ дипломатовъ, Петръ

думалъ побудить Англію къ союзу съ собою. Болѣзнь Головина заставила вызвать изъ Москвы въ Кіевъ, Шафирова. А смерть канцлера въ Глуховѣ, сдѣлала молодаго дипломата первымъ лицомъ по части внѣшнихъ сношеній; хотя обязанности главноуправляющаго посольскою канцеляріею и возложены на Головкина. Шафировъ въ Варшавѣ составилъ договоръ съ седмиградскими послами Ракочи (1707). Послѣ Полтавскаго пораженія, Карлъ XII послалъ зятя, плѣненнаго своего канцлера, Пипера, въ русскій станъ съ неопредѣленнымъ предложеніемъ мира; но Шафировъ, которому поручено было присутствовать при разговорѣ Пипера съ Мейерфельдомъ, далъ понять, что условія для мира теперь пришла очередь назначить Петру I. Такъ и не удалась хитрость Карла, думавшаго въ крайности выиграть время. Эта услуга награждена званіемъ вице-канцлера. Когда же удалось шведскому гостю возбудить угощателей своихъ, турокъ, къ войнѣ съ Петромъ I, Шафировъ спасъ для Россіи жизнь Петра, обойдя визиря заманчивостью предложеній и пугая въ тоже время возможностью все потерять (когда дѣло дойдетъ до оружія между турками и, приведенною въ отчаяніе, храброю арміею русскихъ, готовыхъ биться на смерть). Возможность потери при рискованной ставкѣ склонила визиря на миръ, и Шафировъ, быстро составивъ условія, въ одинъ день привелъ къ концу дѣло. Такъ что, когда изъ Бендеръ прискакалъ въ турецкій лагерь яростный король шведскій,—онъ нашелъ уже русскихъ помирившихся съ турками и удалявшихся въ порядкѣ отъ мѣста, недавно сулившаго многимъ вѣрную могилу, если не плѣнъ. Шафировъ съ визиремъ отправился въ Адріанополь для размѣна ратификацій, но воз-

никли затрудненія изъ-за умедленія Петра сдачею Азова, прежде удаленія Карла II изъ Турціи. Визирь, по совѣтамъ шведовъ и ихъ сторонниковъ, посланъ въ ссылку и задушенъ тамъ, а султанъ хотѣлъ воевать. Но, новый визирь своими, поддержанными крымскимъ ханомъ, представленіями о выгодности Прутскаго договора, перемогъ интриги чужеземныхъ благопріятелей. Въ 1713 году, 3 (13) іюля, миръ подтвержденъ, съ прибавкою условія о выводѣ Петромъ войскъ изъ Польши и невмѣшательствѣ въ дѣло ея; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, обязалась Порта выслать изъ своихъ владѣній смутника шведскаго. Этотъ результатъ впрочемъ стоилъ Шафирову нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжелаго заключенія, съ такими терзаніями, которыхъ не вынесъ молодой организмъ сына фельдмаршала Шереметева, по возвращеніи въ Россію, умершаго въ Кіевѣ. Шафировъ вынесъ все, и стойкость его да умѣнье изворачиваться, привели къ выгодному для Россіи умиренью съ турками, въ самый разгаръ дѣйствій противъ шведовъ въ Помераніи. При возвращеніи въ отечество, послѣ двухлѣтнихъ томленій и угрозъ смертью, въ проѣздъ через Кіевъ, Шафировъ услышалъ въ рѣчи духовнаго витіи Гедеона Вишневскаго, признаніе заслугъ своихъ Россіи, оцѣненныхъ современниками. Въ 1716 году Петръ опять взялъ съ собою Шафирова, пославъ его прежде себя въ Европу. Въ январѣ 1716 г., вице-канцлеръ подготовилъ условія брачнаго договора племянницы царской съ герцогомъ Мекленбургскимъ и дожидался государя въ Данцигѣ. Потомъ съ нимъ вмѣстѣ былъ въ Даніи, Голландіи и Франціи. Въ Парижѣ Шафировъ особенно тщательно дѣлалъ осмотры промышленныхъ, да ремесленныхъ, заведеній. Взялся (вмѣстѣ съ Толстымъ), учредить въ Россіи фабрику парче-

вую и шелковыхъ матерій, договоривъ мастеровъ французовъ для работъ на нихъ и обученія русскихъ. Живя еще въ Берлинѣ, Шафировъ вошелъ въ сношенія съ предпріимчивымъ голштинцемъ, министромъ Карла XII, барономъ Герцемъ, а во Франціи заключенъ секретный договоръ объ одиночномъ примиреніи короля съ Петромъ, удерживавшимъ все завоеванное отъ Швеціи. Въ послѣдствіи нѣсколько измѣнились первоначальныя предположенія, но сношенія эти повели къ открытію конгресса на Аландѣ. По возвращеніи Петра I, Шафировъ оставленъ былъ въ Берлинѣ, чтобы довести до конца дѣло о разводѣ мекленбургскаго герцога Карла-Леопольда съ первою его супругою; хотя раньше выполненія формальностей, состоялся бракъ его съ царевною Екатериною Ивановной. По возвращеніи въ Россію, Шафировъ возобновилъ шелковую мануфактуру свою, выпросивъ у Петра I запретъ ввоза въ Россію шелковыхъ иностранныхъ матерій. Дѣло о бракѣ герцога голштинскаго со старшею дочерью Петра I, тоже велъ искусно Шафировъ, произведенный при заключеніи Нейштадтскаго мира въ дѣйствительные тайные совѣтники. За этимъ возвышеніемъ послѣдовало, неожиданно, паденіе полезнаго дѣятеля. Въ бытность Петра въ Персидскомъ походѣ, въ засѣданіи сената, произошла ссора у Шафирова съ Меньшиковымъ (врагомъ его) и, — креатурою князя, — генералъ-прокуроромъ Скорняковымъ-Писаревымъ, предложившимъ довольно обидно, вице-канцлеру: оставить присутствіе, въ которомъ должно было докладываться дѣло его брата. Дошло до личностей въ жару упрековъ, и Шафировъ насказалъ много неподобавшаго засѣданію сената.

По возвращеніи царя, назначенъ былъ судъ, обвинив-

шій Шафирова въ оскорбленіи величества и приговорившій его къ смерти. Петръ замѣнилъ смерть ссылкою, съ конфискаціею имущества,—и до смерти своей не хотѣлъ простить вице-канцлера. Воротила его въ столицу и возвысила возвращеніемъ чиновъ уже Екатерина I (6 апрѣля 1725 г.). Вмѣсто вице-канцлерства, онъ назначенъ президентомъ комерцъ-коллегіи, съ чиномъ только ст. совѣтника. Въ этомъ санѣ далъ Шафировъ развитіе бѣломорскимъ рыбнымъ промысламъ, но образованіе для того торговой компаніи не состоялось. Подъ предлогомъ устройства китовой ловли въ Океанѣ, Меньшиковъ удалилъ Шафирова, еще въ 1726 году, въ Архангельскъ. Тамъ, въ почетной ссылкѣ, пробылъ бывшій вице-канцлеръ до воцаренія Анны. Эта государыня вновь вызвала его на дипломатическое поприще, назначивъ (23 авг. 1730 г.); уполномоченнымъ для заключенія мирнаго договора съ Персіею. Въ Рештѣ Шафировъ заключилъ (21 января 1731 г.) трактатъ по которому уступлены были завоеванія за Кавказомъ Персіи, за предоставленныя русскимъ купцамъ выгоды по торговлѣ съ Ираномъ. По возвращеніи въ Петербургъ (7 дек. 1732 г.), Шафировъ возведенъ вновь въ тайные совѣтники, а 25 марта 1733 г. сдѣланъ опять президентомъ комерцъ-коллегіи. Въ слѣдующемъ же году (28 января 1734 г.) возвращенъ ему старый чинъ дѣйств. тайн. совѣтника, и, онъ, вмѣстѣ съ преемникомъ своимъ по должности вице-канцлера, графомъ Остерманомъ, заключилъ торговый договоръ съ Англіею; а въ 1737 году, отправленъ первымъ министромъ на конгрессъ въ Немировъ, для договариванья съ Турками и Австрійцами. Конгрессъ этотъ разошелся безрезультатно, въ декабрѣ того же года, а въ 1739 г. 1 марта

умеръ Шафировъ, лѣтъ шестидесяти восьми (не менѣе), отъ роду. Вѣрно неизвѣстенъ годъ его рожденія.

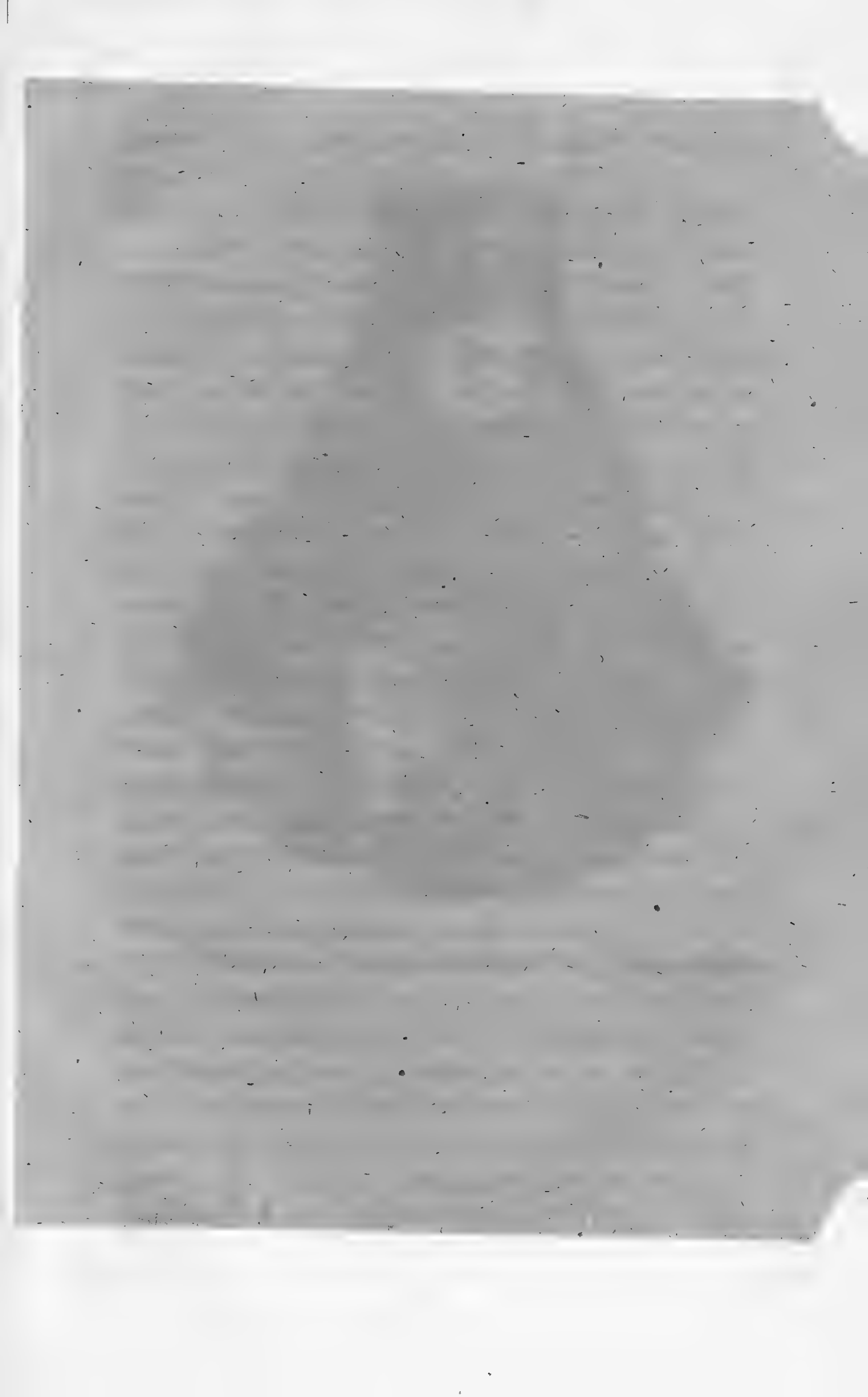
Онъ былъ небольшаго роста, чрезвычайной толщины подъ старость, но свѣжестью ума и тонкостью разсчета удивлялъ всѣхъ знавшихъ его, озадачивая неожиданностью остроумнаго вывода. Перу Шафирова принадлежитъ, кромѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ документовъ съ 1700 года, еще «исторія Шведской войны», напечатанная при Петрѣ. Иностранцы очень хвалили его дипломатическія способности, да любезность. Признаніе этихъ качествъ въ баронѣ П. П. Шафировѣ никѣмъ не только не оспаривалось, но даже не наводилось и сомнѣнія въ положительной пользѣ для Россіи всего имъ выполненнаго, какъ непосредственно, такъ и благодаря его благовременному указанію.

Родъ бароновъ Шафировыхъ прекратился въ 1820 году, со смертью вдовы послѣдняго изъ трехъ внуковъ вице-канцлера барона Павла Исаевича, женатаго на княжнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Кропоткиной. Дѣтей у нихъ не было. А оба брата Павла Исаевича были холостые. Пять сестеръ ихъ были всѣ замужнія, за гг-дами Петрово-Соловьево, Пассекомъ, Власовымъ, князьями Ромодановскимъ-Ладыженскимъ и Волконскимъ.

Для дополненія характеристики П. П. Шафирова, прибавимъ, что Петръ I, какъ извѣстно, любилъ юмористическія процессіи на празднествахъ. На свадьбѣ князя-папы Бутурлина, отличавшійся уже въ то время особенною толщиною, баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ игралъ роль скорохода, вмѣстѣ съ двумя другими толстяками И. Ѳ. Бутурлинымъ и И. С. Собакинымъ. Остроуміе вице-канцлера, которымъ приправлялъ онъ и дѣло-

выя фразы, было колко и мѣтко разило его недоброжелателей, между которыми первымъ былъ князь Меньшиковъ, для вида только помирившійся съ нимъ при Екатеринѣ I. О князѣ Ижерскомъ, бывшій вице-канцлеръ выражался, что «еслибы свойственная ему зависть превратилась въ горячку, то она обратилась бы въ повальную болѣзнь и сгубила бы всѣхъ приближенныхъ къ государю,—такъ велика она!» Трудно рельефнѣе и нагляднѣе представить страсть, погубившую генералиссимуса, всѣми ненавидимаго.

ВЫ

Смиренный Ѳеофанъ Архіеп̃пъ Новгородскій.

XII.

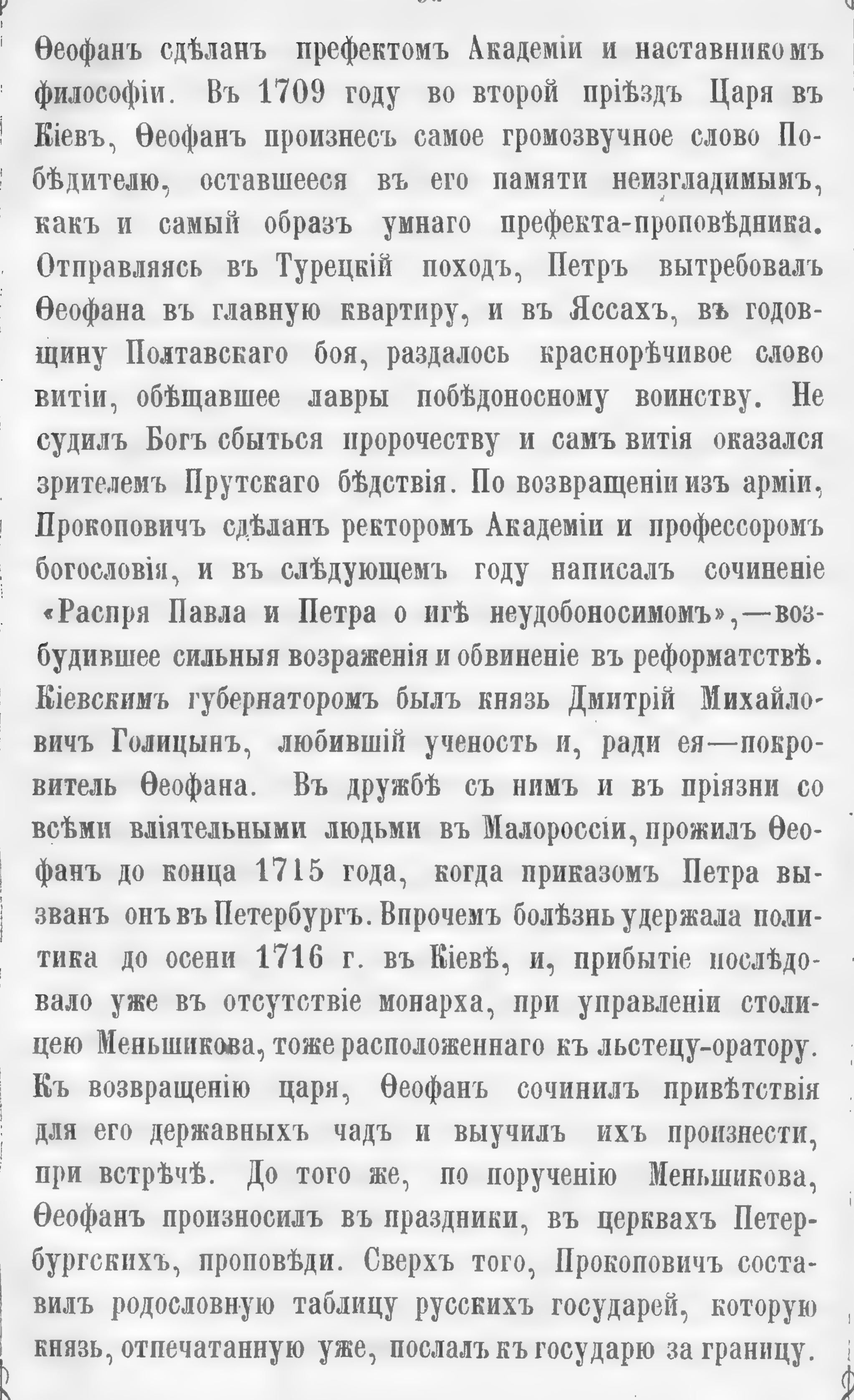
Ѳеофанъ Прокоповичъ,

архіепископъ новгородскій

Въ Кіевѣ, 8 іюля 1681 года родился, въ семьѣ купца Прокоповича, мальчикъ, нареченный при крещеніи Елеазаромъ. Вскорѣ послѣ рожденія дитя осиротѣло: сперва умеръ отецъ, за нимъ, въ нищетѣ, мать Воспитаніе сироты принялъ на себя ректоръ Кіевской Академіи, настоятель Кіево-братскаго монастыря, родной дядя ребенка — Ѳеофанъ Прокоповичъ. Но, дѣло воспитанія и этотъ попечитель могъ продолжать не долго, потому что самъ скончался въ 1692 году: осиротивъ уже окончательно 9-ти лѣтняго племянника-питомца. Къ счастію нашелся новый попечитель, простой горожанинъ, живя у котораго Елеазаръ посѣщалъ кіевскія школы, считаясь въ нихъ первымъ ученикомъ. Въ 17 лѣтъ, за прекрасный голосъ и искусство пѣнія вообще, выбрали Елеазара въ регенты пѣвческаго хора и узналъ его митрополитъ Варлаамъ (Ясинскій), оцѣнившій высокія способности юноши, жаждущаго знаній. Митрополитъ доставилъ ему случай довершить образованіе, пославъ въ Краковскую Академію

Прокоповича. Окончивъ тамъ курсъ, любознательный молодой ученый посланъ былъ въ Римъ и тамъ опредѣленъ въ коллегію св Афанасія, учрежденную для образованія на службу католической пропаганды уроженцевъ славянскихъ земель. Начальникомъ коллегіи былъ іезуитъ. Учили тутъ хорошо, и начальникъ коллегіи, очень полюбилъ кіевлянина, находя въ немъ наружное сходство съ папою Урбаномъ VIII и предсказывая возвышеніе въ папство, въ случаѣ вступленія въ орденъ іезуитовъ. Всѣ курсы этихъ отцовъ и «систему дѣлъ совѣсти» прошелъ Прокоповичъ блистательно, своему начальству давая надежду, что впослѣдствіи изъ него выйдетъ надежный дѣятель іезуитизма. Въ коллегіи этой проявилъ Прокоповичъ и даръ проповѣдничества; изучивъ классическихъ ораторовъ Греціи и Рима. Увидѣвъ же, что дальше узнать въ коллегіи нечего, Прокоповичъ внезапно скрылся. Пѣшкомъ странствуя, перешелъ Альпы и, въ 1702 году, очутился въ Польшѣ. На границѣ Галиціи и Польши, въ Почаевѣ, постриженъ онъ въ монашество, при воспріятіи иночества назвавшись Самуиломъ. Въ Кіевѣ онъ оказался только въ 1705 году, уже монахомъ, перемѣнивъ имя еще разъ и, въ память дяди благодѣтеля, назвавшись Ѳеофаномъ. На родинѣ ему дали кафедру поэзіи въ Кіево-Могилянской Академіи, а послѣдующій годъ, составивъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ, Ѳеофанъ взялъ классъ реторическій. Въ 1706 г. въ іюлѣ, какъ извѣстно, прибылъ Петръ I въ первый разъ въ Кіевъ, и Ѳеофанъ (5 іюля) произнесъ привѣтствіе монарху, полное истиннаго краснорѣчія, съ блестящими и легкими оборотами живой рѣчи, не могшими не удивить и не порадовать Петра своею неожиданностью. Въ слѣдующемъ году (1707 г.)

Θеофанъ сдѣланъ префектомъ Академіи и наставникомъ философіи. Въ 1709 году во второй пріѣздъ Царя въ Кіевъ, Θеофанъ произнесъ самое громозвучное слово Побѣдителю, оставшееся въ его памяти неизгладимымъ, какъ и самый образъ умнаго префекта-проповѣдника. Отправляясь въ Турецкій походъ, Петръ вытребовалъ Θеофана въ главную квартиру, и въ Яссахъ, въ годовщину Полтавскаго боя, раздалось краснорѣчивое слово витіи, обѣщавшее лавры побѣдоносному воинству. Не судилъ Богъ сбыться пророчеству и самъ витія оказался зрителемъ Прутскаго бѣдствія. По возвращеніи изъ арміи, Прокоповичъ сдѣланъ ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія, и въ слѣдующемъ году написалъ сочиненіе «Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ»,—возбудившее сильныя возраженія и обвиненіе въ реформатствѣ. Кіевскимъ губернаторомъ былъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, любившій ученость и, ради ея—покровитель Θеофана. Въ дружбѣ съ нимъ и въ пріязни со всѣми вліятельными людьми въ Малороссіи, прожилъ Θеофанъ до конца 1715 года, когда приказомъ Петра вызванъ онъ въ Петербургъ. Впрочемъ болѣзнь удержала политика до осени 1716 г. въ Кіевѣ, и, прибытіе послѣдовало уже въ отсутствіе монарха, при управленіи столицею Меньшикова, тоже расположеннаго къ льстецу-оратору. Къ возвращенію царя, Θеофанъ сочинилъ привѣтствія для его державныхъ чадъ и выучилъ ихъ произнести, при встрѣчѣ. До того же, по порученію Меньшикова, Θеофанъ произносилъ въ праздники, въ церквахъ Петербургскихъ, проповѣди. Сверхъ того, Прокоповичъ составилъ родословную таблицу русскихъ государей, которую князь, отпечатанную уже, послалъ къ государю за границу.

Съ возвращеніемъ монарха, Ѳеофанъ въ воскресенье 16-го октября 1717 г. произнесъ въ Троицкомъ соборѣ поздравительное слово прибывшему «отъ лица народа». Петръ хотѣлъ поставить знаменитаго оратора въ епископы, но митрополитъ — мѣстоблюститель —Стефанъ Яворскій, приготовилъ протестъ, заподозривая Прокоповичево ученіе въ неправославіи, обманутый преувеличенными разсказами о немъ Вишневскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Прибывъ въ Петербургъ, Стефанъ разъубѣдился въ противномъ. Между тѣмъ, 1 іюня 1718 г. рукоположили Ѳеофана въ епископа псковскаго и вслѣдъ за тѣмъ занялся онъ, по указу царскому, составленіемъ духовнаго регламента, оконченнаго въ 1719 году. Подписанный сенатомъ и духовными лицами, утвержденный монархомъ, этотъ законодательный актъ положенъ въ основу дѣйствій открытаго Петромъ I Святѣйшаго Синода (14 февраля 1721 г.). Въ 1720 г. написанное Ѳеофаномъ «Первое ученіе отрокамъ» — опять вызвало протестъ противниковъ, желавшихъ подорвать богословскій авторитетъ его автора; но это имъ не удалось. Образовавъ синодъ, государь назначилъ президентомъ его Стефана, митрополита рязанскаго, а вице-президентами: архіепископа новгородскаго Ѳеодосія и псковскаго епископа Ѳеофана. Со смертью Стефана, Ѳеофанъ уступилъ до времени преимущество Ѳеодосію. Въ 1722 году сочинилъ Ѳеофанъ въ оправданіе произвола государя назначить себѣ наслѣдника «Правду воли монаршей», а затѣмъ получилъ онъ порученіе Петра написать исторію его царствованія (до Полтавской баталіи), изданную кн. Щербатовымъ, при Екатеринѣ II, также—«О блаженствахъ Евангельскихъ». Каждое изъ сочиненій Ѳеофана вызывало протесты его враговъ и, въ свою очередь,

ожесточало его противъ нихъ. Ладя съ Ѳеодосіемъ, въ послѣдніе годы Петра уже начавшимъ выказывать свою необузданность въ рѣчахъ и угрозахъ, Ѳеофанъ при Екатеринѣ I погубилъ соперника своимъ доносомъ, о мнимомъ бунтѣ и засудилъ обвиняемаго имъ. Впрочемъ, хлопоча о возведеніи на престолъ Екатерины и отдѣлавшись отъ Ѳеодосія, Ѳеофанъ при этой императрицѣ, по доносу Маркелла Родышевскаго, былъ близокъ къ паденію, и смерть ея немного облегчила его опасенія, потому что князь Меньшиковъ оказывался его противникомъ; догадавшись, что Прокоповичъ примкнулъ было къ партіи Толстаго. Униженный синодъ подчиненъ Верховному тайному совѣту, какъ и сенатъ, и въ маѣ 1727 года велѣно произвести ревизію синода. Обрученіе дочери Меньшикова съ государемъ, совершенное Ѳеофаномъ, не примирило его съ правителемъ государства, видимо помогавшимъ теперь Георгію Дашкову. Отъ Ѳеофана скоро потребовали объясненій по новымъ показаніямъ Маркелла, но паденіе Меньшикова и заступленіе Остермана поправили дѣла Прокоповича. Онъ, за то, съ воцареніемъ Анны принялся губить безпощадно своихъ противниковъ и доносами объ оскорбленіи величества привлекъ всѣхъ возставшихъ на него въ тайную канцелярію, къ пыткамъ и лишенію сановъ. Самою высокою жертвою мстительности Ѳеофана былъ, разумѣется, архіепископъ тверской Ѳеофилактъ (Лопатинскій), долго томившійся и по смерти врага своего въ темницѣ и мукахъ. Губя другихъ, чтобы спасти себя въ грозное время доносовъ, Ѳеофанъ умеръ 8 сентября 1736 г. 55 лѣтъ отъ роду, сохранивъ до послѣдней минуты самосознаніе. Въ краснорѣчіи между современниками не было ему равнаго, и вѣнцомъ его

ораторскаго искусства было слово на погребеніе Петра Великаго.

Самъ любитель наукъ, Ѳеофанъ, живя роскошно, на своемъ подворьѣ, на Карповкѣ, завелъ школу, изъ которой вышелъ достаточно подготовленнымъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, извѣстный менторъ президента академіи наукъ, Разумовскаго, статсъ-секретарь Екатерины II Тепловъ былъ сынъ истопника Ѳеофанова, одинъ изъ десяти окончившихъ ученіе въ карповской школѣ и поступившихъ въ академическую гимназію.

Цѣна 3 руб.